

АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

на правах рукописи

Трубникова Юлия Витольдовна

ДЕРИВАЦИОННОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
ТЕКСТА

(на материале современного русского языка)

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата филологических наук по

специальности 10.02.01 - русский язык

Научный руководитель

доктор филологических наук

профессор Голев Н.Д.

Барнаул - 1997 г.

Содержание :

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....	6
ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМА ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЕДИНИЦ ТЕКСТА И НАПРАВЛЕНИЯ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ	17
1.1. ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КАК ОНТОЛОГИЧЕСКОГО ЯВЛЕНИЯ.....	17
1.1.1. СИСТЕМНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ФАКТОВ ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТ- ВИЯ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ.....	19
1.1.2. ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ СТАТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПОВТОРА.....	23
1.2. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОВТОРА В ЛИНГВИСТИКЕ.....	29
1.3. ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЕДИНИЦ ТЕКСТА С ТОЧКИ ЗРЕ- НИЯ ЕГО ДИНАМИКИ.....	35
1.3.1. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В ТЕКСТЕ МОТИВАЦИОННО СВЯЗАННЫХ ЕДИНИЦ КАК ОДИН ИЗ ТИПОВ ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ.....	36
1.3.2. ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЕДИНИЦ ТЕКСТА В ДЕРИВАЦИ- ОННОМ АСПЕКТЕ.....	40
1.4. ВЫВОДЫ.....	47

ГЛАВА 2. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ТИПЫ ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ТЕКСТА И ВНУТРИТЕКСТОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ АКТУАЛИЗАЦИИ ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ.	49
2.1. ДЕРИВАЦИОННО-ДЕТЕРМИНАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ТЕКСТЕ И ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ.....	50
2.2. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВНУТРИТЕКСТОВЫХ МЕХАНИЗМОВ АКТУАЛИЗАЦИИ ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ (ХОД И РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТА).	61
2.2.1. ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ МЕТОДИКИ.....	61
2.2.2. РЕЗУЛЬТАТЫ I ЭТАПА ЭКСПЕРИМЕНТА.	66
2.2.3. РЕЗУЛЬТАТЫ КОНТЕКСТНОГО АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА.....	79
2.3. АНАЛИЗ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ДАННЫХ.	92
2.3.1. СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭКСПЕРИМЕНТА.....	92
2.3.2. АНАЛИЗ УСЛОВИЙ АКТУАЛИЗАЦИИ ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТИ ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ КОНТЕКСТНОГО АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА.	106
2.3.3. ВЫЯВЛЕНИЕ ОСНОВНЫХ ДЕРИВАЦИОННЫХ ПРИЗНАКОВ ТИПОВ ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АНАЛИЗА ЭКСПЕРИМЕНТА.	113
2.4. ВЫВОДЫ.....	120
ГЛАВА 3. СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ ЛЕКСИКО-ДЕРИВАЦИОННЫХ РЯДОВ.	122

3.1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕКСИКО-ДЕРИВАЦИОННЫХ РЯДОВ.....	122
3.2. СТРУКТУРНАЯ ТИПОЛОГИЯ ЛЕКСИКО-ДЕРИВАЦИОННЫХ РЯДОВ.....	124
3.3. ФУНКЦИОНАЛЬНО-ДЕТЕРМИНАЦИОННАЯ ТИПОЛОГИЯ ЛЕКСИКО-ДЕРИВАЦИОННЫХ РЯДОВ.....	129
3.3.1. ЛДР С ОДНОНАПРАВЛЕННОЙ ФОНЕТИЧЕСКОЙ ДЕТЕРМИНАЦИЕЙ.....	131
3.3.2. ЛДР С ОДНОНАПРАВЛЕННОЙ МОРФЕМНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИЕЙ.....	135
3.3.3. ЛДР С ОДНОНАПРАВЛЕННОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ДЕТЕРМИНАЦИЕЙ.....	139
3.3.3.1. ДЕТЕРМИНАНТ И ДЕТЕРМИНАТ РЯДА - ОДИН ЛЕКСИКО - СЕМАНТИЧЕСКИЙ ВАРИАНТ.....	139
3.3.3.2. ДЕТЕРМИНАНТ И ДЕТЕРМИНАТ РЯДА - ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ ОДНОЙ ЛЕКСЕМЫ.....	151
3.3.3.3. ДЕТЕРМИНАНТ И ДЕТЕРМИНАТ РЯДА - САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ЛЕКСЕМЫ.....	153
3.3.4. ЛДР С РАСЩЕПЛЕННОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ДЕТЕРМИНАЦИЕЙ.....	162
3.3.5. ЛДР С РАСЩЕПЛЕННОЙ ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКОЙ ДЕТЕРМИНАЦИЕЙ.....	165
3.4. ВЫВОДЫ:.....	167
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	170
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	174

Список условных сокращений

ЛГ - "Литературная газета"

ЛДР - лексико-деривационный ряд

ЛСВ - лексико-семантический вариант

СК - синтаксическая конструкция

С - семантический

ФС - формально-семантический

ФСВ - формально-семантическое взаимодействие лексических единиц текста

ФСС - формально-семантические связи лексических единиц текста

D - детерминант лексико-деривационного ряда

D_n - детерминат лексико-деривационного ряда

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа выполнена в русле деривационного направления изучения текста. Являясь центральным понятием дериватологии, понятие деривации, под которой мы вслед за Мурзиным Л.Н. понимаем "сам процесс образования слов, предложений, грамматических форм слова, словосочетаний, фразеологизмов, слогов, тактов и т.д., наконец текстов, т.е. всех возможных языковых единиц, начиная с фонемы и кончая текстом" [128,с.3], лежит в основе динамического исследования системы языка. Уровень разработанности понятия деривации в современной лингвистике дает возможность разграничить деривационные процессы по уровням языка и, что для нас наиболее важно, рассматривать текстовую единицу любого уровня и как результат, и как опорную точку процесса текстопорождения. Анализ лексических единиц текста в названном аспекте позволяет сосредоточить внимание не столько на процессе порождения слова, сколько на процессе его деривационного функционирования в тексте.

Процесс деривационного функционирования лексических единиц является разнонаправленным и, как и процесс порождения, идет, с одной стороны, от означаемого к означающему (вертикальное направление деривации) и, с другой стороны, от знака к знаку (горизонтальное направление). Это создает внутритекстовую возможность формирования формально-семантических связей (ФСС) и возникновения формально-семантического взаимодействия (ФСВ) единиц текста. **ФСВ лексических единиц текста** стало **объектом** предпринятого исследования, а в качестве **предмета** был избран **деривационный аспект названного взаимодействия**.

Речевые факты ФСВ лексических единиц изучались много, но в статическом аспекте. Традиции современного онтологического и функционального-статического исследования

ФСВ (см. главу 1) не дают возможности рассматривать это явление в контексте текстообразования.

Процессы деривационного функционирования слова и, в частности, включенность ФСВ лексических единиц в механизм порождения и развертывания текста исследуются при динамическом описании функционирования в тексте производных и/или мотивационно связанных слов (О.И.Блинова, Е.А.Земская, З.И.Резанова, М.Н.Янценецкая). Но предметом исследования остается изучение функционирования в тексте языковой словообразовательной модели. Это уменьшает объем изучаемых речевых фактов, кроме того, системные мотивационные связи не обязательно релевантны реальным связям элементов текста. При анализе ФСВ необходимо говорить не о мотивированности, но о детерминированности текстовых единиц.

Для описания текстового функционирования ФСВ необходимо глубокое исследование детерминативного аспекта текстовой деривации, который в целом остается малоизученным, хотя мысль о самодетерминации языко-речевой материи не раз высказывалась исследователями (В.Г.Гак, Н.И.Жинкин, С.Д.Кацнельсон, А.Р.Лурия).

В последнее время в рамках дериватологии созданы описания процессов порождения номинативных единиц с позиций обусловленности (Н.Д.Голев, Е.Г.Гусар, Б.А.Зильберт), когда определяются актуальные для порождения единицы "деривационно-детерминативные процессы" (объективные - речь, текст; субъективные - установка, опыт субъекта). Доказывается, что "Порождение любой языковой единицы происходит на основе предшествующего данного... - и каждая порождающая единица в общем порождающем/порождаемом контексте в качестве генетического кода содержит порождающее предшествующее данное." [198, с.7]. Способность языко-речевой материи развиваться на основе предшествования получила название суппозитивной функции [46], а включенность предшествующего в последующее - текстовой суппозиции. Одним из проявлений текстовой суппозиции является "продленная

сема" - "сема, эксплицированная предтекстом и функционирующая в слове-выходе в качестве ядерной" [46, с.15].

Значимость данного направления исследований несомненна, однако в ходе их рассматривается лишь одна сторона, одно направление процесса текстопорождения. Однако уже в работе Е.Г.Гусар при анализе семантики слов-выходов и характера их семантического опосредования в ходе лингвистического эксперимента высказывается мысль о том, существует процесс, обратный текстовой суппозиции, "актуализация определенного содержания предтекста по отношению к другим, потенциально возможным содержаниям данного предтекста, выявляемая при анализе благодаря семантике слова-выхода, и актуализация... определенных сем предтекста по отношению к коммуникативно релевантным семам деривата." [198,с.19]. Поэтому необходимо изучение процессов деривации/детерминации лексических единиц не только в аспекте линейного развертывания текста, но и в аспекте взаимодействия и взаимобусловленности единиц текста, выступающих в процессе его деривации как детерминант и детерминат.

Возникающее в процессе текстовой детерминации продление семантики детерминанта, обнаруживаемое в детерминате (Н.Д. Голев, Е.Г. Гусар), актуализирует эти единицы по отношению к тексту в целом, причем актуализирует сильнее, если в процессе деривации/детерминации возникают не только семантические, но и формальные связи. В результате формируется сложный смысловой комплекс, в определенной степени новая единица текстового уровня, для обозначения которой были сформулированы понятия типа формально-семантического взаимодействия единиц (тип ФСВ) и лексико-деривационного ряда (ЛДР). Под ЛДР понимается ряд слов текста, приобретающих в конкретных текстовых условиях формально-семантические связи и находящиеся друг с другом в отношениях детерминации.

Актуальность исследования связана, во-первых, с тем, что предпринята попытка рассмотреть деривационное функционирование не потенциальных языковых единиц и словооб-

разовательных моделей в тексте, но актуализированных и детерминированных дериватов; во-вторых, с тем, что функционирующая в тексте лексическая единица рассматривается не изолированно, но как детерминированная самим текстом и включенная в состав более сложных семантических комплексов.

Целью исследования явилось определение основных закономерностей лексико-деривационного функционирования единиц в русском тексте.

Реализация названной цели возможна лишь при динамическом рассмотрении процессов порождения единиц текста. Динамический подход, в нашем понимании, заключается, с одной стороны, в признании динамической природы языка как саморазвивающейся системы, с другой - в методике анализа, позволяющей описать динамику деривационно-детерминативных процессов.

В задачи исследования входило:

1. Обосновать статус деривационной лексикологии в онтологическом и гносеологическом аспектах.
2. Выработать методику деривационно-лексикологического анализа типов детерминированного формально-семантического взаимодействия лексических единиц текста.
3. Апробировать названную методику на сплошных текстовых массивах.
4. Разработать типологию функциональных типов формально-семантического взаимодействия.

На защиту выносятся следующие положения:

- 1 Порождение текста протекает по двум основным моделям: семантической и формально-семантической; результатом деривационного функционирования слова в тексте является формирование определенного типа формально-семантического взаимодействия лексических единиц, принадлежащего системе языка.
- 2 Анализ деривационного функционирования лексических единиц текста в аспекте их детерминированности позволяет рассматривать типы формально-семантического взаимодействия как элементы полевой структуры; ядро поля составляют лексико-деривационные ряды, результат порождения текста по формально-семантической модели, а к периферии относятся лексические ряды с отрицательной формальной детерминацией и с тавтологией.
- 3 Актуализация формально-семантических связей и отношений есть сложный процесс, составляющими которого являются:
 - 3.1 актуализация формы (в том числе и внутренней) всех входящих в ряд единиц,
 - 3.2 актуализация смысла ряда по отношению к семантике его членов,
 - 3.3 актуализация синтаксических отношений пропозициональных единиц, включающих входящие в ряд лексические единицы.
- 4 Лексико-деривационные ряды формируются в процессе порождения текста как сложная смысловая единица этого текста, различные их типы не одинаковы по степени актуализации формально-семантических связей и отношений между единицами.
- 5 Детерминационные отношения между членами лексико-деривационного ряда позволяют рассматривать ряд как целостный объект, представляющий собой систему связей между единицами, входящими в него.
- 6 Процесс детерминации номинативных единиц текста есть самостоятельный деривационный процесс, не являющийся проекцией в речи мотивационных отношений между лексическими единицами и не зависящий от этих отношений.

Методы исследования определяются особенностями объекта наблюдения - формально-семантического взаимодействия лексических единиц текста. Основным является метод структурно-функционального анализа, включающий ряд приемов: наблюдение над фактами речи, их системное описание, сопоставление, классификацию. Для проверки и подтверждения теоретических гипотез используется метод лингвистического эксперимента.

В работе создается комплексная методика функционально-динамического описания деривационного функционирования лексических единиц текста, при формировании которой используются:

- 1) интегральная концепция лексического значения (Комлев Н.Г., Лосев А.Ф., Стернин И.А.), концепция статической лингвистики, позволяющая однако описывать реальную порождаемую семантику текстовых единиц, поскольку не рассматривает значение слова как языковое явление, но исходит из того, что семантика формируется как результат функционирования слова в тексте и включает не только структурно релевантные, но и коммуникативно значимые структурно избыточные семантические признаки;
- 2) метод компонентного анализа (Комлев Н.Г., Стернин И.А., Улуханов И.С.), который "восходит к понятию значимости Ф. де Соссюра и заключается в выявлении элементов содержания на основании имеющихся в языке оппозиций смыслов" [107]; основанный на гипотезе о том, что значение каждой единицы языка состоит из семантических компонентов, то есть структурируется, метод, хотя традиционно оценивается как статический, используется для динамического описания лексики;
- 3) теория актуализации (Белявская Е.Г., Григорьев О.П., Ерасова Л.Г.), основное положение которой - тезис о реализации в контексте потенциалов слова как элемента системы в результате его актуализации, текстовой и детерминативно-ассоциативной

[19;20;51;60], по отношению к другим элементам текста; в настоящей работе рассматривается актуализация типов ФСВ относительно других текстовых элементов и всего текста, обуславливающая, в частности, формирование целостного смысла лексического ряда с ФСС.

Материал анализа представляют собой контексты, в которых реализуются различные типы формально-семантического взаимодействия, полученные путем сплошной выборки из "Литературной газеты" (№ 20, 21, 22, 23, 24, 26 за 1994 год), кроме того при анализе учитывались отдельные контексты из других публицистических источников, реализующие тавтологические лексические ряды.

Выбор в качестве анализируемого источника именно газеты связан прежде всего со стилиобразующими особенностями публицистики в целом и ее "газетно-журнальной разновидности", выделяемыми современной стилистикой. Во-первых, это жанровое разнообразие представленных в газете текстов и связанное с этим разнообразие стилистического использования языковых средств: многозначности слова, ресурсов словообразования (активно реализующаяся возможность создания авторских окказионализмов), экспрессивной лексики (в том числе неологизмов, жаргонизмов и так далее). Во-вторых, использование изобразительно-выразительных средств языка, в частности средств стилистического синтаксиса, одно из которых традиционно именуется в стилистике повтором (о соотношении понятий "повтор" и "лексико-деривационный ряд" мы говорили в гл. 1). В-третьих, экономия языковых средств, лаконичность изложения при информативной насыщенности материала. И наконец, важной особенностью публицистического стиля, отмечаемой всеми, является обусловленное разнообразием тематики и жанров совмещение черт этого стиля с чертами других функциональных стилей русского языка (научного, официально-делового, художественного, разговорного).

Учитывая основные черты публицистического стиля, можно сказать, что "идеальное" публицистическое издание есть срез литературного языка современной эпохи, объективное выражение его во всей полноте и во всем разнообразии. "Литературная газета" как раз и приближается к такому идеалу. Для этой газеты характерны большой объем, представленность на ее страницах всех возможных жанров, включая устную разновидность публицистической речи (интервью, материалы дискуссий и публичных выступлений), высокий уровень языковой компетенции ее авторов, их владение стилем в целом и обладание идиостилем. Все это позволяет, в определенной мере, считать выборку контекстов полной и объективно характеризующей лексико-деривационные механизмы языка в целом.

Научная новизна результатов исследования:

В представленной работе осуществлен динамический подход к анализу формально-семантических связей единиц текста. В результате рассмотрения возникающих в тексте формально-семантических связей в аспекте детерминативной деривации была обоснована возможность изучения всех типов формально-семантического взаимодействия лексических единиц текста (лексико-деривационные ряды, лексические ряды с отрицательной формальной детерминацией и тавтологические лексические ряды) как результата деривационного функционирования слова в речи; были впервые выдвинуты критерии разграничения функциональных типов формально-семантического взаимодействия, выявлены основания для их возможного со- и противопоставления.

Рассмотрение различных случаев функционирования формально-семантических связей единиц текста (включая отрицательное, то есть отсутствие материально выраженных формальных связей) выявило, во-первых, различия их прагматической организации в текстах, во-вторых, различную степень их соответствия языковой норме, в-третьих, различия, связанные с особенностями формирования семантики контекста и текста в целом. Все это

позволило сформулировать тезис о функциональности типов формально-семантического взаимодействия единиц текста и избрать основной параметр их анализа: детерминированность-ндетерминированность.

В работе доказывается, что основные типы формально-семантического взаимодействия лексем функционируют как речевая реализация двух основных моделей деривации текста (семантической и формально-семантической), принадлежащих системе языка.

Происходящая при формально-семантической деривации единиц актуализация их эпидигматических отношений впервые рассматривается как сложный процесс сопряжения в речи актуализации формы единиц, их разноплановых семантических и синтаксических отношений.

В работе формулируется понятие лексико-деривационного ряда (явление детерминированного формально-семантического взаимодействия), который рассматривается как сложная динамическая текстовая единица, обладающая собственной семантикой, анализируется динамические процессы формирования семантики ряда.

Практическая значимость исследования

Разработанные критерии разграничения функциональных типов ФСВ могут быть использованы в качестве методики анализа речевых ошибок в преподавании соответствующих разделов курса "Практическая стилистика русского языка".

Основные положения и выводы исследования могут стать материалом для обсуждения в рамках спецкурса "Проблемы деривационной лексикологии" и спецсеминара по заявленной теме.

Разработанная методика описания деривационного функционирования слова в тексте может быть использована для улучшения практики составления мотивационных словарей.

Кроме того, предложенная методика может быть эффективно использована в практике школьного обучения орфографии на основе стратегии интуитивной грамотности.

Апробация результатов исследования

Основные результаты исследования докладывались на Всероссийском научном семинаре "Человек-коммуникация-текст" (Барнаул, 1995 г.), на Международной конференции "Культура и текст" (Барнаул, 1996).

Основные положения работы обсуждались на кафедре современного русского языка Алтайского государственного университета (1995-97 гг.).

Результаты исследования использовались при проведении семинарских занятий и лабораторных работ в рамках курса "Практическая стилистика русского языка".

По материалам исследования опубликовано 4 работы.

ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМА ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЕДИНИЦ ТЕКСТА И НАПРАВЛЕНИЯ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ

Данная глава посвящена постановке проблемы формально-семантического взаимодействия элементов текста и обоснованию целесообразности деривационного аспекта ее исследования. В главе делаются предварительные замечания о двух направлениях протекания деривационно-детерминационных процессов в конкретных текстах: семантическом и формально-семантическом. На основе первоначальных наблюдений выдвигается гипотеза существования нескольких различных типов формально-семантической общности лексических единиц текста и формируется понятие лексико-деривационного ряда.

1.1. Исследование проблемы формально-семантического взаимодействия лексических единиц как онтологического явления

Исследование проблемы формально-семантического взаимодействия в лингвистике имеет достаточно давнюю историю и определенные традиции. Первоначально эта проблема рассматривалась в рамках более общей проблемы относительной избыточности языка, которая может рассматриваться на уровнях грамматики и семантики. Обязательный грамматический плеоназм как факт языка выделял Ш.Балли [17], противопоставляя его плеоназму как факту речи, не носящему императивного характера. Он же подразделял последний на плео-

назм экспрессивный, являющийся стилистическим приемом, и плеоназм "порочный", речевую ошибку. Выясняя причины возникновения избыточности текста, исследователи видели их в характере человеческого мышления. Во-первых, повторение смысла связано с потребностью говорящего донести мысль до слушающего, когда субъект речи намеренно прибегает к повторению, чтобы усилить смысл высказывания. Во-вторых, избыточность возникает, когда мысль выражается не сразу, а постепенно, говорящий часто без надобности повторяет то, что уже сказал, об этом писал еще А.А.Потебня: "Повторение слова и оборота вызвано чувством, замедляющим течение мысли, например гневом, который располагает к тождеству." [151, с.552].

Особенно актуальной проблема смысловой избыточности текстов стала с середины нашего века в связи с разработкой статистической теории связи, одной из задач которой является как раз определение меры избыточности в различных кодах. Избыточность определяется теорией информации как "свойство языков, кодов и знаковых систем, возникающее из-за избытка правил и способствующее поддержанию связи вопреки всем противодействующим факторам неопределенности." [187,с.41]. Согласно этой теории априори предполагается, что сообщения выражены знаками. В этом случае можно количественно оценить величину избыточности, добавляемой или устранимой при изменении структуры кода. Но с подобной меркой нелегко подойти к определению избыточности текста на обычном языке, хотя можно приближенно установить верхний и нижний пределы.

Так, например, К.Шеннон описал методику оценки средней избыточности в печатном тексте (определенного класса) по относительной доле текста, которую способен предсказать или предугадать читатель [192]. Каждый человек накопил в памяти большой объем языковой статистики, отражаемой в его речевых навыках и общепринятых соглашениях как на синтаксическом и морфологическом, так и на лексическом уровнях. Он помнит правила произношения, порядок слов в предложении, грамматику, идиомы и штампы, он запоминает типич-

ные словосочетания и фразеологию, уместные в определенной ситуации, и в некоторых пределах способен делать предсказания, исходя из своих знаний о предмете или о позиции автора. Вся эта первичная информация всплывает при чтении текста, избыточность сложнейшим образом распределена среди этих различных факторов.

В результате эксперимента К.Шеннон производит числовую оценку избыточности. Однако в данном случае исследуется субъективная избыточность текста, зависящая от разговорных навыков воспринимающего, приобретенных за долгие годы языковой практики. Но существует и объективная, внутренняя избыточность текстов, проявляющаяся, в частности на уровне лексики и морфемики, как формально-семантическое сближение, взаимодействие языковых единиц, подлежащая только лингвистическому анализу.

1.1.1. Системное изучение фактов формально-семантического взаимодействия как лингвистической проблемы

Изучение формально-семантического взаимодействия единиц текста активно начинается в нашей лингвистике в 60-е годы 20-го века. Исследователи, вслед за Ш.Балли, выделяли текстовую избыточность как ошибку, тавтологию, и как стилистический прием, берущий начало в фольклорной традиции и способствующий более точной передаче мысли: "борясь с тавтологией, надо всегда иметь в виду, что иногда этот прием бывает стилистически оправданным и используется как средство эмоционального воздействия для подчеркивания какого-либо явления, признака" [110, с.19]. Однако текстовые условия использования тавтологии в качестве приема выясняются недостаточно. Теоретически обоснованы как приемы только сочетания с творительным тавтологическим (типа "*белым-бело*", "*смехом смеялись*") и с тавтологическим эпитетом (типа "*дальние дали*") [58; 145].

В сочетаниях первого типа, считает А.П.Евгеньева, "нашли отражение синтаксические отношения более древней поры, когда однокоренное имя в творительном падеже было показателем непереходности ("глагольности") сказуемого и одновременно являлось выражением полноты "глагольного" (в данном случае прилагательного-сказуемого) признака... В дальнейшем, с утратой старой функции, в связи с лексической дифференциацией глаголов по их переходности-непереходности, с последующей дифференциацией семантики, которая определила и синтаксические связи, старые формы вступали в противоречие с новыми принципами, но функция, сопутствовавшая основной (информативной) функции и заключающаяся в полноте выражения глагольного признака, обуславливала жизненность этих форм." [58,с. 216-217]. Таким образом, считает А.П.Евгеньева, творительный тавтологический образа или способа действия при прилагательном, теряя свою грамматическую функцию, приобретает функцию усиления и уже в новой функции начинает использоваться при глаголе, а затем и при наречии и даже существительном для усиления значения, постепенно трансформируясь при последнем в тавтологический эпитет. Переосмысление языкового явления, утратившего свою прежнюю функцию, на основе заново сложившихся норм и отношений ведет к переходу его в другую категорию явлений: и творительный тавтологический, и тавтологический эпитет постепенно превращаются из самостоятельных значимых слов в составную часть сложного целого. Описание этих сложных исторических процессов в языке дает представление о причинах устойчивости и жизненности однокоренных тавтологических сочетаний и о возможности использования их в качестве средства выразительности, но не объясняет явления тавтологии в целом.

Систематизировать многообразие предложений и конструкций современного русского языка, включающих в свой состав однокоренные слова, попытался А.И.Аникин [12], чья работа, несмотря на определенную ее слабость, до сих пор остается единственной в своем роде именно потому, что исследователь считает: условия допустимого употребления однокорен-

ных слов в составе предложения в значительной мере зависят от структуры самого предложения, от синтаксических функций данных слов, местоположения и отношения друг к другу, а также от того, образуют ли эти слова одно словосочетание или входят в разные. А.И.Аникин формулирует основные, на его взгляд, условия правильного употребления тавтологических единиц. Во-первых, неизбежным является включение в предложение однокоренных слов, которые являются единственными носителями передаваемых значений. Во-вторых, тем больше возможность употреблять в составе одного предложения и даже одного словосочетания однокоренные слова, чем дальше они отстоят друг от друга в словообразовательной цепи, чем дальше разошлись они семантически и структурно. В-третьих, предложение может включать в свой состав слова с общим корнем, одно из которых является сложным или сложносокращенным, когда они семантически и фонетически далеки друг от друга. И, наконец, по мнению А.И.Аникина, не является ошибочным употребление в предложении слова, родственного с одним из компонентов составного термина или фразеологизма.

Не со всеми положениями А.И.Аникина можно согласиться. например, следуя своим выводам, он приводит как нормативные такие словосочетания и предложения: *"Он был одарен великим даром поэзии."*, *"Рукопись начисто переписана автором."*, *"реорганизация Организации Объединенных Наций"* и т.д. Но о конкретных примерах можно, конечно, спорить, принимая во внимание субъективные особенности восприятия. Главный недостаток анализа А.И.Аникиным фактов формально-семантического взаимодействия лексических единиц в словосочетании и предложении, на наш взгляд, в том, что основным критерием "правильности" является для него критерий источника: ошибаться может провинциальная газета, а не центральная, ошибаться может средний человек, но не признанный писатель. Именно поэтому автор сам постоянно разрушает свои теоретические построения, обосновывая уместность тавтологических высказываний "авторитетных источников".

Кроме того, очевидно (но только с точки зрения современного состояния лингвистики), что тавтологию (и прием, и ошибку) не плодотворно рассматривать с позиций статики, признание ее фактом речевого функционирования слова диктует необходимость иной методологии анализа. Тем не менее, работа А.И.Аникина является первым и единственным в своем роде теоретическим осмыслением формально-семантических связей лексических единиц текста как целостного, системного явления, единственной попыткой установить объективные языковые критерии, влияющие на восприятие тавтологичных синтаксических единиц.

Позднее названная проблема, насколько нам известно, ставилась редко и не в полном объеме, основным критерием оценки избыточных синтаксических конструкций (равно как и других языковых явлений) стал довольно расплывчатый и по сути чисто субъективный принцип коммуникативной целесообразности, выдвинутый В.Г.Костомаровым и А.А.Леонтьевым: "правильность литературного выражения выступает функцией коммуникативно-стилистической целесообразности и, так сказать, соразмерности данного высказывания каждой данной ситуации, речевому жанру, стилю, вообще ... сфере применения языка." [92, с.5-6].

Критерий был выдвинут - и целое направление исследований практически перестало существовать. В результате факты формально-семантического взаимодействия лексем в конкретных текстах часто несправедливо трактуются как проявления тавтологии, подлежащие корректировке, или наоборот. В целом онтологическое исследование проблемы формально-семантических связей в тексте стало рассматриваться как стилистическое и во многом было сведено к систематизации тенденциозно подобранных "стилистически оправданных" речевых фактов, получивших в лингвистике название "повтор".

1.1.2. Основные аспекты статического исследования повтора

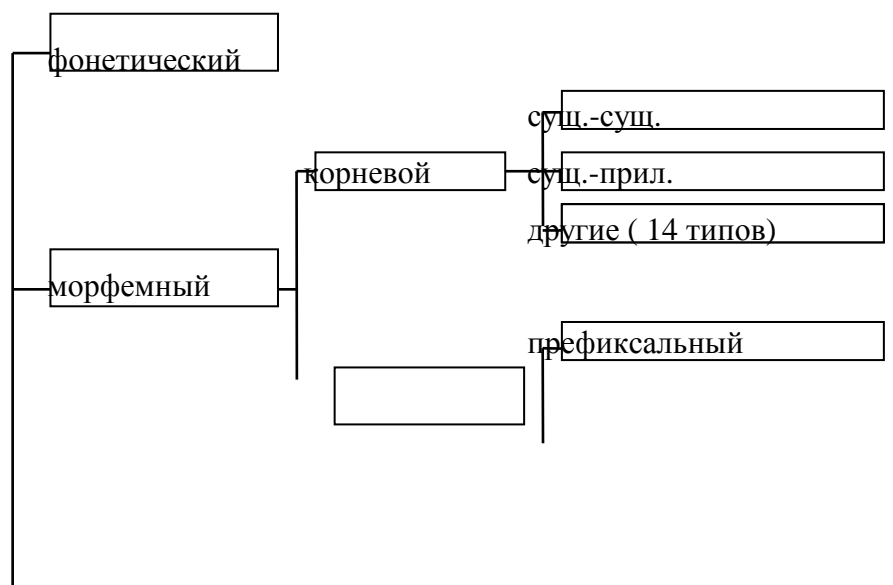
Итак, все речевые факты формально-семантического взаимодействия, которые не могли быть квалифицированы как ошибка, были сведены к одному понятию повтора. С лингвистической точки зрения повтор - это "неоднократное появление в определенном отрезке речи языковой единицы на соответствующем лингвистическом уровне." [50, с.2]

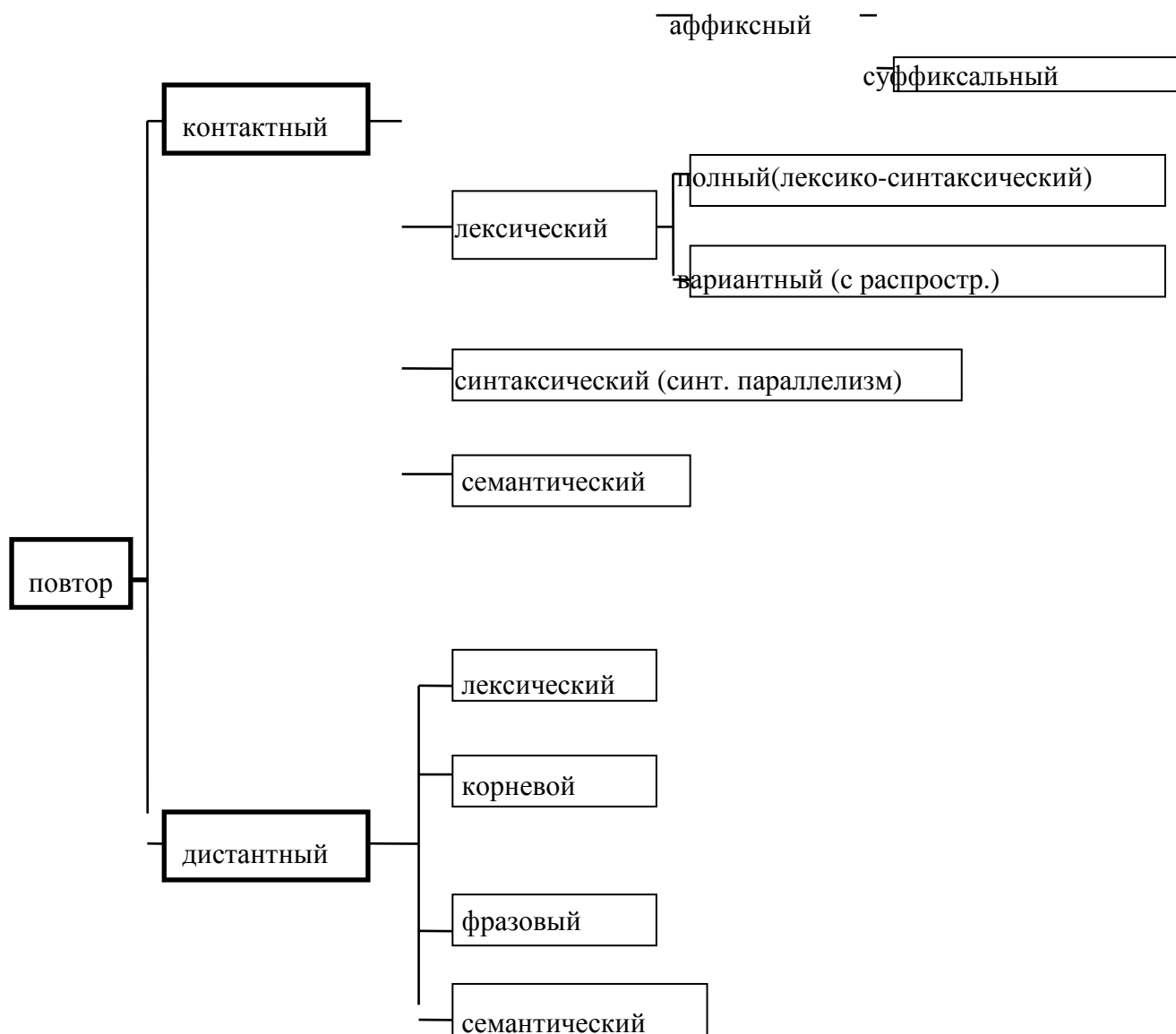
Основной проблемой множества работ по названной тематике (на материале русского, английского немецкого и других языков) стало выделение типов повторов по различным основаниям. Все работы могут быть разделены на две основные группы с точки зрения сферы функционирования данного явления: в разговорной речи или в письменном тексте (оговоримся, однако, что часто исследователи, даже такие авторитетные, как Н.Ю.Шведова, смешивают разные сферы, анализируя примеры "разговорной речи", взятые из литературных текстов). Кроме того, при рассмотрении явления повтора его разновидности выделяются либо с учетом того, что повторяется (к какому языковому уровню принадлежит повторяющаяся единица), либо с учетом того, как повторяется. Отвечая на вопрос "как" исследователи различают простой (непосредственный) повтор, обрамление, подхват, анафору, эпифору и т.д., кроме того, видят основания разграничить повторы в микро- и макроконтестах, или контактный и дистантный. Реализация же первого подхода, аспектного, зависит от разницы понимания самого явления повтора, узкого или широкого его рассмотрения. При узком понимании рассматривается лишь повторение лексических единиц, конститутивными признаками повтора в тексте считаются, во-первых, наличие в высказывании повторяющейся избыточной синтаксической позиции, во-вторых, факультативность повторения с точки зрения передачи основной предметно-логической информации и с точки зрения выражения синтаксических связей и отношений в пределах высказывания и, в-третьих, прагматическая функциональная направленность. При широком подходе анализируется повторение любых элементов

языка, от звуков до синтаксических конструкций. В целом типологию повторов, существующую в современной лингвистике можно представить в виде схемы (рис. 1.).

Основа этой типологии была предложена Н.Т. Головкиной в ее кандидатской диссертации еще в 1964 году, типология активно используется исследователями при статическом описании речевых фактов и практически не претерпела существенных изменений, не считая расшифровки и дополнения ее подтипов.

Рис. 1. Схема представления понятия "повтор" в современной лингвистике.

Если внимательно рассмотреть реализованную в литературе классификацию повторов, нетрудно заметить эклектичность представленного понятия. Во-первых, отсутствует единое основание классификации речевых фактов. Выделение контактного и дистантного повторов возможно только по динамическому основанию, с точки зрения функционирования слова в тексте, тогда как уровневое разграничение типов повтора является чисто статическим.

Во-вторых, обращает на себя внимание нечеткость принципов выделения контактных и дистантных повторов, неопределенность этой дистанции, границы между микро- и макро-контекстом. Исходя из значения слова повтор, т.е. "сделанное еще раз, имеющее место еще

раз", а также учитывая, что "природа повтора - в избыточности передаваемой информации и в рекуррентности, т.е. способности возвращать к прочитанному" [185, с.108], необходимо сделать вывод, что некоторое количество языковых единиц воспринимается как одна повторяющаяся, если они сталкиваются, накладываются одна на другую в сознании реципиента, а значит, при ограниченном объеме оперативной памяти человека, необходима определенная пространственная близость этих единиц в тексте. Последние исследования, в частности работа Корбут А.Ю., показали, что наложение это происходит, если расстояние между единицами не превышает 1/91 объема целого текста, в противном случае языковые единицы воспринимаются как самостоятельные, не связанные друг с другом [91]. Однако "пространственный" критерий не учитывается в работах по дистантному повтору.

В-третьих, отсутствует единое основание для выделения типов повторов. Поскольку понимание повтора, наиболее распространенное в современной науке, связывается с "совпадением означаемых повторяющихся языковых единиц и с тождественностью как частичным совпадением их означающих" [57, с. 48], т.е. основным признаком классификации является формально-семантический, то неправомерно не только выделение семантического повтора (не реализуется формальный признак), но и фонетического и синтаксического повторов (нет сходства означаемых). Если же основным типологизирующим признаком признать формальное сходство, то из классификации вновь выпадает класс языковых явлений, названный семантическим повтором.

В-четвертых, само понятие "семантический повтор" представляется неточным, так как имеются в виду не только синонимические и местоименные замены языковых единиц, при которых частичное дублирование семантики имеет место, но и разные именованья одного референта. Кроме того, перенос семантики наблюдается и при лексическом и корневом повторах, что часто не учитывается.

Это последнее противоречие заставило Н.Добронравову выдвинуть новый аспект анализа повторов - номинативный [57]. При этом подходе признаком разграничения видов повтора становится их различие по типу референции. Н. Добронравова подразделяет все случаи повторения языковых единиц на повторы с единой референцией (лексические: *бегал-бегал*; морфемные: *ни спечь, ни столочь*; семантические: *глядеть-смотреть*), с идентичной референцией (все случаи дистантного лексического и семантического повтора, самостоятельные именованья одного и того же референта), и с разной референцией (лексические повторения: *камушек за камушком*; корневые повторы). Собственно к повтору Н.Добронравова относит лишь те случаи "неоднократного контактного воспроизведения языковых единиц, которые объединяются в речи в единое наименование с номинативно-характеризующим значением" [57, с.55]. Данный подход привлекает как раз вычлениением единого основания классификации языковых явлений, но вызывает возражение то, что новая классификация как бы "примеряется" к традиционной, которая, исходя из первоначальных посылок, должна бы быть критически переработана. Выделенные ранее типы повторов не переосмысливаются, это опять касается понятия "семантический повтор", о котором мы уже говорили.

Общее понятие семантического повтора корректно вводится С.И.Гиндиным. Определяя повтор как "внутреннее уподобление составляющих текст субтекстов, их внутренней структуры путем употребления в каждом из них какого-либо тождественного элемента или достаточно сходных элементов" [42, с.10] и рассматривая его единственно как механизм осуществления цельности и связности текста, С.И.Гиндин под семантическим повтором понимает любое повторение "некоторого неграмматического значения, некоторой совокупности смысловых признаков" [42, с.14]. В рамках семантического повтора им выделяются лексический повтор (дублирование вещественного и грамматического значения, а также фонетического облика) и полевой повтор (дублирование только вещественного значения), который в свою очередь подразделяется в зависимости от того, что повторяется кроме вещественного значе-

ния, на корневой (вещественное значение и фонетический признак), синонимический (вещественное и грамматическое значение) и чисто семантический (только вещественное значение). Подход С.И.Гиндина, несомненно, дает возможность более широкого взгляда на проблемы формально-семантических связей в тексте, но в целом не преодолевает общего недостатка основной массы онтологических исследований, заключающегося в статическом рассмотрении речевых фактов.

Статический подход к проблеме не позволяет рассматривать повторяющиеся единицы как элементы динамического развертывания текста, определенным образом соотносящиеся друг с другом. Аспект же отношения представляется нам крайне важным, поскольку текст есть "упорядоченная пара объектов $\{SR\}$, состоящая из множества элементов S и множества R отношений между этими элементами" [44,с.5].

Только в достаточно давней работе Лепиной Р.А. сделана попытка анализа отношений, главным образом семантических, между повторяющимися лексемами. Ей удалось выявить типы различий в денотации исследуемых единиц. Так, например, для существительного это: а) выделение одного из многих; б) включение одного в ряд подобных; в) сопоставление одного или нескольких разных предметов и т.д. Но главный интерес для автора представляет "разница в дистрибуции, то есть разная форма и/или разное лексическое наполнение окружения рассматриваемых лексических единиц" [105,с.8]. И хотя заявлено особое понимание повтора как "особого, определенным образом детерминированного элемента предложения" [105,с.3], сам характер детерминации не выявляется, так как отношения детерминации по сути своей являются формой движения и развития и не могут быть исследуемы в полной мере с позиций статических. Выявление и сопоставление процессов детерминации в конкретных текстах возможно лишь при условии динамического их рассмотрения.

1.2. Функциональный анализ повтора в лингвистике

Еще одним, достаточно разработанным, подходом к исследованию повторяющихся единиц является функциональный, заключающийся в рассмотрении их роли в тексте, в выделении их текстовых функций.

В качестве основной, а иногда и единственной функции повтора, указывается функция создания связности текста [82; 84; 93; 119; 123; 156]. В качестве одного из механизмов связи блоков письменного текста рассматривают повтор, в частности, исследователи, занятые поиском и систематизацией языковых явлений, обеспечивающих возможность автоматического создания и распознавания текстов (Гиндин С.И., Севбо И.Б. и другие). Однако, изучение, например, патологической речи доказывает, что повтор не есть абсолютный показатель связности [103]. Тем не менее, эта функция повторяющихся языковых единиц регулярно выделяется исследователями как письменного текста, так и разговорной речи.

Как одно из средств связности текста рассматривают повтор авторы коллективной монографии "Русская разговорная речь". Проблемы повтора связываются ими с явлением интонационного членения высказывания. Отличительными признаками конструкций с повторами в разговорном "монологе" и являются наличие повторяющихся компонентов и распределенность их по разным синтагмам. Интонационное членение разбивает высказывание на части, нарушает синтаксические связи и тем самым затрудняет восприятие высказывания в целом. Повтор способствует "воссозданию" этих связей, поэтому "повторяющийся элемент - только структурный компонент, новой семантической информации повтор не дает." [158, с.366]. Роль повтора как "средства склеивания синтаксической цепочки" ясно видна в тех случаях, когда в одну предикативную конструкцию вставляется другая, нарушающая непрерывность связей первой.

От названных повторов, выполняющих функцию связи частей высказывания, отличается повтор непредикативных членов высказывания в его конце. Такой повтор не зависит от интонационного членения и является средством "подчеркнуть особый динамический вес тех членов, которые при первоначальном линейном развертывании высказывания могли быть упущены из вида и затем добавлены в конец." [158, с.372]. Повтор в этом случае является уже не просто вспомогательным элементом, а средством подчеркивания коммуникативной значимости высказывания. Сходное явление наблюдается и в разговорном диалоге, в таких речевых ситуациях, когда повтор не является просто реакцией на сказанное, но "когда слово или сочетание слов повторяется, подхватывается, чтобы продолжить, развить то, что высказано в предшествующей реплике" [72, с.128]. В этих случаях повторяемое слово подвергается определенному синтаксическому распространению, следовательно, синтаксическая роль лексического повтора оказывается более сложной. Чаще всего реплика, содержащая повтор, оформляется как самостоятельное предложение, и это переводит данную стилистически нейтральную конструкцию в разряд экспрессивного, стилистически значимого построения. Подобная функционально-смысловая дифференциация повторов характерна и для письменного текста, не все повторы равнозначны и эквивалентны в организации текста, поскольку "на употребление повторов влияют не только механические, но и смысловые, внешнетекстовые, экстралингвистические факторы, такие, как тема, сюжет, авторский замысел, функциональный тип текста и т.д., при этом определяющими являются скорее субъективные, чем объективные причины их употребления." [179, с.21]. С этой точки зрения в письменном тексте выделяются повторы тематические и лейтмотивные, выполняющие функцию "экспрессивного подчеркивания" [179].

Экспрессивная функция, наряду со связующей, большинством исследователей также признается основной функцией разного рода повторов [23; 56; 155; 168]. Чаще в этой функции используются корневые и аффиксные повторы, т.е. мотивационно связанные слова.

Предрасположенность именно этих повторов к использованию в качестве средства создания эмоционально насыщенной, выразительной речи обусловлена их природой: "однокорневые слова-мотиваты или одноструктурные образования представляют собой не простой лексический повтор, а повтор разных лексических единиц, обладающих большей возможностью ... выразить соответствующий объем смысловой и эмоциональной информации." [23,с.139]. Столкновение слов, близких друг другу, но не тождественных, способствует разрушению автоматизма использования языковых единиц, основанный на неотделимости означаемого и означающего. Наиболее ярко это проявляется при возникновении новообразований, когда сама новизна слова фиксирует на себе внимание и становится экспрессивным центром контекста. Выделяются несколько приемов связи повторяющихся единиц, повышающих экспрессию высказывания, среди них "намеренный плеоназм", передающий высокую степень проявления признака, каламбур, прием контраста [21]. Кроме того, экспрессивность может создаваться подчеркиванием причинно-следственных связей, отраженных в мотивационных отношениях слов.

В рамках экспрессивной функции разными исследователями выделяются экспрессивно-выделительная (или выделительно-усилительная) [98; 115; 148; 160], характерологическая [167; 182], изобразительная [167; 199], композиционная [94; 117; 123; 159], модальная [73, 80] функции, причем каждая имеет свои типизированные реализации. Так, выполняя экспрессивно-выделительную функцию, повтор является средством выражения длительного и интенсивного или, наоборот, ограниченно длящегося действия, средством усиления признака или степени качества, выполняя функцию модальную, он становится средством интенсификации побуждения или вопроса. Изобразительная функция повтора связана с выделением центральной детали предметного описания, деталей, важных для характеристики действующих лиц, с изображением действия в динамике. Характерологическую функцию повтор выполняет, характеризуя субъекта речи путем усиления субъективно-модального, эмоциональ-

ного значения высказывания. В своей композиционной функции повтор является средством организации подтекста и сигналом психологического и речевого присутствия персонажа.

Несмотря на существующие функциональные различия конструкций с повторами в конкретных текстах, они "всегда связаны с выражением дополнительной информации (сверхинформации) экспрессивного характера" [168, с.72]. Именно функционирование повтора чаще всего как средства создания сильной экспрессии и отличает в функциональном плане использование его в художественных и публицистических текстах от использования в разговорной речи, где он выступает больше в качестве средства связи.

Третьей ведущей функцией повторяющихся единиц называется функция эстетическая, связанная с созданием образности [22; 54; 85; 152], поскольку возникающие в тексте в результате повторов пары и цепочки, по сравнению с отдельным словом, "обладают большими возможностями в качестве слагаемых образной речи" [23 с.147]. Так как основой эстетического является широкий круг возникших или возникающих в ходе восприятия ассоциаций, а формальное сближение слов (например, фонетический и корневой повторы), актуализируя внутреннюю форму, само задает направление ассоциаций, использование таких слов в тексте способствует его эстетизации: "Явно ощущая созвучие и близкое морфологическое родство слов с общим корнем, а также их смысловое соотношение, авторы намеренно вносят их в предложение, выражая не только закрепленные за этими словами значения, но и возникшие в их художественном восприятии различные ассоциативные связи между словами." [12,с.26]

Подчеркнем, что все три названные функции определяются исследователями как основные, однако кроме них в различных работах выделяются и другие (которые, как правило, можно рассматривать как частные проявления основных), например, ритмическая (ритмико-интонационная) [54; 73; 199], побудительная [80], номинативная [82] и так далее. Функции мотивированных единиц "взаимопроникают друг в друга, обуславливая полифункциональность употребления языкового средства, при сохранении ведущей роли одной из функций"

[21, с.66]. Сферой проявления этих функций являются и разговорная речь, и письменный (художественный и публицистический) текст. В любой речевой ситуации названные явления выступают в большей или меньшей степени как средства актуализации внутренней формы слова и высказывания в целом. Но если, по данным наблюдения, в разговорной речи это чаще всего неосознаваемое, свободное сочетание (и построение) языковых единиц, то в письменных формах это сознательно используемый прием конструирования текста.

Необходимо заметить, что в рамках функционального направления исследований анализируются только статические функции повторяющихся элементов, то есть "назначение, роль, выполняемая единицей (элементом) языка при ее воспроизведении в речи" [16,с.506]. Но помимо этого всякая единица языка, становясь единицей текста, функционирует еще и как элемент разворачивающейся структуры. Этот аспект функционирования, а именно, "характер воспроизведения в речи данной языковой единицы, ее актуализация или транспозиция в контекст конкретного речевого акта" [Там же] остается во многом не исследованным именно в связи с преобладающим в лингвистике статическим подходом к анализу речевых фактов.

Отчасти последний аспект функционирования повторяющихся единиц раскрывается (насколько это возможно с позиций статики) в работах, посвященных анализу диалогической разговорной речи, в частности, в докторской диссертации Н.Ю.Шведовой при анализе лексических повторов. Выявляя статические функции повторов, она ставит их в зависимость от конкретной речевой ситуации, от того, вызвана ли реплика, включающая повтор, вопросом или утверждением. Это различие реплик-стимулов влияет на форму ответных реплик и определяет характер их модальных значений. Повтор в диалоге - всегда реакция на сказанное, и в зависимости от типа реакции Н.Ю.Шведова различает 12 разновидностей лексического повтора и его функции: в репликах, вызванных вопросом, основной является функция уяснения, а в репликах, вызванных утверждением - субъективно-модальная функция, т.е. выраже-

ние отношения к сказанному или к предмету разговора. И, наконец, смысловая несамостоятельность повторов полностью соотносится с их формой: "повторы не существуют в языке вне прямой зависимости от первой реплики, которой полностью подчинено и чьей формой обусловлено их строение" [191, с. 360].

В своем строении реплики-повторы подчиняются определенным правилам. Во-первых, многие типы повторов ограничены со стороны категорий повторяемых слов. Во-вторых, реплики-повторы строго ограничены со стороны возможного распространения их другими словами, расширения их состава. В-третьих, многие повторы строятся с учетом специальных слов, которые играют в составе второй реплики конструктивную роль: "они являются одним из таких ее компонентов, который не может быть изъят без того, чтобы эта реплика перестала существовать как данная синтаксическая единица, несущая в себе данное модальное значение" [191, с.375]. И последнее, разные типы повторов имеют особую интонационную характеристику.

Работа Н.Ю.Шведовой доказывает, что существование реплик-повторов обусловлено двусторонними конструктивными связями: такие реплики функционируют только как часть сложного целого, обнаруживая синтаксические связи с первой репликой диалогического единства и со второй частью сложной конструкции, которую повтор собой начинает.

Характер воспроизведения и актуализации повторяющихся единиц становится предметом исследования и при синтагматическом анализе разговорной речи [6; 40; 124], которое предполагает, во-первых, установить, какие компоненты высказывания могут повторяться, во-вторых, описать, как располагаются по отношению к повторяющимся компонентам другие компоненты высказывания и, в-третьих, показать, какие возможности для актуализации открывает тот или иной тип повтора. Решая поставленные задачи, исследователи выводят зависимость обязательности наличия повтора от типа интонации: всякое высказывание может характеризоваться либо интонацией законченности, либо интонацией незаконченности.

Последняя сигнализирует, что последующий отрезок высказывания должен быть связан с предыдущим, а повтор не столько является средством связи, сколько позволяет уяснить характер и направление этой связи. Поэтому при интонационной незавершенности высказывания повтор - закономерное явление. При интонационной завершенности синтагмы повтор факультативен, так как продолжение речи может и не предполагать связи с предыдущим.

Однако, несмотря на теоретическую и практическую значимость результатов названных исследований, необходимо заметить, что все они остаются статическими и не дают представления о динамическом функционировании языковых единиц, создающих лексическую избыточность предложения и текста.

Итак, традиции современного как онтологического, так и функционального исследования повторяющихся языковых единиц не дают возможности в полной мере рассматривать эти явления в контексте текстообразования. Проблема формально-семантических связей и формально-семантического взаимодействия единиц текста требует еще серьезной разработки с динамической точки зрения. Необходимо уточнить объем текстовых фактов, объединяемых динамическим понятием "взаимодействие", а следовательно, необходимо установить объективные критерии разграничения, с одной стороны, нормативной и ошибочной избыточности, а с другой - их функциональных типов.

1.3. Формально-семантическое взаимодействие единиц текста с точки зрения его динамики

Динамический подход к анализу языка, восходящий к В. фон Гумбольдту и его положению о том, что "язык следует рассматривать не как мертвый продукт

(Erzeugtes), но как создающий процесс (Erzeugung)" [52, с.69], поскольку "язык есть не продукт деятельности (Ergon), а деятельность (Energiea)" [52, с.70], является в настоящее время ведущим в лингвистике.

Представляется, что именно функционально-динамический подход к анализу формально-семантических связей единиц текста позволит углубить представление о названном языковом (именно языковом, а не речевом) феномене, описать помимо его хорошо изученных статических и новые свойства, характерные для формально-семантического взаимодействия единиц как элемента динамически развертывающейся структуры текста, объединить все их возможные проявления в единую лингвистическую модель.

1.3.1. Функционирование в тексте мотивационно связанных единиц как один из типов формально-семантического взаимодействия и проблемы его изучения

На основе динамического подхода в последние годы как самостоятельное направление изучения формально-семантических связей текста выделилось исследование морфемного повтора (преимущественно корневого), поскольку именно этому языковому явлению как никакому другому свойственна постоянная актуализация не только отношений мотивированности языковых единиц, но и самого процесса мотивации, а значит, актуализация процессов языковой деятельности.

Сущность явления мотивации составляют мотивационные отношения слов, реализующие один из видов системных связей в лексике - вид ассоциативной связи (Ф.де Соссюр), или эпидигматической (Д.Н.Шмелев), представляющей собой "третье измерение лексики". В отличие от парадигматических отношений слов, базирующихся на общности или различии одной из сторон слова - звуковой оболочки или лексического значения, эпидигматические

отношения строятся на основе общности обеих сторон слова одновременно: "Будучи двусторонними единицами, единицы лексики находятся в таких отношениях друг с другом, которые не могут быть сведены к их парадигматическим и синтагматическим отношениям: благодаря тому, что каждая из этих единиц имеет материальную "форму" и смысловое "содержание", она является в какой-то мере средоточием и этих двусторонних связей, объединяющих ее, с одной стороны, с рядами "формально" близких слов, с другой - с теми точками семантического пространства, с которыми так или иначе соприкасается ее собственное смысловое "содержание". [193, с.191].

Исследователи (Е.А.Земская, О.И.Блинова, Н.Д.Голев и др.) видят актуальность изучения процессов мотивации и эпидигматических отношений языковых единиц в конкретном тексте в том, что, во-первых, отношения мотивации представляют собой языковую универсалию ("Не существует языков, где нет ничего немотивированного" [171, с.165]) и являются порождением одной из ведущих тенденций языкового развития - тенденции к мотивированности языкового знака. Во-вторых, отношения мотивации - наиболее частотный вид системных отношений в лексике, мотивированные слова составляют большую часть лексикона многих языков, в том числе и русского. Высокий процент мотивированных слов в языке создает предпосылки для постоянной актуализации мотивационных связей и отношений в речевой деятельности. И наконец, отношения мотивации функционально значимы: "мотивированность слова оказывает влияние на его семантику, на его экспрессивность и эмоциональность, на его стилистическую приуроченность, на его употребление, валентность, частотность, является одним из ярких средств создания образности." [23, с.12]. Анализ актуализированных в речи отношений мотивации связан с функциональным аспектом явления мотивации, позволяющим судить об условиях и типах актуализации этого явления, его функциональной направленности, частоте проявления в речи, связи его с другими лексическими явлениями.

Отчетливый характер использования мотивированных единиц носит в разговорной речи, что объясняется исследователями, в частности Е.А.Земской, ее диалогическим характером. Особенностью данного явления в разговорной речи является его активность: по наблюдениям В.Г.Наумова, в разговорной речи в течение минуты осуществляется в среднем два случая актуализации мотивационных отношений слов [135] (это подтверждает характеристику отношений мотивации как самого частотного типа актуализованных видов системных отношений). Говорящий не просто использует готовый языковой материал, он чаще сам создает речевую единицу, структурно близкую слову в реплике-стимуле, причем создание подобных единиц осуществляется по двум направлениям: построение слова, однокоренного с употребленным ранее, но имеющего другую словообразовательную структуру, т.е. заполнение тем самым словообразовательных лакун; или "нагнетание в одном (или соседних) высказывании разнокоренных слов одинакового строения, подчеркнуто передающих одно и то же категориально-классифицирующее содержание" [68,с.81]

Отмеченные типы функционирования мотивированных единиц характерны и для монологической речи (разговорной и письменной), но с изменением речевой ситуации меняется и характер употребления мотивационно связанных слов. Кроме названных выше типов в письменном тексте могут использоваться созданные в процессе речевого акта производные от данного в предтексте базового слова или словосочетания, построение слов, реализующих одно и то же деривационное значение, семантическое противопоставление одноструктурных слов или паронимов, каламбурное столкновение производных от омонимичных или близких по звучанию основ. Во всех перечисленных случаях, по мнению Е.А.Земской, происходит актуализация того или иного аспекта процессуального механизма словообразования и процесса мотивации: связи "базовое-производное" в процессе порождения слова, деривационной структуры или деривационного значения, внутренней формы и т.д. Таким образом, всякий текст в определенной мере формирует основу актуализации различных сторон мотивацион-

ного процесса. "Мотивированное слово в тексте обнаруживает свою специфическую природу, а именно, свой конструктивный характер." [68, с.163]

Динамическое описание функционирования мотивационно связанных единиц, принятое в названных работах, позволяет рассматривать морфему, слово уже как "строевые" элементы высказывания, при таком подходе "фрагмент действующего механизма словообразовательной подсистемы предстает как включенный в сложно организованный функционирующий механизм системы языка, осуществляющего коммуникативную функцию" [153, с.32]. Однако, несмотря на значимость сделанных выводов, анализ употребления в речи мотивационно связанных единиц остается исследованием функционирования в тексте словообразовательной модели. Конкретный же текст достаточно часто разрушает системную модель или вообще ее не воспроизводит (пример тому - реализация в тексте народной этимологии или функционирование паронимов, каламбур, описание которых разрушает стройную систему в работе Е.А.Земской). Кроме того, при линейном развертывании текста словообразовательная модель часто воспроизводится в "перевернутом" виде, зеркально, когда структурно более сложное, мотивированное в языке слово обуславливает появление в тексте мотивирующей его единицы (множество подобных примеров находим в исследовании О.И.Блиновой). Это, несомненно, тоже разрушает системные мотивационные связи, и описание таких контекстов с точки зрения реализации словообразовательной модели вносит в функционально-динамическое исследование элемент статики.

Для того, чтобы избежать противоречия при описании реальных текстовых процессов в аспекте мотивированности Н.Д.Голев в работе "Динамический аспект лексической мотивации" вводит понятие "направление мотивации", в частности перспективно-прогрессивное и ретроспективное [46]. В последующих работах он разграничивает мотивацию системную и процессы мотивированности единицы в конкретном тексте. Но широкое использование лингвистами терминов "мотивация", "мотивированность" именно в качестве понятий словообра-

зования заставляет определить **формально-семантические связи единиц текста не как мотивационные, а как детерминационные**, подчеркивая процесс обусловленности единицы текста предыдущим текстовым элементом в формальном и/или семантическом плане. Для описания реальной языковой модели формально-семантического взаимодействия единиц необходимо более глубокое изучение процесса детерминации, его направления и особенностей протекания, что возможно только при исследовании названного процесса как одного из механизмов текстообразования.

1.3.2. Формально-семантическое взаимодействие единиц текста в деривационном аспекте

Ведущим направлением современной динамической лингвистики, предмет изучения которого - различные аспекты развертывания текстов, является дериватология, "учение о деривации в широком смысле" [128], разрабатываемая С.Ю.Адливанкиным, Н.Д.Голевым, Л.Н.Мурзиным, Л.В.Сахарным, Г.С.Чинчлеем и другими.

Говоря о деривации, следует уточнить само это понятие, так как оно используется для обозначения совершенно различных явлений. Часто под деривацией понимают только отношения производности между единицами языка, главным образом, между лексемами, то есть ставят знак равенства между деривацией и словообразованием. Мы же вслед за Л.Н.Мурзиным и Н.Д.Голевым понимаем под деривацией "процесс образования слова, предложения, грамматических форм слова, словосочетаний, фразеологизмов, слогов или тактов и т.п., наконец, текстов, то есть всех возможных языковых единиц." [128, с.3]

Являясь центральным понятием дериватологии, понятие деривации тесно связано с понятием производности, которое лежит в основе динамической системы языка. Деривацион-

ные процессы основываются на отношениях производности между единицами: единица, полученная в результате деривации, является производной от единицы, лежащей в основе этого процесса. Существует введенная Л.Н.Мурзиным инвариантная формула деривации $A + \alpha = B$, где А и В - языковые единицы, а α - формальный показатель деривации. Данная формула дает возможность, во-первых, разграничить деривационные процессы по уровням языка и выделить, в частности, лексический уровень деривации текста, во-вторых, рассматривать текстовую единицу любого уровня и как результат, и как опорную точку процесса порождения текста, то есть рассматривать названную единицу в процессе ее деривационного функционирования.

Несомненно, "деривация есть часть коммуникативного процесса, и как таковая она не может протекать иначе чем в форме предложения - наименьшей единицы коммуникации. Именно поэтому, как исходным, так и конечным продуктом деривации служит предложение. Ни слово само по себе, ни тем более его значение не могут быть заданы на "входе" деривационного механизма и получены на его "выходе". "[129, с.44] Несомненно также, что слово вне контекста не функционирует в качестве коммуникативной единицы, "в деривации оно принимает участие как составная часть предложения и, следовательно, как формальный элемент." [129, с.45] Но из этого не следует, что лексические процессы не играют никакой роли в ходе развертывания информационной и знаковой сторон текста.

В конкретном тексте производность на синтаксическом уровне проявляется достаточно жестко: чаще всего любое произвольно взятое предложение текста информационно равно предыдущему и некоторому новому информационному отрезку, так называемому "приращению смысла". Производность же на других уровнях, в частности на лексическом, не всегда эксплицирована, по отношению к лексике уместнее использовать понятия мотивированности и детерминированности. Однако, по мысли Н.Д.Голева, существуют "сильные" в деривационном отношении контексты, признаками которых являются позитивное использование

морфемно-мотивационного плана слов материальная выраженность общности взаимодействующих единиц и, наконец, актуальный характер этой общности. Именно такие контексты дают возможность поставить проблему деривации текста на уровне функционирования лексики.

Деривационный подход позволяет рассматривать любую единицу языка-речи, во-первых, как неотъемлемый компонент конкретного текста, во-вторых, как функционирующую единицу, в-третьих, как детерминированную единицу, являющуюся продолжением другой текстовой единицы. Деривация любого элемента текста, в нашем случае лексемы, может рассматриваться как специфический результат функционирования другого, уже известного элемента, то есть функционирования, приводящего к изменению, развитию. Опора на данное создает детерминированность, или текстовую мотивированность, языковой единицы в качестве компонента текста. "Деривация и мотивация образуют в этой связи тесное функционально-динамическое единство - непрерывный деривационно-мотивационный процесс." [46, с.3] Понятие деривационно-мотивационного процесса введено Н.Д.Голевым для описания таких процессов в тексте, которые трактуются как взаимодействие планов создания и функционирования слова. Основой такого взаимодействия является, с одной стороны, "последовательная и попеременная смена звеньев от создания слова к его функционированию и, наоборот, от функционирования к созданию", а с другой стороны, параллелизм данных направлений [46, с.32]. Поскольку в нашей работе разграничиваются понятия системной мотивации и текстовой детерминации, то названные процессы будут обозначаться как деривационно-детерминационные. Деривационно-детерминационные процессы в тексте на уровне лексики протекают в двух направлениях - семантическом и формально-семантическом, поэтому можно говорить о разнице в организации формально-семантического плана конкретных текстов. Во-первых, существуют тексты, в которых автором старательно избегается всякая лексическая сверхизбыточность, связанная с дублированием формы: устраняются однокоренные и

одноаффиксные слова, лексические повторы и омонимы, то есть наблюдается исключительно семантический принцип организации лексики. Во-вторых, существуют тексты, в которых используются или присутствуют различного рода повторяющиеся элементы (морфемы, лексемы), которые Н.Д.Голев назвал детерминационно-эпидигматическими сцепками, таким образом, можно говорить о формально-семантической обусловленности единиц текста.

Учитывая неоднородность и неоднозначность повторяющихся элементов текста и рассматривая данную проблему с точки зрения деривации текста, мы считаем необходимым сформулировать новое понятие **лексико-деривационного ряда (ЛДР)**, под которым мы понимаем **в разной степени актуализированный в микроконтексте ряд лексических единиц, имеющих в системе языка или приобретающих в конкретных текстовых условиях формально-семантические связи и находящихся друг с другом в отношениях детерминации**. Данное понятие объединяет динамические аналоги лексического и морфемного повторов, выделяемых с точки зрения статической лингвистики. В случае названного детерминационного взаимодействия всякая "последующая" лексическая единица является как бы продлением предыдущей, причем это продление, как указывает Н.Д.Голев, имеет деривационную природу, поскольку выбор единицы текста может быть охарактеризован как производство и/или воспроизводство новой для данного текста единицы на базе единицы данной, исходной, производящей [196; 197].

Детерминационные связи между членами ЛДР позволяют рассматривать ряд как целостный объект, особенностью которого по сравнению с единицами, входящими в него, является то, что он **представляет собой не столько набор элементов, сколько систему связей между ними**, а известно, что "каждая часть, включенная в целое, начинает обладать функциями, отсутствующими у нее вне этого целого. Совокупность функций предстает не в виде простой суммы, а как система связей, в которой функции преобразованы." [59, с.109]. Именно поэтому, ставя проблему детерминационного взаимодействия единиц в пределах ЛДР, мы

ограничиваемся исследованием микроконтекста, так как мы уже говорили о важности линейного расстояния между элементами текста для восприятия связи между ними, поскольку тесное пространственное взаимодействие проявляет более определенные причинно-следственные связи единиц: "чем больше пространственный разрыв между сосуществующими явлениями, тем более неопределенен смысл их одновременности или временного следования" [59, с.56].

Понятие лексико-деривационного ряда, несомненно, пересекается с понятием повтора, но мы уже подчеркнули принципиально иной подход - динамический, деятельностный, который позволяет при исследовании учитывать огромное разнообразие конкретных текстов и типов проявления закономерностей детерминации и в то же время учитывать их сложное динамическое единство.

Кроме понятия повтора для называния лексических рядов, реализующих деривационные отношения, используется термин эпидигма (Г.С.Чинчлей, Н.Д.Голев). Необходимость иного обозначения речевых фактов продиктована изменением объема анализируемых явлений. Под эпидигмой Г.С.Чинчлей, в частности, понимает "проекцию в речи деривационной парадигмы" [189, с.81], причем имеется в виду узкий смысл понятия деривация, то есть словообразование, а деривационная парадигма есть уже упоминавшаяся словообразовательная модель. В выделяемую Г.С.Чинчлеем эпидигму входят воспроизводимые члены словообразовательной парадигмы и производимые в момент речи дериваты: потенциальные члены парадигмы и окказионализмы. Таким образом, по мнению Г.С.Чинчлея, эпидигмы - это, во-первых, реализуемые в тексте ряды однокоренных слов и, во-вторых, ряды слов, связанных отношением семантической деривации, поскольку семантическая деривация рассматривается автором наряду со словообразовательной. Эпидигма и деривационная парадигма соотносятся у Г.С.Чинчлея диалектически: с одной стороны, эпидигма являет собой функциональный аспект деривационной парадигмы в речи, но через эпидигму пополняется и видоизменяется

сама деривационная парадигма. Такое понимание эпидигмы сужает круг речевых фактов, выводит за пределы понятия, например, детерминационно связанные одноструктурные слова или каламбур, основанный на звуковом сближении единиц, детерминационные связи между которыми также очевидны.

Согласно Г.С.Чинчлею, раскрытие внутренней формы слова и таким образом экспрессивизация текста, "коннотативный аспект эпидигмы", может быть реализован, но он не обязателен. По мысли же Н.Д.Голева, именно этот аспект формирует функционально-речевой статус эпидигмы, которая своей формой опосредует связь слова с внеязыковым содержанием [197]. Здесь тоже налицо сужение объема анализируемых речевых фактов, поскольку формально-семантическое взаимодействие единиц может быть и чаще всего бывает не экспрессивным, лингвистическая модель формально-семантического взаимодействия единиц текста включает в себя эпидигму как частный случай реализации лексико-деривационного ряда. Однако частичное разведение понятий ЛДР и эпидигмы не переносится на понятие "эпидигматические связи", любой ЛДР, и экспрессивный, и неэкспрессивный, названные связи реализует.

Введение понятия лексико-деривационного ряда - это объединение по одному основанию - наличие формально-семантического взаимодействия единиц текста - множества разнотипных и разноструктурных речевых фактов. С этой точки зрения как ЛДР могут определяться ряды однокоренных и одноструктурных слов, лексический повтор (поскольку в ряду повторяющихся лексем присутствуют отношения детерминации и реализуется наращение смысла, в частности коннотативного), случаи формально-семантического взаимодействия паронимов и омонимов и т.д. И наоборот, не рассматриваются нами в рамках ЛДР, во-первых, ряды слов, связанных отношениями семантической деривации, так как взаимодействие двух единиц происходит только на уровне смысла, не задействуется формальный уровень текста; во-вторых, контексты типа *"учащиеся высших учебных заведений"*, *"неть пес-*

ню", *"старика и старухи"* и подобные им, потому что в этих контекстах выбор каждого из однокоренных слов осуществляется независимо друг от друга, и, следовательно, их отношения не выходят за рамки синтагматических; в-третьих, контексты с недетерминированными одноструктурными образованиями, в которых реализуются только парадигматические отношения, а формальное сходство не актуализируется, например, *"в нашем лесу растет земляника, черника, брусника"*, *"воспитывайте в себе тактичность и вежливость"*.

Реализация в рамках ЛДР отношений эпидигматических предполагает иной уровень актуализации формы и семантики: "деривационное функционирование слова, хотя и тесно связано с номинативным, относительно независимо от последнего, детерминируемого отношением слова к внеязыковому содержанию (понятию, реалии). В деривационном функционировании слово "вытекает" из слова (шире - контекста) как языко-речевой материи - носителя способности к имманентному развитию как на уровне системы, так и на уровне текста. Формальный план в таком развитии опосредует связь слова с внеязыковым содержанием, необходимость опоры на форму создает специфический деривационно-мотивационный механизм, не выводимый в полной мере из номинативного." [196, с.3]

В ЛДР фиксируется внутренняя форма его членов, в разной степени акцентируется мотивированность и детерминированность лексем, что позволяет прагматически подчеркнуть различные компоненты семантики дериватов, поскольку "значение слова как воспроизводимой (и потому не обязательно членимой) коммуникативной номинации очень часто отличается от значения того же слова как обязательно членимой коммуникативной номинации" [163, с.27]. Актуализация (или фокализация, по терминологии Л.Н.Мурзина [130]) морфодеривационной структуры слова в речевой деятельности имеет важное значение: она позволяет преодолевать известную ограниченность самого способа порождения текста - линейность его развертывания. "Выделяя тот или иной участок в тексте, говорящий тем самым устанавливает некоторую иерархию текстовых компонентов, отнюдь не всегда совпадающую с "иерар-

хией" их естественной последовательности. При этом на характер и объем фокусируемого участка текста не накладывается никаких ограничений, кроме одного: это должен быть функционально значимый компонент." [130, с.127]

Таким образом, лишь динамическое деривационное исследование ФСС и ФСВ позволяет сформулировать принципы выделения "сильных" в отношении формально-семантической детерминации контекстов, описать их особенности и выявить типы внешних и внутренних актуализаторов детерминационных отношений между элементами текста. Кроме того, деривационный подход дает возможность дальнейшего сопоставления реальных детерминационных процессов в текстах и процессов, моделируемых традиционной наукой, и возможность более детального исследования участия лексики в процессах текстообразования.

1.4. Выводы

1. Анализ литературы по исследуемому вопросу показывает:

а) невозможность системного статического описания явления формально-семантического взаимодействия единиц текста и создания его целостной лингвистической модели, поскольку статический анализ не выявляет основания для сближения различных форм проявления ФСС, каковым является включенность в процесс текстопорождения;

б) недостаточную изученность проблемы в функционально-динамическом плане.

2. Наиболее плодотворным динамическим аспектом рассмотрения проблемы формально-семантического взаимодействия единиц является деривационный, позволяющий анализировать любой элемент текста одновременно как точку отсчета и как результат процессов деривации и текстовой детерминации.

3. В качестве основной единицы реализации в тексте формально-семантических связей рассматривается лексико-деривационный ряд - в разной степени актуализированный в микрореконтексте ряд лексических единиц, имеющих в системе языка или приобретающих в конкретных текстовых условиях формально-семантические связи и находящиеся друг с другом в отношениях детерминации. Критерии выделения ЛДР - формальная соотнесенность единиц, преемственность семантики и наличие детерминационных связей.

ГЛАВА 2. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ТИПЫ ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ТЕКСТА И ВНУТРИТЕКСТОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ АКТУАЛИЗАЦИИ ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

Предметом анализа второй главы является описание основных моделей организации формально-семантических связей (ФСС) и типов внутритекстового формально-семантического взаимодействия лексем (ФСВ), определение принципов выделения и их деривационно-детерминационных признаков. В ходе исследования теоретически обосновывается и экспериментально доказывается существование четырех основных типов формально-семантического взаимодействия лексических единиц (семантико-синтаксический и эпидигматический ЛДР, лексико-семантический ряд и лексический тавтологический ряд) и функционирование их как устойчивых элементов текстового уровня системы языка, которые характеризуются регулярностью и воспроизводимостью, включают словоформы в качестве структурных единиц и реализуют определенные семантико-синтаксические отношения.

2.1. Деривационно-детерминационные процессы в тексте и основные типы формально-семантического взаимодействия лексических единиц

Уже в 1 главе нами были сделаны предварительные замечания о двух направлениях протекания деривационно-мотивационного процесса в конкретных текстах: семантическом и формально-семантическом. На основе первоначальных наблюдений была выдвинута гипотеза существования нескольких различных типов формально-семантической общности текста. Выделенное нами понятие ЛДР связано с формально-семантической моделью деривации текста, с наличием у означающих ФСС. Предварительные наблюдения показали, что характер функционирования ЛДР может быть нейтральным или экспрессивным соответственно, выделяются два различных типа формально-семантических связей (ФСС) и две различных модели организации ФСВ единиц.

В первом случае ФСС проявляются в виде тематических повторов и трансформаций, организуя содержательную сторону текста, форма лексических единиц не актуализируется. Данный тип мы обозначили как **семантико-синтаксический ЛДР**. ЛДР этого типа реализуются, например, в следующих контекстах: *"Надо полагать, что раз есть **торговцы**, то должны быть и покупатели. Но природа незаконной **торговли** ...такова, что покупателей выявить трудно."* /ЛГ/; *"Суд за судом, процесс за **процессом**. И хотя все **процессы** коллектив выигрывает, еще не известно, чем дело кончится."* /ЛГ/; *"Эти люди назвали себя **демократами**, и, наверное, это соответствует тому понятию **демократии**, которое сформировалось в нашем обществе."* /ЛГ/. Основой и результатом формирования приведенных ЛДР становится поступательное развитие, продление семантики смысловой доминанты ряда (в

первом контексте - "торговать" и связанное с ним "покупатель", во втором - "суд", "процесс", в третьем - "демократия") и, соответственно, всего микроконтекста.

О собственно эпидигматическом типе организации ФСС и об эпидигматическом ЛДР необходимо говорить, если помимо семантики актуализируется и внутренняя форма слова. "Это попытка оживить, сделать более осязаемым для читателя творчество столь **известного** и столь же **неизвестного** прозаика" /ЛГ/, "Но что это было, если за **неофициозную** **верность** этой **официозной** **вере** часто и в тюрьму сажали?" /ЛГ/) - в данных контекстах "нестандартность" ситуации передается через сопоставление семантически контрастных составляющих ЛДР ("известный-неизвестный", "неофициозный-официозный"), одновременно акцентируется и разница внутренней формы членов ряда, формирующая различие их смыслов. Процесс со- и противопоставления двух явлений акцентируется актуализацией различий внутренней формы членов ЛДР в следующих контекстах: "Если новая проза Юрия Давыдова - архивистский **поток сознания** с сюрреалистическим уклоном, то у Кувалдина - скорей уж **поток подсознания**..." /ЛГ/; "**Владеть** формой нельзя, владеют ею только графоманы. **Овладевать** формой - значит суметь осознавать каждый раз суть творческого волнения..." /ЛГ/.

Деривация текста по семантической модели обуславливает появление иных типов ФСВ. Прежде всего необходимо говорить о лексико-семантическом взаимодействии единиц текста и **лексико-семантических рядах**. Этим термином мы обозначили случаи чисто семантических деривационно-детерминационных связей вне формального взаимодействия означивающих. Сюда можно отнести все случаи вторичной номинации, семантической деривации, местоименные, синонимические замены и другие способы устранения полного или частичного дублирования формы текстовых элементов.

Рассматривать данный тип именно как тип формально-семантического взаимодействия и сопоставлять его с ЛДР возможно именно с точки зрения деривационного функционирования

ния слова в тексте. Кроме того, мы уже отмечали, что одним из оснований формирования этого типа взаимодействия является как раз учет формального фактора в отрицательном плане.

И, наконец, существуют ошибочные тексты с разного рода тавтологиями, (нас интересует только тавтологичность, связанная с дублированием формы /далее -тавтология/): *"Тогда был какой-то уровень, ниже которого нельзя было опускаться. А сейчас все что угодно может быть, потому что ощущение уровня, ниже которого нельзя опускаться, потеряно."* /ЛГ/, *"Исламисты перешли от легальных методов борьбы к террористическим. Живыми мишенями **исламистов** стали ... представители интеллектуальной элиты."* /ЛГ/, *"Частично главки "Спасенной книги" я помню с Левиного голоса. А глазами читаю **книгу** первый раз. С первых страниц определен основной принцип **книги**: она населена живыми людьми с их достоинствами и недостатками."* /ЛГ/. Во всех приведенных контекстах наблюдается смысловое тождество и повторяемость формы двух элементов (слов или словосочетаний) и, как следствие этого, абсолютная формальная избыточность второго из них. Тем не менее появление тавтологичных лексических рядов является следствием именно семантической модели деривации текста, когда формальная закреплённость значения не принимается во внимание. Тавтологичный лексический ряд, таким образом, является еще одним, четвертым, типом организации ФСВ единиц текста.

Поскольку ФСВ единиц текста возникает как результат различных деривационно-детерминационных процессов, то каждый тип ФСВ реализует характерный только для него тип детерминационной связи. Поэтому **характер детерминированности единиц является основным признаком типа ФСВ**. Под детерминированностью имеется в виду **закрепленная в тексте субъективно значимая для автора (в структурном или экспрессивном плане) и именно так воспринимаемая реципиентом взаимозависимость нескольких текстовых означающих**.

Именно характер детерминированности единиц определяет серьезные различия в организации ФСС в конкретных текстах. Рассмотрим с этой точки зрения модель лексико-семантического взаимодействия. Так как появление в подобном контексте определенного слова влечет за собой невозможность полного или частичного дублирования формы, данный процесс мы определили как отрицательную формальную детерминированность лексических единиц.

Обе модели ЛДР, семантико-синтаксическая и эпидигматическая, характеризуются детерминированностью лексем - членов ряда: *"Нашим гостем был человек, как бы представляющий все **банки** одновременно, компетентный знаток **банковского** дела ..."* /ЛГ/ - в данном контексте формируется семантико-синтаксическим ЛДР "банки-банковское дело", первый член которого детерминирует последующий с большой степенью вероятности (ср. "знаток своего дела" - данная замена возможна, однако при восприятии происходит частичная утрата смысла, поэтому ряд в данном контексте воспринимается цельно); в контексте *"В отношениях между нашими странами **период ледостава** сменился **периодом ледохода**"* /ЛГ/ первый член эпидигматического ЛДР "*период ледостава-период ледохода*" жестко детерминирует последующий.

Наибольшую трудность представляет определение характера детерминированности единиц у тавтологического типа ФСВ. В случае формирования тавтологического лексического ряда взаимодействие формы его единиц не является результатом процесса лексической и синтаксической деривации (*"Он был **одарен** великим **даром** поэзии."*/ЛГ/). Сама возможность оценки контекста как ошибочного свидетельствует об отсутствии детерминированности лексических единиц.

Представляется, что детерминированность как признак ФСВ напрямую связана с механизмом деривации текста и с реализацией в контексте определенных семантико-

синтаксических отношений. Чтобы обосновать это утверждение, рассмотрим подробнее процесс порождения текста.

В основе текстообразования лежит приписывание объекту ряда признаков, предикация, причем одновременно происходит формирование семантической конструкции, и результатом этого процесса является номинация. Предикация и номинация представляют собой две стороны единого процесса инкорпорирования. Содержание, сформированное на глубинном уровне (инкорпорирование), реализуется на поверхностном уровне в результате контаминации.

На основе исследования закона контаминации была разработана теория порождения предложения из двух исходных, одно из которых считается базовым, а другое - интродуктивным [129]. Интродуктивное предложение представляет собой свернутый аналог предшествующего предложения и связывает новую информацию с уже известной. Описываемая теория имеет определенные наложения с теорией актуального членения предложения, поскольку исходит из функционального разделения любого предложения на две части, соответствующие данному и новому. Вместе с тем она позволяет преодолеть недостатки теории актуального членения. С точки зрения дериватологии, новая информация вводится базовым предложением, которое на глубинном уровне предстает как пропозиция с пустой позицией темы. Выбор того или иного базового предложения производится отправителем информации на основе его представления о необходимом направлении развертывания текста. Именно в этой части предложения реализуется авторская интенция. Природа интродуктивного предложения - собственно лингвистическая, основным фактором, влияющим на его форму, является характер несвязанной позиции базового предложения. Исходный момент формирования интродукта - заданная пропозиция, пустая позиция которой и определяет точку свертывания интродуктивного предложения. Результирующее предложение является фактом контаминации базового предложения и интродукта.

Таким образом, с деривационной точки зрения любой элемент текста, больший, чем слово, есть продукт развертывания, отдельный этап деривационного процесса и единица, обеспечивающая свертывание текста. Каждая единица как бы вырастает из всего предшествующего текста и конкретно из предыдущей единицы. В силу этого, между интродуктом и базовым предложением, между двумя сопредельными предложениями, между любыми сопологающимися элементами текста возникают определенные внутритекстовые связи и отношения. Информационное наполнение ("событийный материал") каждой части текста независимо от ее размера является значимым, по крайней мере, с двух точек зрения: во-первых, как источник информации о разных аспектах смысловой структуры каждой из соотнесенных ситуаций, во-вторых, как источник информации о внутренних процессах возникновения смысловых связей и отношений "второго плана", т.е. как "контекстуальный фактор отношения" [112]; а смысловая структура этой части в целом формируется как координация трех семантических составляющих: 1) семантической структуры частей, 2) уже названного контекстуального фактора отношения и 3) квалификатора отношения.

Если рассмотреть с этой точки зрения ЛДР, то оказывается, что члены ряда, являясь частью семантической структуры, непосредственно участвуют в формировании контекстуального фактора отношения между предложениями, их частями или базовым предложением и интродуктом.

Современной лингвистикой выделяются следующие наиболее общие типы отношений между частями предложения и текста: присоединительные, разделительные, отношения пояснения и конкретизации, альтернативные, градационные, отношения обусловленности, уступительные, противительные, каузальные и т.д. [157, т. II]. Поскольку вопросы внутритекстовых отношений, выделения их типов, особенностей организации рассматриваются традиционно в рамках синтаксиса, основой классификации являются квалификаторы отношения, главным образом союзы и союзные слова. Если же подойти к проблеме с более общих логи-

ко-семантических позиций, то этот ряд можно свести к пяти основным типам: пояснение и конкретизация, альтернатива, градация, противительность, обусловленность (уступительность и каузальность суть разные ее модификации).

Такие же типы характеризуют отношения базового предложения и интродукта, а принимая во внимание смысловое взаимодействие интродукта и предложения, результатом свертывания которого он является, необходимо дополнить наш перечень отношениями тождества.

Пояснение и конкретизация образуют особую область отношений. В рамках сообщения информация распределяется таким образом, что вторая часть предстает как уточняющая поправка, факультативное примечание к предшествующей части. Поскольку эти отношения реализуются не только и не столько в рамках одного предложения (пусть даже и сложного), но в рамках текста, то ЛДР как раз и помогает выявить и передать уточняемую, поясняемую, конкретизируемую информацию: *"Власть неизбежно порождает бюрократию. Не в последнюю очередь опасное усиление общеевропейского бюрократизма создало сложности при ратификации маастрихского договора. Длинная бюрократическая процедура принятия решений существенно тормозит процесс."* /ЛГ/, *"У нее же [истории] подхвачен и игровой, каламбурный стиль: она сама, по Давыдову, есть нескончаемый каламбур."* /ЛГ/, *"Новиков не борец, он - труженик. Это не всегда одно и то же: в борцах Россия недостатка не знала, дельные же труженики - просто на вес золота."* /ЛГ/.

Отношениям пояснения и конкретизации близки градационные отношения, которые, однако, отличаются неравной значимостью членов и имеют место при распределении информации по принципу "меньше - больше" (восходящая градация) или по противоположному принципу (нисходящая градация). При градуировании значимости сообщаемое в одной части представлено как более важное, как коммуникативно более значимое по сравнению с сообщаемым в другой части. В целом "такое распределение возникает в результате дотексто-

вой сравнительной оценки 1) значимости сообщаемого, 2) его истинности или 3) адекватности избранной словесной формулировки сущности обозначаемого." [112, с.92]. В контекстах с ЛДР, реализующих этот тип отношений, градация чаще всего является восходящей и отражает именно степень значимости сообщаемого. "*Моим учеником он никогда не был. Он вообще не был учеником.*" /ЛГ/ - в этом контексте градация значимости фактов поддерживается на уровне ЛДР последовательным расширением семантики слова "ученик". В ЛДР контекста "*Никакая корова ... через ять не пишется и пишется не должна.*" /ЛГ/ градуируется пропозициональная модальность. Реже градация связана с формой выражения мысли: "*Герои ведут двойное существование - а правильнее сказать, сдвоенное, и оттого мучительное...*" /ЛГ/. В процессе формирования ЛДР "двойное-сдвоенное" уточняется формулировка и тем самым наводится значение внешнего влияния. Истинность сообщаемого в контекстах с ЛДР не градуируется.

В основе альтернативных отношений лежит идея несовместимости, модифицируемая как взаимоисключение (альтернатива в собственном смысле) и разделительность (разграничение) в разных аспектах: модальная несовместимость, несовместимость по времени, несовместимость референтов, несовместимость субъектов действия и так далее. Контексты с ЛДР реализуют только отношения разделительности, причем не на уровне частей сложного предложения или текста, но на уровне микрочастей, слов и даже сем: "*Остроумие автора афоризма рождает остроумие понимания.*" /ЛГ/ (разграничение референтов и субъектов действия), "... существо из второй реальности, дитя фантазии Чехова, должно, кажется, удостоверить реальность не только Фелицына, но и самого "Славянского базара"!" /ЛГ/ (разграничение дифференциальных сем), "*Редакция вслед за классиком призвала читателей смеясь расставаться со своим прошлым, но наступила пора подвести итоги, которые дают повод посмеяться и над настоящим.*" /ЛГ/ (разграничение времени и модальности).

Общим признаком, формирующим сферу обусловленности в широком смысле слова, является признак достаточного основания. В "Русской грамматике" этот признак рассматривается как интегрирующее начало, на базе которого в сферу обусловленности включаются такие виды зависимости, как условно-следственная, причинная, уступительная, целевая [157, т.П]. Поскольку для нашего исследования конкретизация и дробление подобных отношений не актуальны, мы будем пользоваться общим понятием обусловленности при рассмотрении отношений частей в таких контекстах, как: "*Поскольку мне все время приходится бороться...*, то, наверное, я бы предпочел костюм, выражающий дух **борьбы**, стиль **борца**." /ЛГ/, "*Если мы, журналисты, дадим **задушить** Российское телевидение и радио, завтра **придушат** всех нас.*" /ЛГ/, "*Если **нарушена** связь с миром, то **нарушено** ощущение формы.*" /ЛГ/.

Наконец, последним в нашем перечне типом семантико-синтаксических отношений, реализуемым в контекстах с ЛДР, является противительность. "В сфере противительности реализуются два принципа: принцип антитезы и принцип, который условно можно обозначить как соединение неантагонистически противоречивого, или просто принципом компромисса" [112, с.152]. Особенностью контекстов с ЛДР является то, что они чаще воплощают именно принцип компромисса, фиксируя внимание на детали или обстоятельстве как коррективе к сообщаемому: "*Представление это было, конечно, **ирреальным**, но само оно явилось частью **реальности**.*" /ЛГ/, "*Я уверен, что и к Кушнеру придут, были бы книги. А то они в Ленинграде **выходят**, а до Москвы не **доходят**.*" /ЛГ/. Антитеза, логическим основанием которой является взаимное отрицание, охватывающее сообщаемое в одной и другой частях в полном объеме, опирается на антонимические отношения и реализуется только на уровне актуализации внутренней формы лексических единиц предложения и текста в целях воплощения парадоксальности ситуации ("*Ах, **недетские** наши **детские** проблемы!*" /ЛГ/), а чаще для поддержания других типов семантико-синтаксических отношений ("*Я никогда не видел большой разницы между **актерами** и **неактерами**.*" /ЛГ/ - альтернативные отношения,

*"Умудренные опытом политики предупреждают президента, если он хочет победить в 1996 году, то должен отстаивать свои **принципы**.., поскольку в перемене курса избиратель усмотрит лишь проявление **беспринципности**" /ЛГ/ - отношения пояснения).*

Члены ЛДР, входя в синтаксическую конструкцию и участвуя в формировании семантико-синтаксических отношений внутри предложения и текста, сами взаимодействуют друг с другом в логико-синтаксическом плане, что зачастую делает избыточным квалификатор связи частей: *"В литературе тоже произошла революция. Исчезла искусственная **иерархия**, определенная руководящей рукой партии, изменилась, сохранившись, **иерархия талантов**."* /ЛГ/ В приведенном примере альтернативные отношения между частями сложного предложения формируются на основе альтернативы "*иерархия*" - "*иерархия*", связанной с различной референцией лексемы. Очень часто сам ЛДР становится для микроконтекста показателем отношений пояснения и конкретизации или градации: *"**Интеллигенция** и сама ответственна за развал экономики и весь тот ужас, который мы сейчас переживаем. Многие **интеллигенты** поддерживали новоявленных политиков..."* /ЛГ/. Именно формирование ЛДР "*интеллигенция-интеллигенты*" подчеркивает тождество субъектов в двух высказываниях и позволяет соотнести их как причину и следствие и квалифицировать отношение пояснения. *"Каждая из входящих в этот блок сил преследует здесь свою **выгоду**. Правительству **выгодно** иметь такую поддержку. Жириновскому **выгодно** демонстрировать свою **респектабельность**."* /ЛГ/ - в этом контексте ЛДР "*выгода-выгодно-выгодно*" фиксирует тождество действия, позволяя расчленивать и конкретизировать позицию субъекта. Без квалификатора отношений чаще всего реализуется градация: *"Финал романа **жесток**. **Жесток**."*/ЛГ/.

Таким образом, детерминированность единиц ЛДР актуализируется реализующимися в контексте семантико-синтаксическими отношениями. Более того, функционирование ЛДР как устойчивого элемента системы языка определяется реализацией в его структуре того или иного типа синтаксических отношений. Если же семантико-синтаксические отношения меж-

ду составляющими ЛДР словоформами нарушаются, лексический ряд не может быть характеризован как детерминированный и соотносится уже с тавтологическим типом ФСВ. Например, в предложении "**Богатых** людей сейчас много, и это дикие люди, внезапно **разбогатевшие**." /ЛГ/ реализуется отношение пояснения, но экспрессивный, или субъективный, порядок слов (логическое ударение должно падать на наречие "внезапно", иначе предложение вообще не имеет смысла) затрудняет его восприятие и разрушает целостность ряда.

Для тавтологического типа ФСВ характерно полное отсутствие семантико-синтаксических отношений между формально близкими лексическими единицами, например: "*Журналисты нанесли главе администрации несколько чувствительных **уколов**, допустив, правда, серьезный **прокол**...*" /"Алт. правда"/. В случае нарушения или отсутствия семантико-синтаксических отношений между лексемами говорится о формальной избыточности текста, тавтологии как речевой ошибке. Именно наличие таких контекстов в речевой практике подтверждает мысль, при исследовании ЛДР, в частности эпидигматических, необходимо сопоставлять такие, до недавнего времени казавшиеся несопоставимыми, понятия, как речевой прием, предназначенный усиливать эффективность коммуникации, и речевая ошибка, названный процесс затрудняющая, поскольку речевой прием и речевая ошибка близки по структуре, порождаются сходными механизмами текстообразования и объединяются своим отношением к норме, представляя собой отступление от нее.

Речевые приемы экспрессии (эпидигматические ЛДР) и ошибки формального уровня складываются в процессе продуцирования текста, поэтому их механизмы и причины следует искать в самом механизме деривации предложения и текста. Но тот же механизм деривации позволяет продуцировать и неэкспрессивные тексты. Поэтому необходимо рассматривать ЛДР не изолированно, а в контексте реализации непрерывного деривационно-мотивационного процесса в целом, в контексте поля формально-семантического взаимодей-

ствия, ядром которого являются нормативные речевые факты, а периферией - область анти-нормы.

Все выделенные типы ФСВ являются устойчивыми динамическими моделями организации ФСС текста и в силу своей устойчивости и воспроизводимости могут рассматриваться не только как речевые явления, но и как элементы системы языка, единицы порождения текста. Однако подобное рассмотрение типов ФСВ требует экспериментального подтверждения.

2.2. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВНУТРИТЕКСТОВЫХ МЕХАНИЗМОВ АКТУАЛИЗАЦИИ ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ (ход и результаты эксперимента)

2.2.1. Основные вопросы экспериментальной методики

Целью эксперимента было: а) доказательство объективности типов ФСВ, функционирования их как устойчивых элементов языка; б) проверка гипотезы о существовании объективных имманентных особенностей текста, обуславливающих характер функционирования

ния в нем формально-семантических связей лексических единиц; в) выделение деривационных признаков формы основных типов ФСВ и характера их проявления.

Экспериментальный материал предлагался студентам 2-3 курсов негуманитарных специальностей барнаульских вузов. При выборе аудитории учитывались следующие условия: участником эксперимента мог быть взрослый носитель языка (русский язык - родной) со сложившейся языковой способностью и средним уровнем языковой компетенции.

Эксперимент проводился в два этапа. **На первом этапе** испытуемым предлагалось по 20 микроконтекстов с актуализированными формально-семантическими связями. Перед испытуемыми были поставлены четкие задачи: 1) найти в контекстах повтор слов или корней (термин "повтор" использовался как наиболее общий и понятный аудитории); 2) оценить его как стилистически оправданный или ошибочный; 3) изменить предложение, устранив повтор.

Важным условием эксперимента являлась активная роль каждого испытуемого, выступающего одновременно в качестве реципиента и субъекта речи, поскольку доказано, что ФСС лексических единиц актуализируются в большей степени именно у воспринимающего [180], таким образом, в ходе нашего эксперимента намеренно актуализированные при восприятии текста формально-семантические связи "работали" и при порождении речи.

Вторым этапом явился контекстный ассоциативный эксперимент. Предлагаемый экспериментальный материал представлял собой ряд контекстов с пропущенной лексической единицей, которую требуется восстановить в ходе эксперимента. Эксперименты подобного рода достаточно часто проводятся в лингвистике [например, 46; 101; 114], хотя цели их могут значительно различаться. Исследование состояло из серии экспериментов, в ходе которых аудитории предлагалось всякий раз не более 10 контекстов. Мы намеренно разрушали возникающие в контексте формально-семантические связи, чтобы проверить, в какой степе-

ни возможно установление их говорящим и, следовательно, насколько функциональны в речи определенные типы ФСС.

В целом экспериментальный тип исследования использовался для решения стоящих перед нами задач постольку, поскольку он соответствует следующим требованиям рассмотрения формально-семантической общности лексических единиц в тексте:

1. Слово как единицу речи следует изучать в контексте, где оно выступает в конкретном значении и где оно может реализовать все свои потенции (в том числе и свою внутреннюю форму).

2. Типы формально-семантической общности как объективные речевые модели также могут быть выделены только в контексте. Более того, сама классификация этих типов возможна только на основе обширного эмпирического материала, данные же эксперимента в сжатой форме дают представление об организации формально-семантической общности текста многими носителями языка.

3. Контекст должен представлять собой естественное речевое произведение, несущее коммуникативную информацию

4. Контекст должен более или менее жестко задавать условия реализации формально-семантической общности его частей или составляющих его единиц.

Последние два требования определили условия отбора контекстов для проводимого эксперимента. **Экспериментальный материал** представлял собой контексты с актуализированными ФСС (семантико-синтаксические и эпидигматические ЛДР и явная и неявная тавтология), взятые в основном из современной газетной публицистики. Для первого этапа эксперимента было отобрано 40 контекстов, на втором этапе использовались только 30 из них, не включались контексты с явной тавтологией и с ЛДР, близкими к чистому лексическому повтору. Прежде всего внимание обращалось на коммуникативную направленность контекста. С одной стороны, учитывалось наличие (или отсутствие в случае тавтологии) в контек-

сте указанных выше семантико-синтаксических отношений, причем выбирались контексты, реализующие, главным образом, отношения альтернативы, градации и противительности, т.к. именно эти отношения возможны и между частями текста, и между отдельными лексемами.

Поскольку характер детерминированности ФСВ, связанный с актуализованной реализацией определенного семантико-синтаксического отношения, выявляется, главным образом, на втором этапе, все экспериментальные контексты ассоциативного эксперимента могут быть разделены на несколько групп в зависимости от типа семантико-синтаксических отношений между их частями. В первую группу входят контексты 1-9, реализующие противительные отношения. Во вторую - контексты 10-14 с отношениями градации. Контексты 15-21 реализуют отношения пояснения и конкретизации, а 22-27 - альтернативные отношения. В последнюю, пятую, группу мы включили контексты, в исходном варианте имеющие неявную тавтологию.

С другой стороны, в расчете на контекстный ассоциативный эксперимент, учитывалась степень типизации каждого контекста, который "представляет собой инвариантную семантическую структуру и является категориальной базой для реализации лексических значений слов." [3, с.5]

Понятие типизации контекста связывается с понятием функционирования, т.е. с "процессом актуализации и взаимодействия в речи единиц, классов и категорий данной языковой системы." [26, с.23] Если контекст в полной мере отражает экстралингвистическую типовую ситуацию (денотативную ситуацию), это создает возможность опускать слова в высказывании без значительного ущерба для передачи смысла. Типизированный контекст дает возможность восполнить пропуск в высказывании, актуализируя всю совокупность разноуровневых средств (морфологических, синтаксических, лексических). [3, с.6] Контекст определяет два уровня восполнения лакуны в высказывании: во-первых, однозначное восстановление

элиминированной информации, во-вторых, варьированное восстановление, когда интерпретация пропуска остается на уровне тех семантических или синтаксических признаков усеченных компонентов, которые заданы концептуальной схемой высказывания. При отражении денотативной ситуации различные контексты по-разному реализуют повторение ее семантических признаков ("семантическую итеративность" [2]) на языковом материале, формирующем контекст, которое "обусловлено системной организацией языка и обеспечивает однозначность и надежность выражения и передачи мысли" [2, с.3]. Именно поэтому варьированное восстановление лакуны связано со степенью точности отражения контекстом объективной денотативной ситуации, а также со степенью субъективного представления реципиента об этой ситуации.

На полноту восстановления смысла (и формы) высказывания влияет степень выраженности готового семантического "каркаса", возникающего на этапе порождения высказывания [69; 103]. Этот "каркас" - пропозиция, которая "выражает определенное "положение дел" - или, точнее говоря, событие или состояние - как отношение между логически равноправными объектами." [77, с.12]. Пропозиция - объективная семантическая модель высказывания, содержащая структуру события, ситуации как денотата этого высказывания. Пропозиция, включающая в себя предикат и актанты, является ключевым, конституирующим признаком высказывания, относящим информацию к действительности и тем самым формирующим единицу коммуникации. Нарушение структуры пропозиции (пропуск предиката или актанта) в разной степени выводит высказывание за рамки смысловой единицы, в отличие от пропуска лексемы в сирконстантной позиции. Поэтому синтаксические позиции лексических единиц, взаимодействующих друг с другом в формально-семантическом плане, определяя место пропуска в экспериментальном контексте, стали еще одним критерием отбора материала.

Итак, все вышесказанное должно учитываться при анализе данных лингвистического эксперимента для выявления условий реализации формально-семантических связей лексических единиц в контексте.

2.2.2. Результаты I этапа эксперимента

1. КАЖДОЕ ТОЛКОВАНИЕ - ЭТО СКОРЕЕ ПОПЫТКА ОЖИВИТЬ, СДЕЛАТЬ БОЛЕЕ ОЩУТИМЫМ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЯ ТВОРЧЕСТВО СТОЛЬ ИЗВЕСТНОГО, НО И СТОЛЬ ЖЕ НЕИЗВЕСТНОГО ПРОЗАИКА.

Всего информантов - 192, количество замен - 76 (40%).

Варианты замен: "известного, ... незнакомого", "известного, ... непонятого", "известного, ... непознанного", "известного, ... неизученного", "известного, ... неведомого", "известного, ... неразгаданного".

2. НОРМАЛЬНО, КОГДА ВЫМЫШЛЕННОГО ГЕРОЯ ПОМЕЩАЮТ, НАТУРАЛЬНОСТИ РАДИ, В НЕВЫМЫШЛЕННУЮ СРЕДУ.

Всего информантов - 177, количество замен - 62 (35%).

Варианты замен: "вымышленного героя ... в реальную среду", "вымышленного героя в обыденную среду", "вымышленного героя в действительность", "вымышленного героя в историческую среду".

3. КАЖДАЯ ИЗ ВХОДЯЩИХ В ЭТОТ БЛОК СИЛ ПРЕСЛЕДУЕТ ЗДЕСЬ СВОЮ ВЫГОДУ: ПРАВИТЕЛЬСТВУ, ЕСТЕСТВЕННО, ВЫГОДНО ИМЕТЬ ТАКУЮ ПОДДЕРЖКУ, ЖИРИНОВСКОМУ ВЫГОДНО ДЕМОНСТРИРОВАТЬ СВОЮ РЕСПЕКТАБЕЛЬНОСТЬ.

Всего информантов - 192, количество замен - 19 (10%).

Варианты замен: "... выгоду: правительству выгодно иметь такую поддержку, Жириновскому - демонстрировать...", "... выгоду: правительству необходимо.., Жириновскому - ...", "... выгоду: правительству важно .., Ж-му - ...".

4. НЕ УДАЛАСЬ ТОРЖЕСТВЕННОСТЬ, УДАЛОСЬ ТО, ЧТО ПРИНЯТО НАЗЫВАТЬ ОБМЕНОМ МНЕНИЙ.

Всего информантов - 177, количество замен - 71 (40%).

Варианты замен: "не удалась .., (но, но все-таки, хотя) было...", "не удалась.., (но, хотя) состоялось...", "не удалась.., (но) получилось...".

В связи с изменениями данного контекста интересно обратить внимание на то, что испытуемые дополняют контекст квалификаторами синтаксических отношений (чаще противительных), не совсем ясных в данном высказывании.

5. ЭТО ВАШ ВЫБОР, МОГЛИ ВЛОЖИТЬ ДЕНЬГИ ПРАВИЛЬНО, МОГЛИ НЕПРАВИЛЬНО.

Всего информантов - 192, количество замен - 84 (44%).

Варианты замен: "могли вложить деньги правильно, могли ошибиться", "могли вложить деньги правильно, могли нет", "могли вложить деньги правильно или нет", "могли вложить деньги правильно или ошибиться".

Изменения этого контекста по большей части направлены на замену второго члена антонимичной пары "правильно- неправильно", только небольшая часть испытуемых принимает во внимание и повтор глагола, устраняя его.

6. ИМ ОБЪЯВИЛИ, ЧТО ПРИСУТСТВОВАТЬ НА БАНКЕТЕ НЕОБЯЗАТЕЛЬНО, ОБЯЗАТЕЛЬНО ТОЛЬКО ПЛАТИТЬ.

Всего информантов - 177, количество замен - 83 (47%).

Варианты замен: "необязательно, нужно", "необязательно, необходимо", "необязательно, надо...", "необязательно, главное...", "необязательно, следует...", "... можно не присутствовать, нужно только платить", "присутствовать ... желательно, а платить обязательно".

В данном случае существование в языке большого количества синонимов определяет и наличие разнообразных вариантов, причем изменения контекста связаны с заменой как первого, так и второго члена ряда, в отличие от предыдущего контекста.

7. ОН БУДЕТ ПРОДОЛЖАТЬ ПРОЦЕСС ПРИВАТИЗАЦИИ, САМОЙ ПРИВАТИЗАЦИИ ТАК И НЕ ПРОВОДЯ.

Всего информантов - 192, количество замен - 14 (7%).

Варианты замен: "...процесс приватизации, самой реформы...", "процесс приватизации, ничего ...", "продолжать процесс приватизации, ничего (в нашей жизни) не изменяя", "продолжать приватизацию только на словах", "продолжать не проводить процесс приватизации"

8. ИТАК, БЕЗЗАКОНИЕ БЫЛО УЗАКОНЕНО.

Всего информантов - 177, количество замен - 156 (88%).

Варианты замен: "беззаконие было наказано", "беззаконие стало нормой", "беззаконие было оправдано", "беспредел был узаконен", "дело было узаконено".

В данном случае эксперимент дал неожиданный результат: наиболее частотный измененный вариант - "беззаконие было наказано" - объясняется не качеством оценки ЛДР, а неадекватной пресуппозицией, неверным пониманием семантики высказывания.

9. КУВАЛДИН В СВОЕМ РОМАНЕ ВТОРГАЕТСЯ НА ЧУЖУЮ И ЧУЖДУЮ ТЕРРИТОРИЮ.

Всего информантов - 192, количество замен - 72 (37%).

Варианты замен: "... на чужую территорию.", "... на чуждую территорию", "... на чужую и незнакомую территорию", "... на неизвестную территорию".

10. ЛУЧШИЕ НАШИ ДЕМОКРАТЫ ПРЕДСТАВЛЯЮТ ТУ МЕРУ СВОБОД, КОТОРУЮ ОНИ ДОПУСКАЮТ И КОТОРУЮ ГОТОВЫ ОТПУСТИТЬ НАРОДУ.

Всего информантов - 177, количество замен - 78 (44%).

Варианты замен: "допускают и готовы дать...", "допускают и готовы отдать...", "допускают и готовы предоставить...", "допускают и готовы передать ...".

11. Я, НАПРИМЕР, В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОБЛАСТЯХ ЧЕЛОВЕК НЕТЕРПИМЫЙ И ТЕРПИМЫМ БЫТЬ НЕ СОБИРАЮСЬ.

Всего информантов - 192, количество замен - 71 (37%).

Варианты замен: "нетерпимый и другим быть не собираюсь", "нетерпимый и меняться не собираюсь", "нетерпимый и сдержанным быть не собираюсь", "нетерпимый и добреньким быть не собираюсь", "нетерпимый и лицемерить не собираюсь".

12. ЭТО ПОПЫТКИ РАЗОБРАТЬСЯ, ЧТО ЖЕ ТАКОЕ НАШ КОММУНИЗМ И ЕГО ДЕЯТЕЛИ, ДЕЛАТЕЛИ.

Всего информантов - 177, количество замен - 67 (38%).

Измененный вариант единственный: "... что же такое наш коммунизм и его деятели".

13. КНИГА ПОДГОТОВЛЕНА В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ" ДО ВСЕХ ЕГО ПЕРЕИМЕНОВАНИЙ, РАЗДЕЛОВ И ПОИСТИНЕ ЧЕРНЫХ ПЕРЕДЕЛОВ.

Всего информантов - 192, количество замен - 75 (39%).

Варианты замен: "до всех его переименований и поистине черных переделов", "...до всех его переименований.", "до всех его переименований и разделов."

14. СИРИЯ ЗАДОЛЖАЛА РОССИИ ОКОЛО 11 МЛРД. ДОЛЛАРОВ. ДО СИХ ПОР ДОЛГИ ОСТАВАЛИСЬ ГЛАВНЫМ РАЗДРАЖИТЕЛЕМ В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ДА-МАСКОМ И МОСКВОЙ.

Всего информантов - 177, количество замен - 14 (8%).

Варианты замен: "эти деньги...", "это оставалось...", "это было...", "невозвращенные кредиты..."

15. ОКШТЕЙНУ ВСЕ ЕЩЕ СНИЛИСЬ ЧЕРНОВЦЫ, И СНЫ ЕГО ОТРАЖАЛИСЬ В КАРТИНАХ.

Всего информантов - 192, количество замен - 15 (8%).

Варианты замен: "снились Черновцы, они отражались...", "снились Ч., это отражалось...", "снились Ч., что отражалось", "... и мысли его отражались...", "мечты его отражались...", "снились Ч., он их все еще писал".

16. ТАМ УБИЛИ СУПРЕФЕКТА, И УБИЙСТВО СВЯЗЫВАЮТ С ЭТИМ КОНФЛИКТОМ. Всего информантов - 177, количество замен - 12 (7%).

Варианты замен: "убили.., и это связывают с конфликтом", "убили.., и происшествие связывают...", "убили.., и это событие связывают с известным конфликтом".

17. НОВАЯ ПРОЗА - ЭТО ДИАЛОГ С ИСТОРИЕЙ, КОГДА В СОБЕСЕДНИКИ АВТОРА ВПРЯМУЮ БЕРЕТСЯ ИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРСОНАЖ.

Всего информантов - 192, количество замен - 19 (10%).

Варианты замен: "реальный персонаж", "существовавший персонаж", "известный персонаж", "известное лицо".

18. НЕ СМОТРИ ДАРЕНОМУ КОНЮ В ЗУБЫ: НУ САМ ПОСУДИ, БУДЬ У НЕГО ВО РТУ ХОТЯ БЫ ОДИН ЗУБ, КТО БЫ ТЕБЕ ЕГО ПОДАРИЛ.

Всего информантов - 177, количество замен - 15 (8%).

Варианты замен: "кто бы тебе бы его отдал", "кто бы тебе его дал", "кто бы тебе его показал".

19. ПАРОДИЯ - САМЫЙ НЕСВОБОДНЫЙ ИЗ ЖАНРОВ, ТАК КАК НАМЕРТВО ПРИКОВАНА К ТОМУ, ЧТО ПАРОДИРУЕТ.

Всего информантов - 192, количество замен - 18 (9%).

Варианты замен: "..., что изображает", "..., что высмеивает", "..., что показывает", "..., что смешно", "..., что плохо", "..., что нелепо".

20. Я ПОТОМУ И НАЧАЛ ПИСАТЬ СТАТЬЮ, ЧТО УХОДИТ ПАМЯТЬ. УХОДЯТ ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ПОМНИЛИ ЭТИ СОБЫТИЯ.

Всего информантов - 177, количество замен - 81 (46%).

Варианты замен: "которые видели эти события", "которые знали ...", "которые наблюдали...", "которые участвовали в событиях".

21. ФАНТАЗИЯ ЛИШЬ ТОГДА И ФАНТАЗИЯ, КОГДА ВОЛЬНА, КОГДА НЕ ПРИКОВАНА.

Всего информантов - 192, количество замен - 12 (6%).

Варианты замен: "фантазия лишь тогда свободна...", "фантазия лишь тогда и интересна", "фантазия лишь тогда сказочна", "выдумка лишь тогда фантазия...",

22. ПУСТЬ ВСЕ БУДЕТ НАЗВАНО СВОИМИ ИМЕНАМИ: ФИНАНСЫ - ФИНАНСАМИ, А ЛИЦЕМЕРИЕ - ЛИЦЕМЕРИЕМ.

Всего информантов - 177, количество замен - 12 (7%).

Варианты замен: "Пусть все будет названо своими именами, и финансы, и лицемерие." , "... финансы - деньгами, а лицемерие - пороком", "... финансы - необходимостью, а лицемерие - подлостью", "финансы - деньгами, а лицемерие - пакостью", "финансы - причиной, а лицемерие - следствием".

23. У ЗОЩЕНКО ЛИЦА ЕГО ГОВОРЯЩИХ ГЕРОЕВ, КАЖЕТСЯ, ПРИРАСТАЮТ К ПИСАТЕЛЮ, И КАК ЗА НИМИ РАЗЛИЧИТЬ ЕГО СОБСТВЕННОЕ ЛИЦО?

Всего информантов - 192, количество замен - 17 (9%).

Варианты замен: "различить его собственное", "различить его собственное Я", "различить писателя", "различить его самого".

24. МОЖНО ВЫРАЗИТЬ ВОЗМУЩЕНИЕ НАГЛЫМ ТОНОМ ЗАМЕТКИ, НАПОМНИТЬ О ГЕРОСТРАТЕ ИЛИ О ТОМ ВАРВАРСКОМ КОРОЛЕ, СЛЕДОВАЛ НАКАЗУ РАЗРУШАТЬ ТО, ЧТО ПОСТРОИЛИ ДРУГИЕ, ИБО НЕ МОГ СТРОИТЬ ВЫШЕ.

Всего информантов - 177, количество замен - 14 (8%).

Варианты замен: "не мог сделать выше", "не мог выше", "не мог создать выше", "не мог забраться выше", "не мог возвыситься".

25. РАЗ БЛОК НЕ ОСУЖДАЛ БОЛЬШЕВИКОВ - ЗНАЧИТ, ПРАВ [ОСУДИВШИЙ БОЛЬШЕВИКОВ (I)](II) ЭРЕНБУРГ, "ПОРАЗИТЕЛЬНОЕ ПРОЗРЕНИЕ" КОТОРОГО ОТМЕЧЕНО АВТОРОМ.

Всего информантов - 192, количество замен I - 154 (80%), количество замен II - 19 (10%)

Вариант замен I - "осудивший их".

Варианты замен II - "значит, прав Эренбург...", "прав сделавший это Эренбург", "прав ругавший их Эренбург".

26. АРМЯНСКИЕ ПИСАТЕЛИ БЕДСТВУЮТ. ОНИ НЕ МОГУТ ИЗДАТЬ ИЛИ ПЕРЕИЗДАТЬ СВОИ КНИГИ.

Всего информантов - 177, количество замен - 12 (7%).

Варианты замен: "Они не могут издать свои книги.", "Они не могут издавать свои книги.", "Они не могут заниматься издательской деятельностью."

27. НО ОТНОСИТЬСЯ К ЗАБЫТЫМ, ЗАТЕРЯВШИМСЯ В СТАРОЙ ПРЕССЕ СТАТЬЯМ СЛЕДУЕТ КАК К ИСТОРИЧЕСКИМ ФАКТАМ, ТРЕБУЮЩИМ СЕРЬЕЗНОГО КОММЕНТИРОВАНИЯ И СЕРЬЕЗНОГО АНАЛИЗА.

Всего информантов - 177, количество замен - 90 (51%).

Измененный вариант только один: "...серьезного комментирования и анализа". Это, несомненно, связано с тем, что ряд "серьезно-серьезно" используется только для экспрессивного подчеркивания темы.

28. ОДИН ГЕРОЙ ПОМЕР. ДРУГОЙ ВОЗВРАЩАЕТСЯ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ В ПОСТЫЛЫЙ ДОМ К ПОСТЫЛОЙ ЖЕНЕ.

Всего информантов - 192, количество замен - 76 (40%).

Варианты замен: "в постылый дом к ненавистной жене", "в постылый дом к нелюбимой жене", "домой к постылой жене", "в постылый дом к жене".

ЛДР этого контекста сходен с ЛДР предыдущим, однако в данном высказывании два формально близких словосочетания реализуют синтаксические отношения конкретизации, а не альтернативы, как в предыдущем контексте. Именно поэтому "изъять" один из членов ряда затруднительно, ряд воспринимается как прагматичный, следовательно, мы имеем гораздо меньшее количество измененных вариантов.

29. НЕКОТОРЫЕ УВЕРЕНЫ, ЧТО СОВРЕМЕННОСТЬ МОЖНО ИГНОРИРОВАТЬ. ЭТО ЗАБЛУЖДЕНИЕ: ИГНОРИРОВАТЬ НЕЛЬЗЯ НИЧЕГО.

Всего информантов - 192, количество замен - 79 (41%).

Варианты замен: "игнорировать... не обращать на нее внимания нельзя", "... можно игнорировать. Это заблуждение."

30. КОЛЬ ТЫ СТРЕЛЯЕШЬ, ТО ЗНАЙ, ЗАЧЕМ СТРЕЛЯЕШЬ.

Всего информантов - 177, количество замен - 90 (51%).

Варианты замен: "стреляешь..., зачем это делаешь", "...стреляешь, то знай зачем."

Основная часть замен в данном случае направлена на свертывание синтаксической конструкции. Большее количество таких замен по сравнению с предыдущим примером и больший процент измененных контекстов в целом объясняется разницей реализуемых синтакси-

ческих отношений: не пояснение, но отношение обусловленности, при котором дублирование значения становится избыточным.

31. ЧТО-НИБУДЬ В ЭТОМ РОДЕ БУДЕТ НАПИСАНО ВСЕГДА ГОТОВЫМИ К УСЛУГАМ ГАЗЕТНЫМИ БОРЗОПИСЦАМИ.

Всего информантов - 192, количество замен - 77 (39%).

Варианты замен: "будет напечатано ...борзописцами", "будет создано ...борзописцами", "будет написано ... журналистами", "изобразят ... борзописцы".

Большинство испытуемых сохраняют экспрессивное "борзописцы", ощущая его нарочитость в данном контексте, и заменяют первый, нейтральный, член ряда.

32. НЕУЖТО ЖЕ У НАШИХ ГОРОДСКИХ ГОЛОВ СВОЯ ГОЛОВА НА ПЛЕЧАХ ОТСУТСТВУЕТ ?

Всего информантов - 177, количество замен - 81 (46%).

Варианты замен: "у городских властей ... голова на плечах", "у городской администрации ...голова на плечах", "у городских начальников ... голова на плечах", "у городских голов ... своя на плечах отсутствует", "городские головы не умеют думать (сами, самостоятельно и тому подобное)".

В данном контексте членами ряда являются устойчивые словосочетания, их столкновение определяет экспрессивность предложения. Это и определяет характер замен, которые, в отличие от предыдущего контекста, не однонаправленны. Кроме того, это объясняет и больший процент замен по сравнению с предыдущим контекстом.

33. ОДНАКО О ПОВОРОТЕ НАЗАД В ВЕНГРИИ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ И РЕЧИ. БОЛЬШЕ ТОГО, В ПРЕЖНЕМ КУРСЕ СТРАНЫ ВООБЩЕ НЕ ОЖИДАЕТСЯ СКОЛЬКО-НИБУДЬ СУЩЕСТВЕННЫХ ПОВОРОТОВ.

Всего информантов - 192, количество замен - 136 (71%).

Варианты замен: "... существенных изменений", "... существенных перемен", "существенных преобразований".

34. КИМ ФИЛБИ БЫЛ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ ЛИЧНОСТЬЮ, НО ПОМИМО СВОЕЙ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТИ ЭТО БЫЛ ОЧЕНЬ ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК.

Всего информантов - 177, количество замен - 129 (72%).

Варианты замен: "был исключительной личностью, но помимо этого...", "был исключительной личностью, это был ...", "Ким Филби был исключительно ответственный человек.", "исключительный, но ответственный человек".

35. ДЕТИ ПОЯВЛЯЮТСЯ ВРЕМЯ ОТ ВРЕМЕНИ, НО ЭТО КАКИЕ-ТО НЕДЕТСКИЕ ДЕТИ.

Всего информантов - 192, количество замен - 152 (79%).

Варианты замен: "странные дети", "взрослые дети", "рано повзрослевшие дети", "непонятные дети"

36. ПРЕДПРИЯТИЯМ РАЗРЕШИЛИ ПРОДАТЬ ВСЕ, ЧТО ОНИ ПРОДАТЬ МОГУТ.

Всего информантов -177, количество замен - 135 (75%).

Варианты замен: "...продать все, что они могут.", "продать все, что они производят", "продать все, что они имеют", "продать все, что они хотят".

37. РУКОПИСЬ БЫЛА НАЧИСТО ПЕРЕПИСАНА АВТОРОМ.

Всего информантов - 192, количество замен - 157 (82%).

Варианты замен: "работа была ... переписана", "книга ... переписана", "повесть ... переписана", "статья ... переписана", "произведение ... переписано".

Изменяя данный контекст, испытуемые ищут адекватную замену существительному, первому члену ряда (причем на выбор слова, вероятно, оказывают влияние морфологические характеристики первоначального слова "рукопись", поэтому появляются замены "повесть", "статья", но не "роман", например; появление варианта "произведение" возможно в виду его обобщенной семантики).

38. ЭТУ ПЕСНЮ ХОТЯТ ПОСЛУШАТЬ РАДИОСЛУШАТЕЛИ ИЗ СМОЛЕНСКА.

Всего информантов - 177, количество замен - 147 (83%).

Варианты замен: "эту песню просили передать ...", "эту песню заказали ...", "это песня для ...", "эту песню мы передаем для...", "эту песню хотят послушать радиолюбители из ...".

И в этом контексте испытуемые заменяют первый член ряда, однако, в отличие от предыдущего примера, это предикат. Объясняется это трудностью подбора синонимов к "радиослушатели" (вариант "радиолюбители", обнаруженный только в одной анкете, не является адекватной заменой, т.к. изменяет семантику высказывания).

39. ОН БЫЛ ОДАРЕН ВЕЛИКИМ ДАРОМ ПОЭЗИИ, МОГУЧЕГО ТВОРЧЕСТВА.

Всего информантов - 192, количество замен - 146 (76%).

Варианты замен: "...наделен великим даром...", "...одарен великим талантом...", "он был очень талантлив", "он был одаренным человеком". Изменения данного тавтологического контекста разнонаправленны, большое их количество связано с изменением синтаксической конструкции при сохранении семантики высказывания.

40. НА НОВЫЙ ГОД ПРИНЯТО ДАРИТЬ ПОДАРКИ.

Всего информантов - 177, количество замен - 126 (70%).

Варианты замен: "...делать подарки", "дарить что-нибудь", "преподносить подарки", "поздравлять друг друга".

Меньший процент изменений данного высказывания по сравнению с другими тавтологичными контекстами объясняется частотностью использования в современной речи словосочетания "дарить подарки" и конкретизацией семантики существительного.

Рассмотрев общий характер изменений экспериментальных контекстов, можно установить различие в направлении изменений разных типов контекстов. Семантико-синтаксические ЛДР в целом воспринимаются как единый текстовый комплекс, детерминруемый своим первым членом, поэтому испытуемые во всех контекстах с подобными ЛДР заменяют только второй член ряда. В контекстах с эпидигматическими ЛДР названный тип замены так же является наиболее частотным, но на характер изменений начинают оказывать влияние синтаксическая структура и семантика контекста, особенности лексем - членов ряда. Так в эпидигматических ЛДР с градационными отношениями в большинстве случаев один член (чаще второй, но иногда и первый) просто опускается, это становится возможным из-за идентичности синтаксической позиции членов ряда. Среди ЛДР с противительными отношениями только контекст 8 дал варианты замен первого члена ряда (беззаконие - беспредел (2 чел.), дело (1 чел.)), однако такие замены, на наш взгляд, разрушают семантику высказывания. Преимущественную замену первого члена ряда мы обнаружили в контексте 31, что объясняется нейтральной стилистической окраской первого члена ряда и экспрессивностью второго (испытуемые, естественно, заменяют нейтральный член ЛДР), и в контексте 32, поскольку в нем второй член является идиомой. Напротив, в большинстве контекстов с тавто-

логией изменяется преимущественно первый член лексической пары, связанной формально-семантически.

2.2.3. Результаты контекстного ассоциативного эксперимента

1. КАЖДОЕ ТОЛКОВАНИЕ - ЭТО СКОРЕЕ ПОПЫТКА ОЖИВИТЬ, СДЕЛАТЬ БОЛЕЕ ОЩУТИМЫМ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЯ ТВОРЧЕСТВО ИЗВЕСТНОГО, НО И СТОЛЬ ЖЕ (неизвестного) ПРОЗАИКА.

Реакции: неизвестного - 96, неведомого - 21, далекого - 13, умелого - 6, непонятного - 4, популярного - 4, талантливое - 3, знаменитого - 3, непознанного - 2, загадочного - 2, трудного - 2, затруднительного - 1, хорошего - 1, неразгаданного - 1, скучного - 1, недоступного - 1, интересного - 1, таинственного - 1, необъяснимого - 1, искусного - 1, гениального - 1, забытого - 1, важного - 1, любимого - 1, заштампованного прежними толкованиями - 1.

Всего - 170 ,

Информантов - 174, отказов - 4 (2.3%), формально-семантических ассоциаций (ФС) - 96 (55.2%), семантических (С) - 74 (42.5%).

2. НОРМАЛЬНО, КОГДА ВЫМЫШЛЕННОГО ГЕРОЯ ПОМЕЩАЮТ, НАТУРАЛЬНОСТИ РАДИ, В (невывымышленную) СРЕДУ.

Реакции: в реальную - 38, в невывымышленную - 14, в обычную - 13, в современную - 12, естественную - 11, в обыденную - 12, в вымысленную - 9, в общественную - 7, в окружающую - 6, в деловую - 5, в литературную - 5, в сказочную - 4, в свою - 4, в другую - 3, в не-

обычную - 3, в жизненную - 2, в живую - 2, в ненормальную - 2, в человеческую - 2, в общую - 1, в природную - 1, в натуральную - 1, в политическую - 1, в нормальную - 1, в особую - 1, в незнакомую - 1, в знакомую ему - 1, в действительную - 1, в небольшую - 1.

Всего - 164

Информантов - 168, отказов - 4 (2.4%), ФС - 23 (13.7%), С - 141 (83.9%).

3. БОРЬКА ВСЕГДА РЫЛ ЗЕМЛЮ, ЕСЛИ НАХОДИЛ ДЛЯ ЭТОГО ПОДХОДЯЩЕЕ МЕСТО, А ЕСЛИ НАХОДИЛ (неподходящее), ТОЖЕ РЫЛ.

Реакции: неподходящее - 73, неудобное - 26, что-то - 12, что-то интересное - 11, твердое - 5, то - 5, воду - 4, песок - 3, место - 3, неподходящее для этого место - 2, лужу - 2, грязь - 2, глину - 2, лопату - 2, таковое - 2, ее в горшках с цветами - 1, вырытую яму - 1, асфальт - 1, рыхлое - 1, тайное - 1, еду - 1, желудь - 1, не то - 1, его - 1, отказ - 1, время - 1.

Всего - 166

Информантов - 169, отказов - 3 (1.8%), ФС - 78 (46.2%), С - 88 (52%).

4. НЕ УДАЛАСЬ ТОРЖЕСТВЕННОСТЬ, (удалось) ТО, ЧТО ПРИНЯТО НАЗЫВАТЬ ОБМЕНОМ МНЕНИЙ.

Реакции: удалось - 25 (в том числе: но удалось - 12, а удалось 3), это - 19, получилось - 15, то есть - 12, было - 11, потому - 10, диалог - 7, состоялось - 5 (а состоялось - 2), произошло - 5, дискуссия - 5, хотя бы - 5, спор - 4, беседа - 3, было - 3 (это было - 1), или - 2, не удалось - 1, случилось - 1, свершилось - 1, и началось - 1, ведь отсутствовало - 1, завелся спор - 1, праздник - 1, митинг - 1, помпезность - 1, официальность - 1, размеренность - 1, и - 1, объяснить - 1.

Всего - 147

Информантов - 174, отказов - 27 (15.52%), ФС - 26 (14.94%), С - 121 (69.54%).

5. ЭТО ВАШ ВЫБОР, МОГЛИ ВЛОЖИТЬ ДЕНЬГИ ПРАВИЛЬНО, МОГЛИ (неправильно).

Реакции: неправильно (ФС1)- 54, ошибиться - 27, не вкладывать (ФС2) - 41 (не вкладывать вообще - 7, не вкладывать вовсе - 1, просто не вкладывать - 1), прогореть - 9, наоборот - 7, и нет - 5, вложить неправильно (ФС1-2)- 2, прогадать - 1, разориться - 1, не использовать - 1, обанкротиться - 1, выбросить - 1, выбросить на ветер - 1, их проиграть - 1, неверно - 1, в МММ - 1, подумать - 1, надежно - 1, выгодно - 1, хорошо - 1.

Всего - 159

Информантов - 168, отказов - 9 (5.4%), ФС - 97 /ФС1 - 54 (32.1%), ФС2 - 41 (24.4%), ФС1-2 - 2 (1.2%)/ (57.7%), С - 62 (36.9%).

6. ОН БУДЕТ ПРОДОЛЖАТЬ ПРОЦЕСС ПРИВАТИЗАЦИИ, САМОЙ (приватизации) ТАК И НЕ ПРОВОДЯ.

Реакции: приватизации - 32, акции - 28, реформы - 28, ее - 26, отдачи собственности - 5, сущности - 2, ничего - 2, продажи - 1, перестройки - 1, ее идеи - 1, политики - 1, оплату - 1, голосования - 1, быстрой - 1, как всегда - 1, до сегодняшнего дня - 1.

Всего - 133

Информантов - 169, отказов - 36 (21.3%), ФС - 32 (18.9%), С - 101 (59.8%).

7. ИТАК, БЕЗЗАКОННИЕ БЫЛО (узаконено).

Реакции: наказано - 35, разоблачено - 29, остановлено - 20, приостановлено - 13, всегда - 11, совершено - 6, пресечено - 5, выявлено - 4, продолжено - 4, нормой - 4, узаконено - 5, ликвидировано - 3, оправдано - 3, и будет - 3, налицо - 2, уничтожено 2, беззаконным - 1, везде и всегда - 1, неуместно - 1, очевидно - 1, устранено - 1, злом - 1, полным - 1, безобразное - 1, повсюду - 1, сделано - 1, делом привычным - 1, неслучайно - 1, явным - 1, беспредельным - 1, во все года - 1, замечено - 1, искоренено - 1, свержено - 1, повержено - 1, вечным - 1.

Всего - 168

Информантов - 174, отказов - 6 (3.4%), ФС - 6 (3.4%), С - 162 (93.2%).

8. ДЕТИ ПОЯВЛЯЮТСЯ ВРЕМЯ ОТ ВРЕМЕНИ. НО ЭТО КАКИЕ-ТО (недетские) ДЕТИ.

Реакции: странные - 46, другие - 32, ненормальные - 23, не такие - 11, взрослые - 10, новые - 9, чужие - 8, разные - 6, необычные - 5, особенные - 2, обычные - 1, своеобразные - 1, энергичные - 1, капризные - 1, "правильные" - 1, временные - 1, неродные - 1, сверхъестественные - 1, умные - 1, хитрые - 1, шальные - 1, тупые - 1, не те - 1, соседские - 1, ничьи - 1, непонятные - 1, потрясающие - 1, несуразные - 1, ангельские - 1.

Всего - 166

Информантов - 168, отказов - 2 (1.2%), ФС - 0, С - 166 (98.8%).

9. ИМ ОБЪЯВИЛИ, ЧТО ПРИСУТСТВОВАТЬ НА БАНКЕТЕ НЕОБЯЗАТЕЛЬНО, (обязательно) ТОЛЬКО ПЛАТИТЬ.

Реакции: обязательно - 54, нужно - 49, надо - 33, можно - 13, необходимо -12, главное - 2, следует - 1, не нужно - 1, лишь бы - 1, если - 1, а - 1.

Всего - 168

Информантов - 169, отказов - 1 (0.59%), ФС - 54 (31.95%), С - 114 (67.45%).

10. КУВАЛДИН В СВОЕМ РОМАНЕ ВТОРГАЕТСЯ НА ЧУЖУЮ И (чуждую) ТЕРРИТОРИЮ.

Реакции: незнакомую - 31, неизвестную - 23, неизведанную - 17, новую - 13, запретную - 12, свою - 12, неведомую -7, опасную - 4, закрытую - 3, чуждую - 2, далекую - 2, неприкосновенную - 2, нейтральную - 2, враждебную - 2, скрытую - 2, захламленную - 1, личную - 1, собственную - 1, несобственную - 1, не свою - 1, иную - 1, недоступную - 1, большую - 1, близкую - 1, неосвоенную - 1, богатую - 1, непонятую - 1, священную - 1, агрессивную - 1, занятую - 1, охраняемую войсками - 1, лесную - 1, завоевал - 1.

Всего - 153

Информантов - 174, отказов - 21 (12.1%), ФС - 2 (1.1%), С -151 (86.8%).

11. ЛУЧШИЕ НАШИ ДЕМОКРАТЫ ОТРАЖАЮТ ТУ МЕРУ СВОБОД, КОТОРУЮ ОНИ САМИ ДОПУСКАЮТ И КОТОРУЮ ГОТОВЫ (отпустить) НАРОДУ.

Реакции: дать - 50, предоставить - 27, отдать - 25, преподнести - 21, передать - 13, предложить - 8, навязать - 2, принести - 2, внести - 1, подарить - 1, объяснить - 1, показать - 1, высказать - 1, проповедовать - 1, купить -1, взять - 1, допустить - 1, преподавать - 1.

Всего - 158

Информантов - 168, отказов - 10 (5.95%), ФС - 1 (0.56%), С - 157 (93.45%).

12. Я, НАПРИМЕР, В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОБЛАСТЯХ ЧЕЛОВЕК НЕТЕРПИМЫЙ И (терпимым) БЫТЬ НЕ СОБИРАЮСЬ.

Реакции: терпимым - 58, другим - 37, иным - 19, таким - 14, им - 11, таковым - 10, терпеливым - 2, снисходительным - 2, лояльным - 2, сдержанным - 1, неуверенным - 1, бездельником - 1, подражателем - 1, простофилей - 1, олухом - 1, либералом - 1, интеллигентом - 1, ученым - 1, заискивать - 1, никогда - 1.

Всего - 167

Информантов - 169, отказов - 2 (1.2%), ФС - 60 (35.5%), С - 107 (63.3%).

13. ЭТО ПОПЫТКИ РАЗОБРАТЬСЯ ЧТО ЖЕ ТАКОЕ НАШ КОММУНИЗМ И ЕГО ДЕЯТЕЛИ, (делатели).

Реакции: известные нам - 8, вошедшие в историю - 6, изменившие историю - 5, коммунисты - 3, вожди - 2, его последствия - 2, его цели - 1, его идеи - 1, идеи Ленина - 1, лозунги - 1, например, В.И.Ленин - 1, К.Маркс - 1, сторонники Ленина - 1, его основатели - 1, призраки - 1, шизофреники - 1, полные дураки - 1, которые эту кашу заварили - 1, которые начудили - 1, ненавистные нам - 1, "любимые" народом - 1, кто они - 1, черт бы их побрал - 1, и как он получился - 1, не понять - 1, не привели ни к чему - 2, так и не были решены - 1, всего лишь попытки - 1, невозможны - 1, безрезультатны - 1, нереальны - 1, небезнадежны - 1, безумие - 1, зря - 1, окончились неудачей, окончились полным крахом - 1, как часть истории - 1.

Всего - 58

Информантов - 174, отказов - 116 (66.7%), ФС - 0, С - 58 (33.3%).

14. КНИГА ПОДГОТОВЛЕНА В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ" ДО ВСЕХ ЕГО РАЗДЕЛОВ И ПОИСТИНЕ ЧЕРНЫХ (перделов).

Реакции: дней - 15, страниц - 11, глав - 6, строк - 4, провалов - 2, пятен - 2, дел - 2, статей - 2, списков - 2, мест - 2, букв - 2, фраз - 1, слов - 1, мыслей - 1, времен - 1, страниц - 1, перемен - 1, штампов - 1, трансформаций - 1, тайн - 1, клякс - 1, корок - 1, печатей - 1, обложек - 1, пьес - 1, материалов - 1, дыр - 1.

Всего - 66

Информантов - 169, отказов - 103 (61%), ФС - 0, С - 66 (39%).

15. СИРИЯ ЗАДОЛЖАЛА РОССИИ ОКОЛО 11 МЛРД. ДОЛЛАРОВ. ДО СИХ ПОР (долги) ОСТАВАЛИСЬ ГЛАВНЫМ РАЗДРАЖИТЕЛЕМ В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ДАМАСКОМ И МОСКВОЙ.

Реакции: долги - 61 (эти долги - 18), деньги - 44 (эти деньги - 9), они - 33, задолженности - 17 (эти ... - 7), миллиарды - 3 (эти ... - 1), факты - 2, финансы - 1, денежные вопросы - 1, банкноты - 1, зеленые - 1, банки - 1, эти причины - 1, политики - 1, жены министров - 1, отношения - 1, это - 1, не рассчитались - 1, здесь - 1, пока - 1.

Всего - 170

Информантов - 174, отказов - 4 (2.3%), ФС - 78 (44.83%), С - 92 (52.87%).

16. ОКШТЕЙНУ ВСЕ ЕЩЕ СНИЛИСЬ ЧЕРНОВЦЫ, И (сны) ЕГО ОТРАЖАЛИСЬ В КАРТИНАХ.

Реакции: сны - 119 (удивительные сны - 1), воспоминания - 12, мысли - 7, видения - 6, мечты - 5, они - 3, Черновцы - 2, эпизоды - 2, образы - 1, эти сновидения - 1, фантазии - 1, чувства - 1, любимцы - 1, душа - 1, сознание - 1, глаза - 1, зубы - 1.

Всего - 165

Информантов - 168, отказов - 3 (1.8%), ФС - 122 (72.6%), С - 43 (25.6%).

17. ТАМ УБИЛИ СУПРЕФЕКТА, И (убийство) СВЯЗЫВАЮТ С ЭТИМ КОНФЛИКТОМ.

Реакции: убийство - 38 (его убийство - 7), это - 28, его смерть - 14, это обстоятельство - 10, событие - 11 (это ... - 2), происшествие - 9 (это ... - 4), преступление - 9, положение - 6, его - 4, все - 3, меня - 3, мэра - 2, этого человека - 1, убийцу - 1, мафию - 1, восьмерку - 1, многих - 1, сообщение - 1, волнения - 1, политику - 1, неприятности - 1, все неудачи - 1, разногласия - 1, террор - 1, беспорядки - 1, митинг - 1, это дело - 1, его смерть - 1, многое - 1, тоже - 1, теперь - 1, напрямую - 1, поэтому - 1.

Всего - 160

Информантов - 169, отказов - 9 (5.3%), ФС - 39 (23.1%), С - 121 (71.6%).

18. НОВАЯ ДАВЫДОВСКАЯ ПРОЗА - ЭТО ДИАЛОГ С ИСТОРИЕЙ, КОГДА В СОБЕСЕДНИКИ АВТОРА ВПРЯМУЮ БЕРЕТСЯ (исторический) ПЕРСОНАЖ.

Реакции: исторический - 32, реальный - 27, главный - 15, известный - 12, любой - 9, подлинный - 8, конкретный - 8, невыдуманный - 7, его - 8, каждый - 5, интересный - 5, какой-то - 3, любимый - 3, существовавший - 3, один - 2, некий - 2, реальный исторический - 1, исторически существующий - 1, настоящий - 1, давыдовский - 1, индивидуальный - 1, изо-

браженный - 1, давний - 1, положительный - 1, отрицательный - 1, эпохальный - 1, новый - 1, свой - 1, тот или иной - 1, сам - 1, этот - 1, неправдивость персонажей - 1, критиковать - 1.

Всего - 166

Информантов - 168, отказов - 2 (1.2%), ФС - 34 (20.2%), С - 132 (78.6%).

19. НЕ СМОТРИ ДАРЕНОМУ КОНЮ В ЗУБЫ: НУ САМ ПОСУДИ, БУДЬ У НЕГО ВО РТУ ХОТЯ БЫ ОДИН ЗУБ, КТО БЫ ТЕБЕ ЕГО (подарил).

Реакции: подарил - 101, дал - 24, показал - 23, продал - 10, взял - 5, дарил - 4, отдал - 2, купил - 2, выбил - 1, узнал - 1, снабжал - 1.

Всего - 174

Информантов - 174, отказов - 0, ФС - 105 (60.3%), С - 69 (39.7%).

20. ПАРОДИЯ - САМЫЙ НЕСВОБОДНЫЙ ИЗ ЖАНРОВ, ТАК КАК НАМЕРТВО ПРИКОВАНА К ТОМУ, ЧТО (пародирует).

Реакции: "пародировать" - 71 (пародируется - 56, пародирует - 9, пародируют - 4, пародируешь - 2), изображает - 20, просмеивает - 15, показывает - 13, есть - 13, происходит - 6, высмеивается - 3, изображается - 2, дает предмет пародии - 1, она несвободна - 1, поражает - 1, это выступление чужое - 1, было и будет - 1, актуально - 1, могут обидеться - 1, нужно высмеять - 1, называется сценой - 1, называется критикой - 1, написана - 1, сложна - 1, ограничена - 1, смешно - 1, популярно - 1, нельзя - 1.

Всего - 160

Информантов - 168, отказов - 8 (4.76%), ФС - 72 (42.86%), С - 88 (52.38%).

21. Я ПОТОМУ И НАЧАЛ ПИСАТЬ СТАТЬЮ, ЧТО УХОДИТ ПАМЯТЬ. УХОДЯТ ЛЮДИ, КОТОРЫЕ (помнят) СОБЫТИЯ.

Реакции: помнили - 42, помнят - 39, пережили - 20, знали - 19, видели - 15, совершали - 13, наблюдали - 6, вершили - 2, творили - 2, участвовали в - 2, делали - 1, вызвали - 1, созерцали - 1, связывают - 1, рассказывали о - 1, были связаны с - 1, были свидетелями - 1, были очевидцами - 1, так дороги - 1.

Всего - 169

Информантов - 169, отказов - 0, ФС - 81 (47.93%), С - 88 (52.07%).

22. ФАНТАЗИЯ ЛИШЬ ТОГДА И (фантазия), КОГДА ВОЛЬНА, КОГДА НЕ ПРИКОВАНА.

Реакции: "фантазия" - 84 (является фантазией - 7, есть фантазия - 4, зовется фантазией - 3), интересна - 24, свободна - 21, проста - 8, хороша - 6, существует - 3, проявляется - 2, прекрасна - 2, летит - 1, играет - 1, приходит - 1, является - 1, присутствует - 1, является таковой - 1, будет собой - 1, уместна - 1, ценна - 1, безгранична - 1, невероятна - 1, красива - 1, полезна - 1, сильна - 1, богата - 1, трезва - 1, верна - 1, реальна - 1, тогда - 1.

Всего - 169

Информантов - 174, отказов - 5 (2.87%), ФС - 84 (48.28%), С - 85 (48.85%).

23. ПУСТЬ ВСЕ БУДЕТ НАЗВАНО СВОИМИ ИМЕНАМИ: ФИНАНСЫ - (финансами)/1/, А ЛИЦЕМЕРИЕ - (лицемерием)/2/.

Реакции /1/: деньгами - 56, финансами - 37, необходимостью - 25, достоянием - 16, это финансы - 5, грязь - 3, лицемерие - 1, жизнь - 1, налоги - 1, экономика - 1, кредит - 1, средства - 1, желаемое - 1, бизнес - 1, вещь нужная - 1, власть - 1, причина - 1, достижение - 1.

Всего - 154

Информантов - 168, отказов - 14 (8.3%), ФС - 43 (25.6%), С - 111 (66.1%).

Реакции /2/: подлостью - 41, лицемерием - 37, пороком - 21, ложь - 8, качеством - 7, это лицемерие - 5, обманом - 6, подлость - 2, наглость - 2, притворство - 2, уловкой - 2, истиной - 1, порок - 1, надоевшее - 1, мерзость - 1, грязь - 1, свинство - 1, норма - 1, правда - 1, бизнес - 1, насмешка - 1, тупость - 1, тупизм - 1, дебилизм - 1, следствие - 1, козьей мордой - 1, финансы - 1, не нужно - 1, еще нужнее - 1, было и будет - 1, говорить одно, а делать другое - 1, .

Всего - 156

Информантов - 168, отказов - 12 (7.1%), ФС - 43 (25.6%), С- 113 (67.3%).

24. У ЗОЩЕНКО ЛИЦА ЕГО ГОВОРЯЩИХ ГЕРОЕВ, КАЖЕТСЯ, ПРИРАСТАЮТ К ПИСАТЕЛЮ, И КАК ЗА НИМИ РАЗЛИЧИТЬ ЕГО СОБСТВЕННОЕ (лицо).

Реакции: лицо - 84, я - 46, мнение - 24, непонятно - 4, имя - 2, отношение - 1, пристрастие - 1, кредо - 1, тело - 1, личность - 1, стиль - 1, голос - 1, жизнь - 1.

Всего - 168

Информантов - 169, отказов - 1 (0.6%), ФС - 85 (50.3%), С -83 (49.1%).

25. МОЖНО ВЫРАЗИТЬ ВОЗМУЩЕНИЕ НАГЛЫМ ТОНОМ ЗАМЕТКИ, НАПОМНИТЬ О ГЕРОСТРАТЕ ИЛИ О ТОМ ВАРВАРСКОМ КОРОЛЕ, КОТОРЫЙ СЛЕДОВАЛ НАКАЗУ РАЗРУШАТЬ ТО, ЧТО ПОСТРОИЛИ ДРУГИЕ, ИБО НЕ МОГ (строить) ВЫШЕ.

Реакции: построить - 50, подняться - 35, строить - 15, быть - 15, стать - 10, выстроить - 5, создать - 5, мыслить - 4, придумать - 1, думать - 1, встать - 1, залезть - 4, взять - 2, сотво-

речь - 1, взлететь - 1, прыгнуть - 2, противостоять - 1, сестра - 1, глядеть - 1, сказать - 1, сам - 1.

Всего - 161

Информантов - 174, отказов - 13 (7.5%), ФС - 70 (40.2%), С - 91 (52.3%).

26. РАЗ БЛОК НЕ ОСУЖДАЛ БОЛЬШЕВИКОВ - ЗНАЧИТ, ПРАВ (осудивший) ИХ ЭРЕНБУРГ, "ПОРАЗИТЕЛЬНОЕ ПРОЗРЕНИЕ" КОТОРОГО ОТМЕЧЕНО АВТОРОМ.

Реакции: был - 52, осуждавший - 18, не принимавший - 9, ненавидевший - 8, не любивший - 5, осуждая - 3, не осуждающий - 1, ругающий - 1, порицавший - 1, обличавший - 1, противник - 1, обвинитель - 1, в обвинении - 1, в оценке - 1, критикуя - 1, не критикуя - 1, писавший - 1, поддерживающий - 1, прославлявший - 1, деятель - 1, единомышленник - 1, защитник - 1, лидер - 1, предводитель - 1, этот - 1.

Всего - 114

Информантов - 168, отказов - 54 (32.1%), ФС - 22 (13.1%), С - 92 (54.8%).

27. АРМЯНСКИЕ ПИСАТЕЛИ БЕДСТВУЮТ, ОНИ НЕ МОГУТ ИЗДАТЬ ИЛИ (переиздать) СВОИ КНИГИ.

Реакции: продать - 53, написать - 32, распространить - 21, переиздать - 6, выпустить - 6, опубликовать - 4, напечатать - 4, не издать - 1, писать - 1, рецензировать - 1, создать - 1, продолжать создавать - 1, придумать - 1, прочитать - 1, запустить в продажу - 1, забрать из редакции - 1, показать - 1, купить - 1, сжечь - 1, съесть - 1, не хотят - 1.

Всего - 140

Информантов - 169, отказов - 29 (17.2%), ФС - 7 (4.1%), С - 133 (78.7%).

28. ОДНАКО О ПОВОРОТЕ НАЗАД В ВЕНГРИИ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ И РЕЧИ. БОЛЬШЕ ТОГО, В ПРЕЖНЕМ КУРСЕ СТРАНЫ ВООБЩЕ НЕ ОЖИДАЕТСЯ СКОЛЬКО-НИБУДЬ СУЩЕСТВЕННЫХ (поворотов).

Реакции: изменений - 88, перемен - 58, поворотов - 7, происшествий - 3, сдвигов - 2, преобразований - 1, консервативных явлений - 1, переворотов - 1, повторений - 1, проблем - 1, причин - 1.

Всего - 164

Информантов - 174, отказов - 10 (5.7%), ФС - 8 (4.6%), С - 156 (89.7%).

29. КИМ ФИЛБИ БЫЛ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ ЛИЧНОСТЬЮ, НО ПОМИМО СВОЕЙ (исключительности) ЭТО БЫЛ ОЧЕНЬ ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК.

Реакции: исключительности - 41, незаурядности - 23, индивидуальности - 23, разно-сторонности - 17, профессии - 10, воли - 6, эрудиции - 3, неординарности - 3, личности - 3, необычайности - 2, неповторимости - 2, рассеянности - 2, наглости - 2, должности - 2, натуры - 1, персоны - 1, заботы - 1, работы - 1, уникальности - 1, оригинальности - 1, авторитетности - 1, одаренности - 1, эксцентричности - 1, экспансивности - 1, легкомысленности - 1, невнимательности - 1, растерянности - 1, бесшабашности - 1, беспечности - 1, суетливости - 1, всего - 2, того - 1, этого - 1.

Всего - 159

Информантов - 168, отказов - 9 (5.6%), ФС - 41 (24.4%), С - 118 (70.2%).

30. ПРЕДПРИЯТИЯМ РАЗРЕШИЛИ ПРОДАТЬ ВСЕ, ЧТО ОНИ (продать) МОГУТ.

Реакции: продать - 58, произвести - 33 (производить - 3), сделать - 12, только -14, создать - 9, купить - 3, сейчас - 2, унести - 2, официально - 1, оформить - 1, уценить - 1, реализовать - 1, унести не [могут] - 1, не - 1, не растащили - 1, не утащили - 1, имели - 1, считают нужным - 1.

Всего - 143

Информантов - 169, отказов - 26 (15.4%), ФС - 58 (34.3%), С - 85 (50.3%).

Итак, заполняя пробелы в экспериментальных контекстах, испытуемые реализуют определенную стратегию речевой деятельности, актуализируя ФС или только семантические связи лексических единиц. Направление речевой деятельности во многом задается контекстом, его внутренним стремлением к семантической завершенности. Это подтверждается, в первую очередь, количеством отказов от заполнения пробелов, что не всегда свидетельствует о невозможности дополнить денотативную ситуацию. Высокий процент отказов возникает в тех случаях (контексты 4, 6, 10, 13, 26, 27), когда информация может быть частично свернута и контекст представляется завершенным в смысловом плане без учета синтаксической позиции пропущенной лексемы. Отказ в таких случаях становится непосредственно семантической реакцией.

2.3. Анализ экспериментальных данных

2.3.1. Статистический анализ результатов эксперимента

Доказывая принадлежность основных функциональных типов формально-семантического взаимодействия единиц текста к фактам языка, а не речи, необходимо доказать объективность и воспроизводимость основных моделей организации формально-семантических связей. Для доказательства выдвинутого в работе положения были использованы методы статистического анализа экспериментальных данных.

Если рассмотреть общее количество замен, которому подвергались в ходе I этапа эксперимента отдельные контексты с различными моделями организации ФСС, то здесь четко выделяются три основных группы: 1) контексты, количество изменений которых не превышает 10%; 2) контексты, количество изменений которых колеблется от 35 до 50%; 3) контексты с количеством изменений 70-85%. На наш взгляд, несомненна разница в восприятии различных моделей формально-семантических связей, обусловленная объективной разницей характера их организации. В первую группу входят контексты с семантико-синтаксическими ЛДР. Вторую группу составляют контексты, ЛДР которых оцениваются как прагматичные, экспрессивные, т.е. эпидигматические ЛДР. А в третью вошли ошибочные контексты (с явной тавтологией, нарушенными синтаксическими связями или нарушенной лексической сочетаемостью). Исключений здесь практически нет, мы уже указывали, что большой процент изменений контекста "Беззаконие было узаконено" (88%) связан с ошибочной пресуппозицией.

Кроме того, несомненной является и разница в организации речевой деятельности испытуемых при установке на актуализацию в их сознании формально-семантических связей слов. Статистический анализ данных I этапа эксперимента показал, что в целом 3,5% испытуемых изменили все предложенные контексты, устранив любые ФСС означающих. Еще 17,5% испытуемых изменили 70-80% предложенного материала. Таким образом, становится очевидно, что примерно для 20% испытуемых характерным оказался такой способ организации речевой деятельности, при котором практически все эпидигматические связи сознатель-

но исключаются из текста, постоянно воспроизводится модель отрицательной формальной детерминации, то есть явно выявляется та самая "актуальная негативность использования морфемно-мотивационного плана слов", о которой говорит Н.Д.Голев [196, с.3].

Около 15% испытуемых изменили всего два-три контекста (10-15% материала), еще 5% - шесть-семь, причем изменены были только контексты с эпидигматическими ЛДР, все остальные, включая тавтологические, остались неизменными. Отсюда следует, что опять-таки около 20% испытуемых не актуализируют в своей речевой деятельности формальную сторону языка и текста.

Результаты статистического анализа I этапа эксперимента в целом подтверждаются результатом, полученным в ходе анализа данных контекстного ассоциативного эксперимента.

Если в ходе анализа изменения/неизменения испытуемыми предложенных контекстов результативным был сам факт изменения как основа оценки, например, вариативности единиц лексического ряда, а качество изменения не рассматривалось, то при анализе характера заполнения лакуны определяющим становилось качество используемой единицы, ее связь с предыдущей (семантическая или формально-семантическая), отказ от заполнения пробела тоже оценивался как результативный. Все это обусловило использование для анализа данных более сложного статистического метода ранговой корреляции.

Понятие корреляции (соответствующее русскому термину "соотношение") введено в начале прошлого века французским палеонтологом Ж.Кювье. Не отражая в действительности в полной мере терминологического смысла, оно обозначает степень выраженности связи между вариационными рядами (в нашем случае это варианты заполнения пробелов в контекстах эксперимента). Наглядно связь между двумя вариационными рядами может быть выражена графически: для каждого отдельного наблюдения получают соответствующие друг другу значения, которые откладывают на осях координат; совокупность этих значений может быть обозначена точкой на плоскости. Все множество точек на плоскости создает общую

картину корреляции и обычно позволяет построить некоторую усредненную кривую (в частном случае - прямую) взаимозависимости параметров, составляющих оба вариационных ряда [78]. Понятие взаимозависимости (а не зависимости одного параметра от другого) является в данном случае очень важным: "мы ничего не знаем о причинной связи между сопоставляемыми вариационными рядами, для нас они равноправны в причинном смысле." [169, с.15]

Характер и выраженность связи между двумя вариационными рядами устанавливаются коэффициентом корреляции (r), величина которого всегда заключена в пределах $-1 < r < 1$. Если $r < 0$, то это означает, что с увеличением значений в одном наблюдаемом ряду соответствующие им значения второго вариационного ряда в среднем уменьшаются. Если $r > 0$, то с увеличением одного параметра другой параметр также в среднем возрастает. Если $r = 0$, то это означает, что параметры абсолютно независимы друг от друга. Чем больше по абсолютной величине r , тем сильнее проявляются связи между рядами, тем ближе эта зависимость к функциональной и тем значительней влияние x на y (и наоборот). Чем больше абсолютная величина найденного коэффициента корреляции, тем при определенном объеме эксперимента больше доверительная вероятность того, что характер этой связи действительно соответствует полученному коэффициенту корреляции.

Определение коэффициента корреляции, таким образом, основано на статистических данных измерений двух параметров, предположительно связанных друг с другом, причем каждый из параметров в каждом эксперименте должен иметь более или менее точную количественную оценку. В результате же лингвистического эксперимента характеристики взаимосвязанных рядов могут быть оценены лишь качественно, причем оценки являются условно-сравнительными. В нашем случае каждый результат должен оцениваться путем ранжирования: отказ от заполнения пробела как минимальное значение, ему присваивается минимальный ранг (например, 0); семантическая реакция как следующая по величине, соответственно ей присваивается следующий ранг (1); а формально-семантическая реакция как макси-

мальная (поскольку связана с предметом нашего исследования), и ей присваивается максимальный ранг (2). Мерой упорядоченности рангов, т.е. мерой взаимозависимости ранжированных характеристик x и y (в нашем случае это экспериментальные контексты) является коэффициент ранговой корреляции, определяемый по формуле К.Спирмана [78; 169]:

$$r = 1 - \frac{6 \cdot \sum_{i=1}^{i=n} (x_i - y_i)^2}{n(n^2 - 1)}$$

Из данной формулы следует, что если во всех экспериментах ранги обоих параметров совпадают, то вычитаемое равно нулю и коэффициент ранговой корреляции максимален ($r=1$). Как и при определении обычного коэффициента корреляции, это означает функциональную зависимость x от y (или наоборот). Однако, в случае ранговой корреляции мы делаем выводы не о взаимозависимости отдельных характеристик, а о **функциональности зависимости в целом**.

Анализируя данные эксперимента, мы прежде всего определили коэффициенты ранговой корреляции по группам экспериментальных контекстов. Контексты I группы (1-9) в той или иной степени реализуют синтаксические отношения противительности. Таблица коэффициентов (табл.1) показывает, что при общей слабой корреляции контекстов функциональная зависимость их все же существует.

Так 18 из 36 (т.е. половина) коэффициентов корреляции превышают 0.1000, причем зависимость в данном случае является положительной при вероятности ее 95%. Это означает, что более чем 10% испытуемых в целом однонаправленно организуют свою речевую деятельность: например, 33.8% испытуемых, использовавших формально-семантические соот-

ветствия при заполнении лакуны в контексте-1, восстановят формально-семантические связи и в контексте-9; и наоборот, 37.53%, восстанавливающих только семантические связи в контексте-2, таким же образом заполнят пробел контекста-4 и т.д. Каждое предложение этой группы коррелирует с достаточно высоким (для нашего исследования) коэффициентом с 3-6 контекстами из 8, наибольшее количество положительных корреляций имеют контексты 3 (5 кор.) и 6 (6 кор.). Наибольшими коэффициентами являются 0.3753 (контексты 2-4), 0.3691 (контексты 3-9), 0.3380 (контексты 1-9); наименьшими (из названных 18) - 0.1017 (конт.2-9), 0.1125 (7-9), 0.1193 (5-6).

Табл. 1. Значение коэффициентов ранговой корреляции для 1 группы

ЛДР с отношениями противительности.

	К1	К2	К3	К4	К5	К6	К7	К8	К9
К1	1	0.1781	0.2372	-0.0042	0.0468	0.0117	-0.029	0.0561	0.338
	1	0.0124	0.0096	0.9763	0.7434	0.9349	0.8393	0.6943	0.018
К2	0.1781	1	-0.0285	0.3753	0.2381	-0.0275	-0.0983	0.068	0.1017
	0.0124	1	0.8416	0.0086	0.0096	0.8474	0.4914	0.6339	0.0065
К3	0.2372	-0.0285	1	0.0484	0.1891	0.1898	0.2985	0.0834	0.3691
	0.0096	0.8416	1	0.7348	0.0085	0.0084	0.0367	0.5592	0.0098
К4	-0.0042	0.3753	0.0484	1	-0.0558	0.1703	0.0701	0.2994	0.0041
	0.9763	0.0086	0.7348	1	0.6963	0.0032	0.6235	0.0361	0.9771
К5	0.0468	0.2381	0.1891	-0.0558	1	0.1193	0.0589	0.1458	0.0637
	0.7434	0.0096	0.0085	0.6963	1	0.0037	0.6804	0.0074	0.6555
К6	0.0117	-0.0275	0.1898	0.1703	0.1193	1	0.1962	0.2142	0.214
	0.9349	0.8474	0.0084	0.0032	0.0037	1	0.0096	0.0133	0.0086
К7	-0.029	-0.0983	0.2985	0.0701	0.0589	0.1962	1	0.0602	0.1125
	0.8393	0.4914	0.0367	0.6235	0.6804	0.0096	1	0.6735	0.0093
К8	0.0561	0.068	0.0834	0.2994	0.1458	0.2142	0.0602	1	-0.0779
	0.6943	0.6339	0.5592	0.0361	0.0074	0.0133	0.6735	1	0.5858
К9	0.338	0.1017	0.3691	0.0041	0.0637	0.214	0.1125	-0.0779	1

	0.018	0.0065	0.0098	0.9771	0.6555	0.0086	0.0093	0.5858	1
--	-------	--------	--------	--------	--------	--------	--------	--------	---

Табл. 2 **Значение коэффициентов ранговой корреляции для 2 группы ЛДР с отношениями градации.**

	K10	K11	K12	K13	K14
K10	1 1	1 0	0.2203 0.0123	0.1115 0.0051	0.3897 0.0064
K11	1 0	1 1	1 0	1 0	1 0
K12	0.2203 0.0123	1 0	1 1	0.0257 0.8571	-0.0787 0.5815
K13	0.1115 0.0051	1 0	0.0257 0.8571	1 1	0 1
K14	0.3897 0.0064	1 0	-0.0787 0.5815	0 1	1 1

Контексты II группы (10-14) реализуют отношения градации. Таблица коэффициентов ранговой корреляции (табл.2) для этой группы не так интересна, как предыдущая, так как все испытуемые заполняли пробелы в этих контекстах, ориентируясь в основном на семантику, эти контексты дали наименьшие проценты формально-семантических ассоциаций. Именно поэтому в четырех случаях из десяти коэффициент ранговой корреляции $r=1$, т.е. между ранжированными параметрами прямо пропорциональная функциональная зависимость. Однако коэффициент корреляции контекстов 13-14, напротив, равен 0. Это означает, что варианты

заполнения контекстуальных лакун абсолютно независимы друг от друга, хотя статистический анализ дает сходные результаты (13: семантические ассоциации - 33.3%, отказ - 66.7%; 14: семантические ассоциации - 39%, отказ - 61%). Это связано с характером самих контекстов.

Табл. 3 Значение коэффициентов ранговой корреляции для 3 группы

ЛДР с отношениями пояснения и конкретизации.

	K15	K16	K17	K18	K19	K20	K21
K15	1	0.0027	0.0176	0.0217	-0.005	-0.075	0.0527
	1	0.985	0.9021	0.8793	0.972	0.5995	0.7122
K16	0.0027	1	0.2919	0.3102	-0.0017	0.1552	0.1942
	0.985	1	0.041	0.0299	0.9907	0.0073	0.0041
K17	0.0176	0.2919	1	0.162	0.2836	0.0011	-0.0133
	0.9021	0.041	1	0.0067	0.0471	0.994	0.9257
K18	0.0217	0.3102	0.162	1	0.0695	0.1335	0.3624
	0.8793	0.0299	0.0067	1	0.6265	0.0035	0.0112
K19	-0.005	-0.0017	0.2836	0.0695	1	0.1068	0.1654
	0.972	0.9907	0.0471	0.6265	1	0.0048	0.0071
K20	-0.075	0.1552	0.0011	0.1335	0.1068	1	0.3063
	0.5995	0.0073	0.994	0.0035	0.0048	1	0.032
K21	0.0527	0.1942	-0.0133	0.3624	0.1654	0.3063	1
	0.7122	0.0041	0.9257	0.0112	0.0071	0.032	1

Очевидно, что отказ испытуемого от заполнения пробела в контексте 13 продиктован его осознанием "достаточности" информации, ему представленной (напомним, что в ходе первого этапа эксперимента большая часть изменений контекста была направлена на его свертывание, а в ходе контекстного ассоциативного эксперимента значительная часть испытуемых, заполняя лауну, высказывали собственное отношение к "деятелям", заполняя позицию обособленного определения), таким образом, отказ может рассматриваться как явление семантическое. Отказ же от заполнения пробела в контексте 14 связан скорее всего с трудностями подбора соответствующей лексемы и асемантичен по своему характеру.

Контексты III группы (15-21) реализуют отношения пояснения и конкретизации, коэффициенты их корреляции (таблице 3) представляют картину, сходную с гр. I: 11 коэффициентов из 21 превышают 0.1, являясь положительными. Все контексты данной группы, кроме 15, коррелируют с 3-4 контекстами из б. наибольший коэффициент - 0.3624 (18-21), наименьший - 0.1068 (19-20). Слишком слабые корреляции контекстов данной группы с контекстом-15 объясняются характером закрепления синтаксических отношений в данном контексте и особенностями их восприятия испытуемыми. Как мы уже указали, контекст-15 реализует отношение конкретизации семантики предикатной группы, причем контекстуальный фактор отношения задается ЛДР, без квалификатора отношения. Сходные отношения и сходные ЛДР (глагол - отглагольное существительное) можно наблюдать в контекстах 16 и 17, которые коррелируют между собой с коэффициентом 0.2919, Это можно объяснить тем, что в этих контекстах синтаксические отношения более рельефны, т.к. в них присутствует квалификатор отношения, союз и, хотя это и не отражается и на статистических результатах ассоциативного эксперимента: количество формально-семантических ассоциаций в контекстах 16 и 17 соответственно 72.6% и 23.1%, а в контексте 15 - 44.8%. И остальные контексты данной группы отличает от 15-го либо наличие квалификатора отношений, либо сильная пресуппозиция, тогда как контекст 15 при опущении второго члена ЛДР, вероятно, теряет смысл для

большинства испытуемых из-за отсутствия или неактуальности пресуппозиции и в силу этого неясности ситуации высказывания.

Меньший материал для анализа дают контексты группы IV (22-27), реализующие альтернативные отношения (табл. 4).

Табл. 4 Значения коэффициентов ранговой корреляции для 4 группы ЛДР с альтернативными отношениями.

	K22	K23	K24	K25	K26	K27
K22	1	0.1585	-0.0736	0.0551	0.345	0.1767
	1	0.0073	0.6066	0.7027	0.0168	0.0208
K23	0.1585	1	0.1035	0.2078	-0.0344	0.007
	0.0073	1	0.0046	0.0099	0.8115	0.9611
K24	-0.0736	0.1035	1	-0.0033	-0.0153	-0.0116
	0.6066	0.0046	1	0.9817	0.9155	0.9361
K25	0.0551	0.2078	-0.0033	1	0.243	0.0611
	0.7027	0.0099	0.9817	1	0.0093	0.6723
K26	0.345	-0.0344	-0.0153	0.243	1	-0.0875
	0.0168	0.8115	0.9155	0.0093	1	0.5445
K27	0.1767	0.007	-0.0116	0.0611	-0.0875	1
	0.0208	0.9611	0.9361	0.6723	0.5445	1

Из 15 коэффициентов корреляции только 6 свидетельствуют о функциональной взаимозависимости, превышая 0.1 . С наибольшим коэффициентом (0.345) коррелируют контек-

сты 22-26, с наименьшим (0.1035) - контексты 23-24. С тремя из пяти коррелируют контексты 22 и 23, с двумя - 25 и 26, соответственно контексты 24 и 27 коррелируют только с одним из пяти контекстов группы (24 -23, 27-22). Слабые корреляции контекста 27 понятны и легко объяснимы: количество формально-семантических ассоциаций в этом контексте на порядок меньше, чем в других контекстах группы, а процент отказов достаточно высок. Но отсутствие корреляций у контекста 24 вызывает удивление, поскольку контекст был отнесен нами к числу сильных в формально-семантическом плане, а процентное соотношение формально-семантических и семантических ассоциаций в данном случае вполне сопоставимо с соотношением ассоциаций на большинство контекстов группы. Это еще раз подтверждает, что при исследовании речи можно говорить не о жестких закономерностях и доминантах, а только о предпочтительности выбора определенной языковой модели, а также о большей или меньшей степени вероятности реализации определенной стратегии речевой деятельности.

Кроме корреляционного анализа по группам мы провели анализ и определили коэффициенты ранговой корреляции контекстов с сильно выраженным фактором синтаксического отношения независимо от его типа (табл.5 и 5а). С той же вероятностью 95% мы установили, что функциональными являются 62% зависимостей (34 коэффициента корреляции из 55 превышают 0.1). Контексты, выбранные для анализа из 9 возможных коррелируют с 4 (конт.-24), 5 (контексты 1, 21, 25), 6 (контекст 17), 7 (контексты 3 и 6) и 8 (контексты 9, 16 и 19) контекстами. Наибольшими коэффициентами являются 0.3528 (3-9) и 0.3455 (9-16); наименьшим - 0.1050 (19-25).

Кроме того, из названной таблицы видно, что не коррелирующий внутри группы контекст 24 имеет связи с контекстами других групп, хотя коэффициент корреляции невысок. Это, на наш взгляд, позволяет утверждать наличие функциональной взаимозависимости вариантов заполнения лакун в экспериментальных контекстах.

Табл 5. Значения коэффициентов ранговой корреляции для ЛДР
с выраженным фактором контекстуального отношения.

	K1	K3	K6	K9	K16	K17	K19	K21	K24	K25
K1	1 1	0.2372 0.0096	0.0117 0.9349	0.338 0.018	0.1702 0.0086	0.0212 0.8818	0.2389 0.0095	0.0622 0.6632	0.0513 0.7194	0.1114 0.0041
K3	0.2372 0.0096	1 1	0.1898 0.0084	0.3691 0.0098	0.3403 0.0172	0.1912 0.0207	0.2202 0.0094	0.1071 0.0066	0.0577 0.6862	0.2666 0.0064
K6	0.0117 0.9349	0.1898 0.0084	1 1	0.214 0.0086	0.1533 0.0085	0.1248 0.0093	0.182 0.0073	0.1874 0.0096	0.0493 0.0302	0.0875 0.5444
K9	0.338 0.018	0.3691 0.0098	0.214 0.0086	1 1	0.3668 0.0102	0.1522 0.0068	0.2576 0.0093	0.2175 0.0079	0.2454 0.0097	-0.0479 0.7399
K16	0.1702 0.0086	0.3403 0.0172	0.1533 0.0085	0.3668 0.0102	1 1	0.2919 0.041	-0.0017 0.9907	0.1942 0.0041	0.1605 0.0064	-0.253 0.0096
K17	0.0212 0.8818	0.1912 0.0207	0.1248 0.0093	0.1522 0.0068	0.2919 0.041	1 1	0.2836 0.0471	-0.0133 0.9257	-0.0738 0.6056	0.2571 0.0078
K19	0.2389 0.0095	0.2202 0.0094	0.182 0.0073	0.2576 0.0093	-0.0017 0.9907	0.2836 0.0471	1 1	0.1654 0.0071	0.1473 0.0095	0.105 0.0067
K21	0.0622 0.6632	0.1071 0.0066	0.1874 0.0096	0.2175 0.0079	0.1942 0.0041	-0.0133 0.9257	0.1654 0.0071	1 1	0.0321 0.8221	0.2775 0.0145
K24	0.0513 0.7194	0.0577 0.6862	0.0493 0.0302	0.2454 0.0097	0.1605 0.0064	-0.0738 0.6056	-0.1473 0.0095	0.0321 0.8221	1 1	-0.0033 0.9817
K25	0.1114	0.2666	0.0875	-0.0479	0.253	0.2571	0.105	0.2775	-0.0033	1

	0.0041	0.0064	0.5444	0.7399	0.0096	0.0078	0.0067	0.0145	0.9817	1
--	--------	--------	--------	--------	--------	--------	--------	--------	--------	---

Таким образом, на основе корреляционного анализа результатов контекстного ассоциативного эксперимента мы можем считать доказанным существование в качестве психолингвистической реальности по крайней мере двух противоположных функциональных моделей организации лексического взаимодействия предложения и текста: семантической и формально-семантической. А отсюда, учитывая частотность проявления этих моделей в речевой деятельности, можно сделать вывод о принадлежности их системе языка.

В целом статистический анализ результатов двух проведенных экспериментов, на наш взгляд, доказывает регулярность воспроизведения в речи основных типов формально-семантического взаимодействия единиц, а следовательно, и их функционирование как устойчивых языковых элементов. Кроме того, анализ показывает, что выделенные нами 4 типа ФСВ в разной степени актуальны для носителей языка. С одной стороны, количество неизмененных в ходе I этапа эксперимента тавтологических контекстов позволяет заключить, что около 20% испытуемых индифферентны к формальной стороне языка и текста, и наоборот, 80% учитывают этот аспект и организуют речевую деятельность в зависимости от положительной или отрицательной оценки функционирования ФСС. С другой стороны, стабильная абсолютная величина коэффициентов корреляции для контекстов разных групп свидетельствует о том, что около 20% испытуемых используют в речи только лексические ряды с отрицательной формальной детерминацией и еще примерно 20% постоянно порождают семантико-синтаксические и эпидигматические ЛДР.

Тот факт, что результаты эксперимента позволяют говорить о наличии у субъекта речи определенной доминантной модели организации ФСС, более значим для психолингвистики и теории идиостиля, тем не менее он доказывает и объективность выделения типов формально-семантического взаимодействия единиц текстов как явления языка.

2.3.2. Анализ условий актуализации детерминированности формально-семантических связей по результатам контекстного ассоциативного эксперимента

Одной из задач эксперимента было выявление деривационных признаков типов ФСВ. Поскольку признак формальной детерминированности лексических единиц в ходе их деривационного функционирования был обоснован нами теоретически, рассмотрим, подтверждается ли гипотеза экспериментальными данными.

Сравнивая процентное соотношение формально-семантических реакций и общего их числа для каждого контекста в группах мы установили, что наибольшее количество ФС ассоциаций дают контексты третьей группы (не меньше 20%). Наименьшее (0-1%) - контексты с градацией, среди которых только контекст 12 достаточно сильно актуализирует ФС связи, поскольку отношениями градации связаны не лексемы, как в остальных, а синтаксически развернутые конструкции.

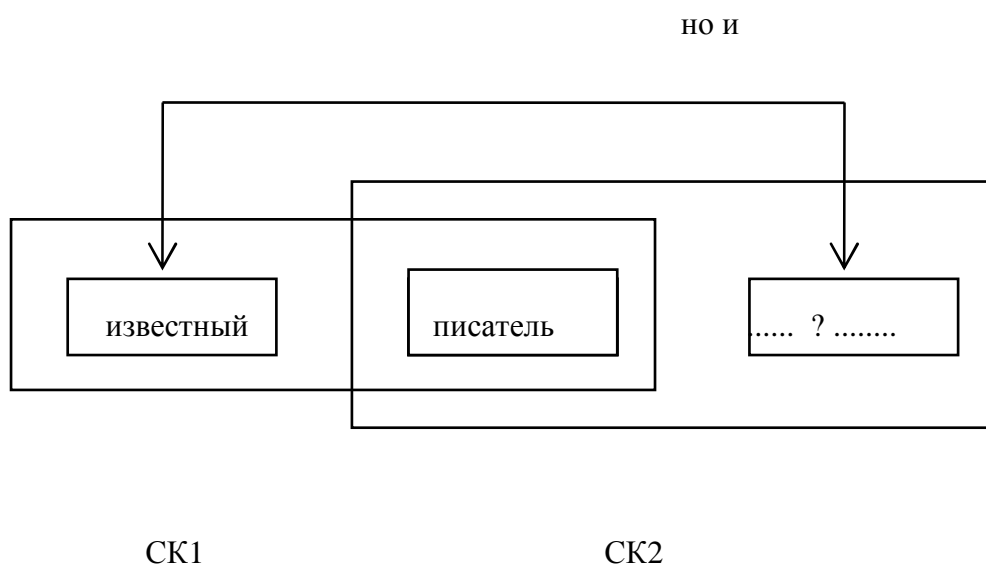
Несомненно на степень актуализации ФС взаимодействия внутри контекста влияет выраженность синтаксических отношений, формальная или пресуппозитивная. Так из девяти контекстов первой группы больший процент ФС ассоциаций имеют контексты 1, 3 (сильный контекстуальный фактор отношения и наличие квалификатора отношения) и 5, 9 (пресуппозитивный фактор). Из контекстов третьей группы больший процент ФС ассоциаций имеют контексты 16, 19 и 21, в которых также силен пресуппозитивный фактор.

Анализ результатов первого этапа эксперимента показал, что положительная или отрицательная оценка ФСС главным образом связана с типом семантико-синтаксических отношений между воплощенными в контексте денотативными ситуациями и со степенью выра-

женности этих отношений. Статистический анализ данных контекстного ассоциативного эксперимента подтверждает эту мысль.

Однако анализ результатов ассоциативного эксперимента показывает, что реакции испытуемых зависят еще и от типа денотативных ситуаций и деривационных процессов внутри контекста. Основными типами синтаксической деривации являются контаминация, компрессия и конверсия. Контаминация занимает центральное место среди названных типов и может быть перекрестной и параллельной.

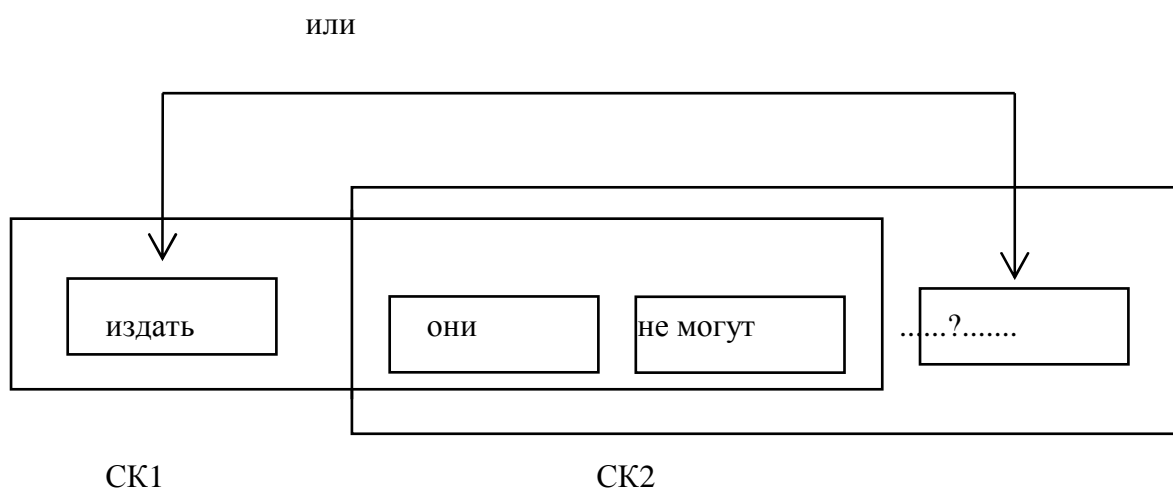
Рассмотрим, например, контекст 1. Его фрагмент, содержащий лауну, образуется путем перекрестной контаминации и синтагматической компрессии двух синтаксических конструкций (СК1 и СК2), обозначающих две денотативные ситуации, различающиеся только характеристикой объекта. Установленные между данными ситуациями и предложениями противительные отношения (квалификатор отношения и оператор деривации - союз но и) устанавливаются по сути между двумя определениями:

Пропуск определения в данном контексте практически не разрушает денотативную ситуацию. Результатом этого является то, что большинство испытуемых, заполняя пробел, используют прилагательные с отрицательной семантикой. Это объясняет и высокий процент

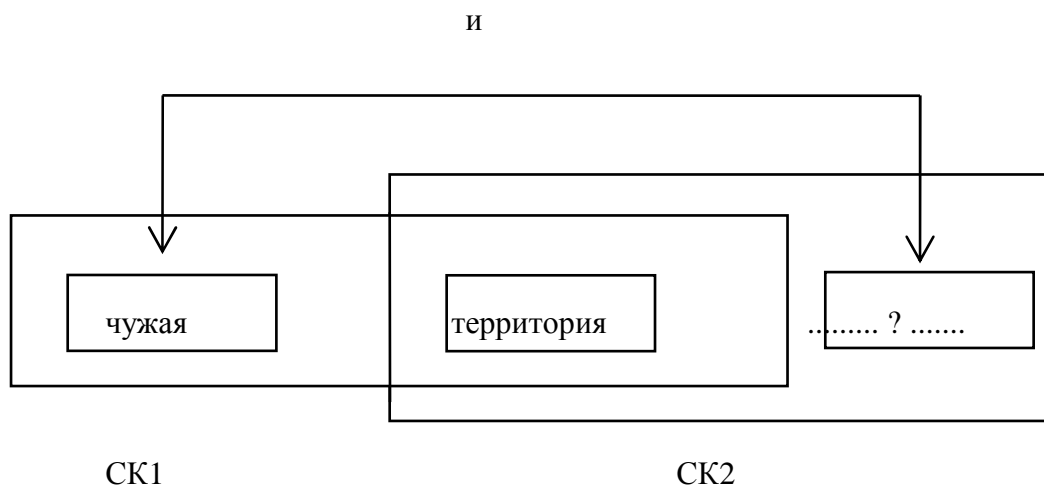
формально-семантических ассоциаций ("неизвестный" - антоним к опорному компоненту контекста).

Сходный с контекстом 1 результат контаминации и синтагматической компрессии двух синтаксических конструкций, но с альтернативными отношениями между ними, представляет собой контекст 27:

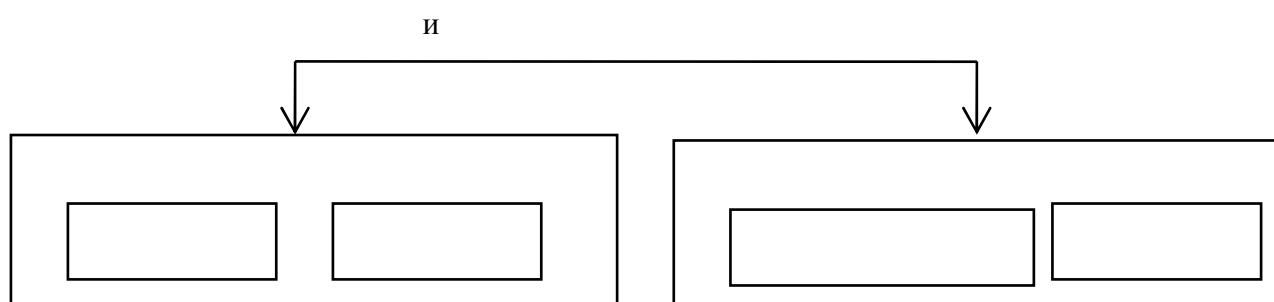
Однако альтернативные отношения в данном случае устанавливаются между частями предикатной группы, поэтому пропуск лексемы в этом контексте разрушает денотативную ситуацию в гораздо большей степени. Поэтому испытуемые, восстанавливая предикатную группу в целом, ориентируются прежде всего на семантику контекста. И все-таки полученное в ходе эксперимента количество ФС ассоциаций, на наш взгляд, не соответствует типу контекста. Количество отказов (17.2%) и ассоциаций, названных нами семантическими, но по сути являющихся асемантическими (реакции типа "опубликовать", "выпустить", "напечатать", дублируя семантику предыдущего глагола разрушают смысл всего предложения), заставляет нас говорить о слабости пресуппозиции, а не об "ущербности" контекста в формально-семантическом плане.

Контекст 10 также обладает сходной деривационной структурой, но реализует отношения градации:

В данном случае союз является оператором деривации, но не квалификатором семантико-синтаксических отношений. Отношения градации и ФС-взаимодействие лексем в исходном контексте формирует эпидигматический ЛДР, они воспринимаются реципиентом и оцениваются положительно (что подтвердили результаты эксперимента I), но не восстанавливаются на основе контекста.

Контекст 12, один из контекстов, реализующих отношения градации, актуализирует ФС взаимодействие на уровне лексики. Он создается путем параллельной контаминации двух синтаксических конструкций:

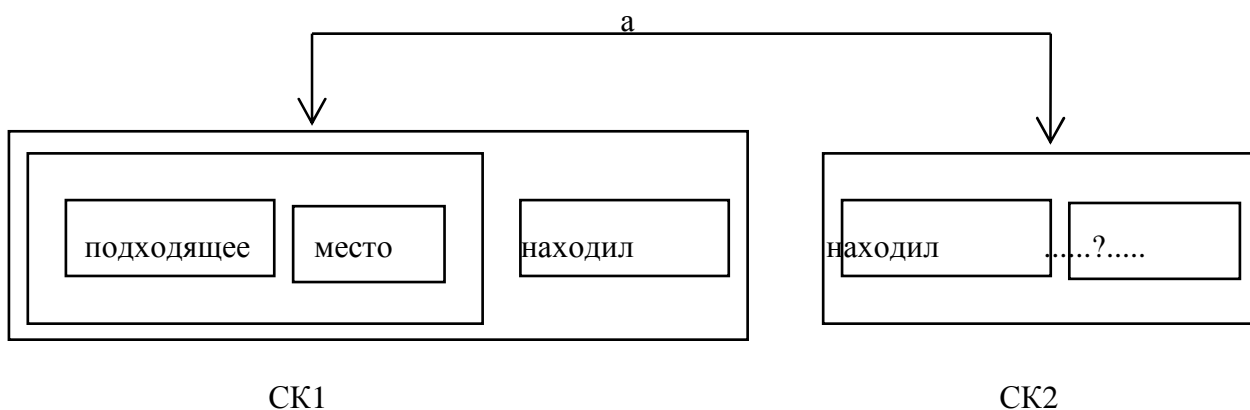
нетерпимый есть не собираюсь быть ?.....

СК1

СК2

Оператор деривации - союз и - как и в предыдущем примере, не является квалификатором семантико-синтаксических отношений. Большое количество ФС ассоциаций обусловлено, на наш взгляд, сильной пресуппозицией и сильным контекстуальным фактором отношения: сама синтаксическая конструкция является стереотипной для выражения восходящей модусной градации.

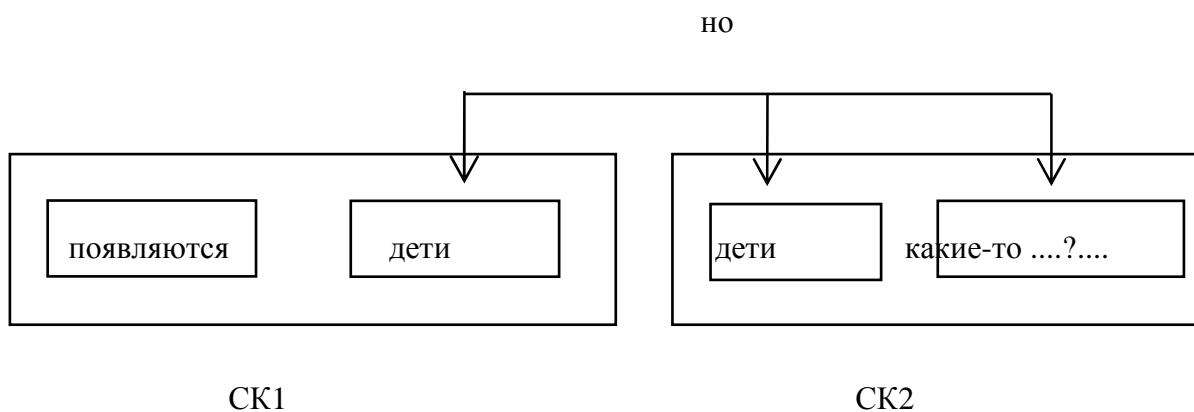
Достаточно высокий процент ФС ассоциаций (46.2%) дает контекст 3, реализующий противительные отношения, фрагмент которого, содержащий лауну, параллельно контаминирует с предыдущей синтаксической конструкцией:

Несмотря на различие типов контаминации (перекрестная и параллельная), этот контекст сходен с контекстом 1: в том и в другом синтаксические конструкции различаются семантикой только одной синтаксической позиции (в данном случае объекта). Однако в контексте 3 объект в СК1 представлен расчлененно, а в СК2 - нет (в исходном контексте это парадигматически компрессированное прилагательное). Это создает определенные трудности для испытуемых, многие из которых, заполняя позицию объекта, используют стандартную

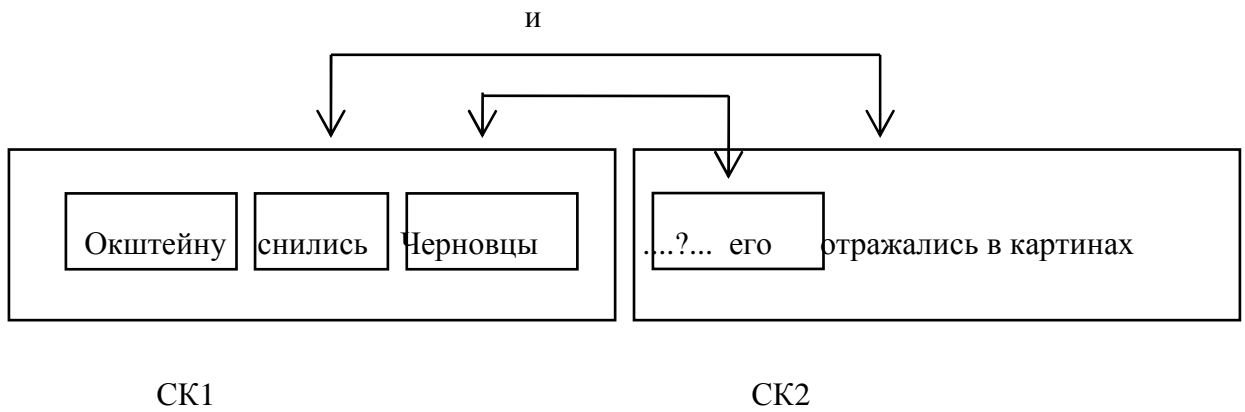
для выражения этого синтаксического значения часть речи - существительное, тем самым разрушая семантику контекста.

Контекст 8 отличается от третьего тем, что параллельной контаминации подвергаются разноструктурные синтаксические единицы, объединяемые компонентом "дети". За счет этого противительные отношения между синтаксическими конструкциями становятся отношениями внутри СК2:

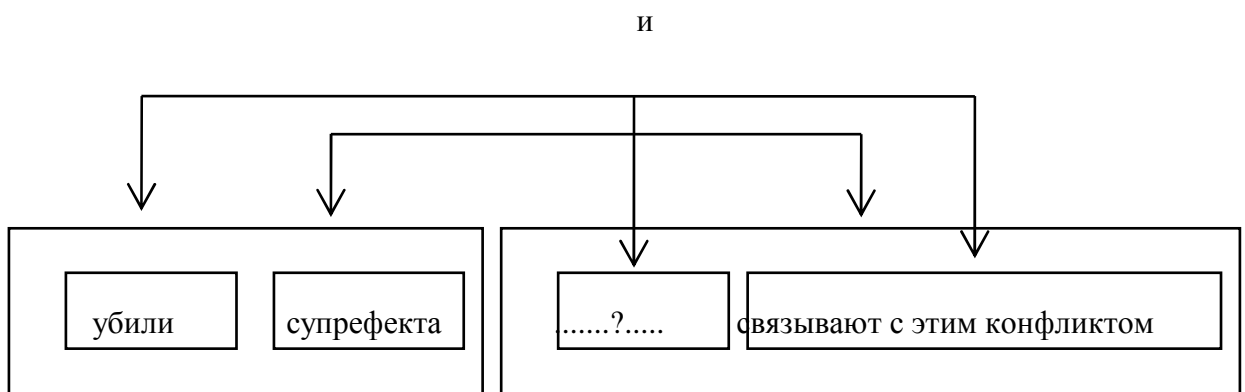
Кроме того, особенностью контекста является его заданная оценочность, поддержанная местоимением "какие-то". Результаты эксперимента показали, что большинство испытуемых понимают особенности семантико-синтаксических отношений в этом контексте и оценивают существительное "дети" как положительно окрашенное, поэтому, заполняя пропуск, используют прилагательные с отрицательной семантикой. Заданная контекстом оценочность объясняет и отсутствие ФС-реакций, поскольку исходное "недетский" не несет оценки в системе языка и не может быть воспроизведено испытуемыми (в эксперименте I предложение исправили 79% опрошенных), оно же, точнее его устойчивая семантика, препятствует образованию подобного прилагательного как казуального оценочного неологизма.

Только путем параллельной контаминации создаются контексты, реализующие отношения пояснения и конкретизации, например контекст 16:

В данном случае мы имеем классический пример контаминации, когда предыдущая синтаксическая конструкция занимает позицию объекта-подлежащего в последующей. Установить отношения между СК1 и СК2 и между СК1 и парадигматически компрессированной ее формой в СК2 испытуемым тем легче, что объект в СК2 представлен в расчлененном виде: местоимение соотносится с субъектом-дополнением СК1, соответственно, пропущенный член должен соотноситься с предикативной основой. Легкость установления отношений определяет высокий процент (72.6%) ФС-ассоциаций в ходе эксперимента.

Противоположный процесс мы наблюдаем в контексте 17, тип деривации которого идентичен предыдущему контексту:

СК1

СК2

Разница состоит в том, что объект в СК2, соответствующий СК1, представлен нерасчлененно. Кроме того, установление синтаксических отношений затрудняет присутствие в СК2 местоименно осложненного объекта "с этим конфликтом". Это объясняет небольшой для данной группы контекстов процент ФС ассоциаций (23.1%) и появление семантических реакций типа "меня", "неприятности", "беспорядки" и тому подобных.

Таким образом, анализируя по результатам контекстного ассоциативного эксперимента условия детерминированного деривационного функционирования лексических единиц в различных контекстах, можно сделать два основных вывода.

Во-первых, эксперимент подтвердил гипотезу о том, что детерминированность формы и значения слова в тексте зависит от типа семантико-синтаксических отношений его частей и степени их выраженности.

Во-вторых, актуализация ФС уровня текста зависит от особенностей протекания в нем деривационных процессов: контекст тем сильнее в ФС-плане, чем больше накладываются друг на друга семантические конструкции при перекрестной контаминации и чем более расчленено базовое предложение в составе результирующего при параллельной контаминации.

2.3.3. Выявление основных деривационных признаков типов формально-семантического взаимодействия по результатам анализа эксперимента

Одной из целей проведенного эксперимента было проверить наличие у различных типов ФСВ выделенных нами признаков: детерминированности, функциональности формы, прагматичности, экспрессивности, предсказуемости и вариативности.

Обоснование положительной детерминированности формы семантико-синтаксического и эпидигматического ЛДР, реализующих те или иные синтаксические отношения, подтвердилось в ходе анализа механизма актуализации ФСС по данным контекстного ассоциативного эксперимента. Если же синтаксические отношения у взаимодействующих единиц нарушены или отсутствуют (тавтологические лексические ряды) детерминированность отрицательна.

Рассматривая различные контексты с ЛДР, нельзя не обратить внимание на то, что члены ряда по-разному участвуют в формировании разных синтаксических отношений. Например, реализуя альтернативные отношения, члены ряда выполняют только номинативную функцию, тогда как при отношениях градации не столько номинативную, сколько эпидигматическую и экспрессивную. Поэтому, ставя своей задачей анализ типов ФСВ, мы неизбежно должны решать вопрос о соотношении в данном речевом явлении нормы и ненормы. Это объясняется именно тем, что различные типы ФСВ по-разному, с одной стороны, в рамках языковой нормы имплицитно развивают тему, создают ощущение единства текста и его структурированности по принципам "тема-рема", "данное-новое" или выделяют опорные точки темы, помогая удержать ее в памяти, а с другой стороны, актуализируя формальное взаимодействие лексем, способствуют усилению эмоциональности текста, прагматически акцентируют внимание на определенном содержании и т.д., то есть выступают как речевой прием и принадлежат ненорме, или, по выражению Л.Н.Мурзина, антинорме [126]. Названные различия обусловлены наличием или отсутствием у каждого типа ФСВ такого признака, как **функциональность формы** взаимодействующих единиц.

Говоря о функциональности формы лексических единиц, мы имеем в виду следующее определение термина "функция", данное О.С.Ахмановой: функция - "характер воспроизведения в речи данной языковой единицы, ее актуализация или транспозиция в контекст конкретного речевого акта" [16, с.506]. Таким образом, **функциональность формы лексических единиц есть ее участие в процессе текстопорождения.**

Качество признака "функциональность формы", положительное или отрицательное, выявляется на I этапе эксперимента, в ходе которого испытуемые получают прагматическую установку на актуализацию ФСС. Тем не менее, количественные результаты изменений для разных типов ФСВ не одинаковы. Большое количество изменений эпидигматических ЛДР, максимальное - тавтологий и очень небольшой процент изменений семантико-синтаксических ЛДР свидетельствуют о разнице в самой фиксации испытуемыми различных формальных связей, что и объясняется положительной (эпидигматический ЛДР и тавтология) или отрицательной функциональностью формы. Для лексико-семантического ФСВ функциональность формы будет отрицательной в силу отсутствия формального взаимодействия: при отсутствии у единиц текста взаимозависимости формы не приходится говорить и об ее актуализации.

Различия двух типов ЛДР обуславливается различием признака функциональности их формы, который отрицателен у семантико-синтаксических ЛДР и положителен у эпидигматических.

Порождение тавтологических ошибок связано с прямой ориентацией на смысл, как единственной суппозицией для построения (выбора) формы слова и одновременно с ослаблением говорящим контроля за процессом речепорождения (возможность подобного ослабления уже стала доказанным фактом [181; 186]). Обнаружение же ошибки связано именно с актуализацией формы лексических единиц в сознании воспринимающего, так как при восприятии речи роль внутренней формы слова оказывается более существенной, чем при ее

порождении [186]. Таким образом, тавтологию необходимо определить как функциональность формы лексических единиц вне текстовой детерминации.

Помимо названных выше детерминированности и функциональности формально-семантические связи лексических единиц могут быть характеризованы с точки зрения их **прагматичности**. В случае реализации лексико-семантического ФСВ, как мы уже замечали, автор жестко контролирует ту языковую форму, в которой протекает его речевая деятельность, устраняя любое формальное дублирование. Таким образом, необходимо говорить о прагматичности названного типа ФСВ. В случае семантико-синтаксического ЛДР члены ряда объединяются тематически на основе детерминированной семантики, а значит, тоже характеризуются прагматичностью формы. Члены эпидигматического ЛДР жестко детерминированы по семантике и по форме, обладают функциональностью формы, соответственно, являются прагматичными. В тавтологических контекстах, т.е. при нарушении контроля за формой речевой деятельности, лексические единицы прагматичностью не характеризуются.

Еще одним аспектом характеристики формально-семантического взаимодействия текстовых единиц является его функционирование как средства эмоционального воздействия, обуславливающего **экспрессивность** текста. Рассмотрение поля ФСС с этой точки зрения возможно, поскольку "всякая ненормативность в плане выражения и в плане содержания текста становится источником эмоционального воздействия для адресата и наблюдателя того социального поля, в котором эти ненормативности социально значимы, нарушают благополучие индивидов в бытовом плане, а также в моральном, политическом, экономическом, религиозном, эстетическом и т.д. отношениях." [25, с.7], а определенное формально-семантическое взаимодействие единиц и формирует ненормативность плана выражения текста. Несомненно, это касается только эпидигматического ЛДР и тавтологии; в текстах с лексико-семантическим типом ФСВ отрицательные ФСС не могут быть источником эмоционального воздействия, а семантико-синтаксический ЛДР не является нарушением нормы, о

чем свидетельствует, например, частотность этого явления. Эпидигматический ЛДР формирует положительные эстетические эмоции, задает направление ассоциаций, т.е. является экспрессивным. Тавтология для воспринимающего становится источником отрицательного эмоционального воздействия, экспрессии не содержит.

Кроме того, поскольку типы ФСВ могут трактоваться (и трактуются статической лингвистикой) как явления стилистические, они должны быть рассмотрены с точки зрения вариативности и предсказуемости формы единиц.

Возможность оценить **вариативность** единиц дают результаты 1 этапа эксперимента: она положительная для эпидигматического ЛДР и тавтологии и в целом отрицательная для семантико-синтаксического ЛДР. Оценивая вариативность лексико-семантического ФСВ, нужно принять во внимание обратный результат: всякий эпидигматический ЛДР, тавтология и даже семантико-синтаксический ЛДР может иметь "синоним", выраженный лексико-семантическим типом ФСВ, следовательно, велика вероятность и обратного результата. Это дает возможность оценить вариативность лексико-семантического ФСВ как положительную. Однако, повторим, эти результаты усреднены, признак вариативности не может быть характеризован как абсолютный для всех типов ФСВ кроме тавтологии.

Положительная вариативность связана с положительной прагматичностью типов ФСВ: если возможны варианты, выбор одного из них зависит от особенностей речевой деятельности субъекта, условий и целей коммуникации. Это, однако, не относится к тавтологии. Вариативность данного типа ФСВ положительна, но вариант существует только для воспринимающего.

Не является абсолютным и **признак предсказуемости**, он тоже оценен нами по среднему результату. Данные контекстного ассоциативного эксперимента показали высокую степень предсказуемости семантико-синтаксического ЛДР (высокий процент формально-семантических ассоциаций) и, соответственно, лексико-семантического ФСВ; для этих типов

предсказуемость оценивается нами положительно. Отрицательна предсказуемость у эпидигматического ЛДР и тавтологии.

Если с вариативностью типа ФСВ связан признак его прагматичности, то с прагматичностью и предсказуемостью - признак экспрессивности. Предсказуемые типы ФСВ не обладают экспрессивностью формы, поскольку не содержат необходимый элемент неожиданности. И наоборот, эпидигматический ЛДР в силу непредсказуемой актуализации ФСС ярко экспрессивен. Это опять-таки не относится к тавтологии, поскольку этот тип ФСВ не прагматичен.

Таким образом, мы выделили для каждого типа ФСВ ряд классификационных признаков: детерминированность, функциональность формы, прагматичность, экспрессивность, вариативность и предсказуемость. Детерминированность как основной дифференциальный признак функционального типа ФСВ, положительный для семантико-синтаксического и эпидигматического ЛДР и отрицательный для лексико-семантического ФСВ и тавтологии, может быть обоснована теоретически. Наличие же у типов ФСВ остальных признаков доказывается экспериментально.

Наличие у определенных типов ФСВ соответствующих деривационных признаков может быть представлено в виде таблицы (табл.6):

Таблица 6. **Выраженность деривационных признаков формы для типов ФСВ.**

Речевое явление	Деривационный признак формы					
	детерм.	функ.	прагм.	экспр.	предск.	вариат.
лекс.-сем. ряд	–	–	+	–	+	+

сем.-синт.ЛДР	+	-	-	-	+	-
эпидигм. ЛДР	+	+	+	+	-	+
тавтологич. ряд	-	+	-	-	-	+

Однако анализ показывает, что абсолютными признаками типа ФСВ могут считаться только детерминированность и функциональность формы, остальные признаки непостоянны, проявляются в разной степени, и не могут рассматриваться как дифференциальные.

Кроме того, для выделения основных типов названных связей и, соответственно, классификации речевых явлений достаточны только две основные характеристики, так как с точки зрения математической статистики каждый признак имеет два возможных состояния, так что N признаков могут иметь 2^N состояний, а в нашем случае $N=2$, совокупность же двух признаков как раз и позволяет различать 4 типа ФСС. Таким образом, таблица основных дифференциальных признаков типов ФСВ должна быть представлена в следующем виде (табл. 7):

Таблица 7. **Дифференциальные признаки типов ФСВ.**

Речевое явление	Деривационный признак формы	
	детерминированность	функциональность
лексико-семант. ряд	-	-
семант.-синтаксич. ЛДР	+	-
эпидигматический ЛДР	+	+
тавтологический ряд	-	+

Рассматривая типы ФСВ в аспекте выраженности дифференциальных признаков, заметим, что классификация явлений по их детерминированности и функциональности их формы дает возможность четко разграничить норму и антинорму, прием и ошибку.

Несомненно, что лексико-семантическое ФСВ и семантико-синтаксический ЛДР представляют собой языковую норму, а эпидигматический ЛДР и тавтология принадлежат антинорме. Из приведенной таблицы видно, что нормативность или ненормативность процесса порождения текста связана именно с актуализацией в нем формально-семантических суппозиций, которые в существенной мере опосредуют суппозиции содержательные. Функциональность формы дает возможность сопоставления эпидигматического ЛДР, прагматического речевого приема, и тавтологии, непроизвольной ошибки говорящего. Разница между ними, состоящая в детерминированности или недетерминированности формы лексических единиц, может быть объективизирована, исследование ее должно отталкиваться от изучения языковых (для письменного текста) способов активизации внутритекстовых механизмов детерминации.

2.4. Выводы

1. В процессе речевой деятельности текст как "вербальное сообщение, имеющее прагматическую установку" [2, с.8] стремится к законченности и реализует свой порождающий потенциал. Он является категориальной базой для реализации ФС-взаимодействия своих единиц.

2. Пресуппозиция как семантическая единица, "нацеленная не на выяснение истинности или ложности суждения, а на раскрытие основного смысла ... высказывания" [88, с.79], может определять направление действия этого порождающего потенциала текста, актуализируя или подавляя его формально-семантический уровень.

3. Детерминированность формально-семантического уровня текста зависит от особенностей протекания в нем деривационных процессов и от типа семантико-синтаксических отношений его частей и степени их выраженности.

4. Основными типами ФСВ являются следующие: семантико-синтаксический ЛДР, эпидигматический ЛДР, лексико-семантический ряд и лексический тавтологический ряд; основными дифференциальными признаками типов ФСВ являются детерминированность и функциональность формы единиц.

5.. Типы ФСВ функционируют как единицы текстового уровня системы языка, характеризуются регулярностью и воспроизводимостью, включают словоформы в качестве структурных единиц и реализуют определенные семантико-синтаксические отношения (положительные или отрицательные, в случае их нарушения).

ГЛАВА 3. СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ ЛЕКСИКО-ДЕРИВАЦИОННЫХ РЯДОВ

Глава посвящена анализу лексико-derivационных рядов как функционирующих в тексте самостоятельных семантических комплексов, характеризующихся структурной оформленностью и смысловой цельностью. В главе описываются структурная и функциональная классификации ЛДР, исследуются процессы создания семантики целого ряда.

3.1. Общая характеристика лексико-derivационных рядов

Ограничение объема анализируемых фактов derivационного функционирования слова в тексте рамками детерминированных типов ФСВ единиц определяется тем, что возникающие в процессе формирования ЛДР формально-семантические связи являются системными, кроме того, основные типы ЛДР (семантико-синтаксический и эпидигматический) реализуют две основные речевые стратегии (норма-антинорма).

Еще раз подчеркнем, что ЛДР есть выделяемая в микроконтексте группа лексических единиц, имеющих в системе языка или приобретающих в конкретных текстовых условиях формально-семантическую близость и находящихся друг с другом в отношениях детерминации. Понятие лексико-derivационного ряда формируется при рассмотрении проблемы формально-семантического взаимодействия единиц текста в аспекте линейного развертывания этого текста, его derivации. С этой точки зрения ЛДР представляет собой такой текстовый комплекс, в котором каждая последующая единица, будучи детерминирована предыдущей, содержит в себе элемент формального или семантического развития. По отношению к ЛДР

общая формула деривации может быть верна в следующей форме: $D+d=D1$. Выражение детерминанта и детермината ряда через одинаковые символы позволяет подчеркнуть формальную преемственность членов ряда, а через d обозначен тот элемент смысловой новизны, который выявляется через соотношение единиц.

Кроме того, ЛДР, как и текст в целом, выступает в качестве целого по отношению к своим отдельным членам, а значит, реализует систему связей между ними. Поэтому важной характеристикой ЛДР является иной набор возможностей по сравнению с лексической единицей текста. Это касается прежде всего формирования семантики целого ряда, которая не может быть сведена к сумме смыслов отдельных его членов, хотя можно предположить, что данное семантическое развитие представляется не как качественный переход от одного состояния к другому, а как изменение в рамках некоторых заданных отношений. Обнаруживая внутри ЛДР кроме временного следования языковых единиц (с точки зрения развертывания текста) элемент развития формы и (или) содержания каждой единицы по сравнению с предыдущей, а также возможность формирования качественно новой семантики целого ряда, мы можем распространить на данный текстовый процесс общефилософскую оценку смысла нового. Проблема нового в философии выступает в нескольких аспектах. Во-первых, это ответ на вопрос о смысле причинно-следственных отношений явлений; во-вторых, выяснение неизбежности появления нового явления и направленности изменений; в третьих, проблема нового - это закономерности его возникновения.

Учитывая сказанное, для доказательства структурно-семантической оформленности ЛДР как устойчивых языковых элементов необходимо систематизировать все ряды по их структуре, в зависимости от особенностей линейного развертывания ряда, от "пространственного" соотношения его первого члена, детерминанта (D), и последующих (последующего), детерминатов (Dn). Кроме того, ЛДР должны быть охарактеризованы с точки зрения протекания деривационно-детерминационного процесса, в зависимости от его источника,

направленности и закономерностей протекания формально-семантического взаимодействия внутри ряда. Одновременно должны быть выяснены особенности развития семантики ряда в процессе его линейного развертывания.

Для достоверности результатов системного описания лексико-derivационных механизмов русского текста в качестве материала исследования использовались только контексты, содержащие семантико-синтаксические и эпидигматические ЛДР, полученные путем сплошной выборки из "Литературной газеты" (NN 20, 21, 22, 24, 26 за 1994 г.).

3.2. Структурная типология лексико-derivационных рядов

Начальным этапом исследования ЛДР в качестве самостоятельной единицы текстового уровня языка должно стать изучение форм проявления детерминированного формально-семантического взаимодействия, а именно, анализ линейного соотношения членов ряда в зависимости от выбранной начальной точки синтаксической и лексической деривации и направления процесса формально-семантической детерминации.

С точки зрения линейного развертывания текста и лексико-derivационного ряда необходимо прежде всего выделить две модели организации последнего: **цепочечную** и **радикальную**. Те же модели адекватны для словообразовательного или лексического гнезда, но связь словоформ в пределах лексико-derivационного ряда не словообразовательная, не парадигматическая, но детерминационная.

Цепочечная связь осуществляется по схеме $D \rightarrow D_1 \rightarrow \dots \rightarrow D_n$ и реализуется, во-первых, в любом двучленном ЛДР, например: "Если мышление всегда **диалогично** (D), то в таком перечне происходит **диалог** (D1) с эхом." Детерминационная связь $D \rightarrow D_1$, одномоментная и

однонаправленная, обеспечивает продление основной семы детерминанта в детерминате. Поскольку ряд объединяет лишь две словоформы, то иерархичность ряда абсолютна.

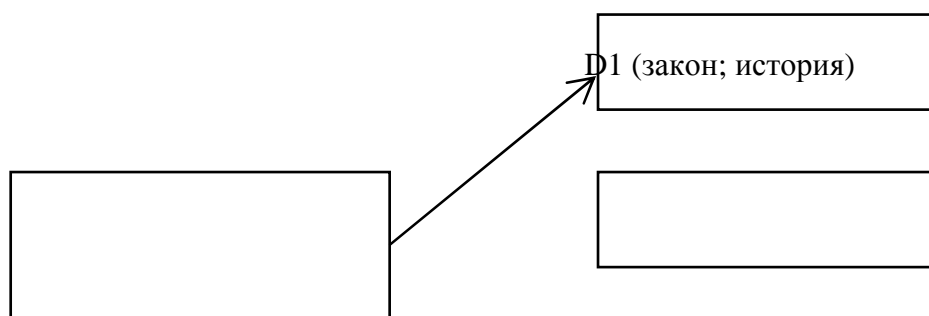
На основе цепочечной связи формируются и многочленные ЛДР: *"Я сам устанавливаю лампы, чтобы осветить (D) лицо. Это своего рода просвечивание (D1) рентгеновскими лучами, позволяющее разглядеть такое, чего при другом освещении (D2) не выявишь."* :

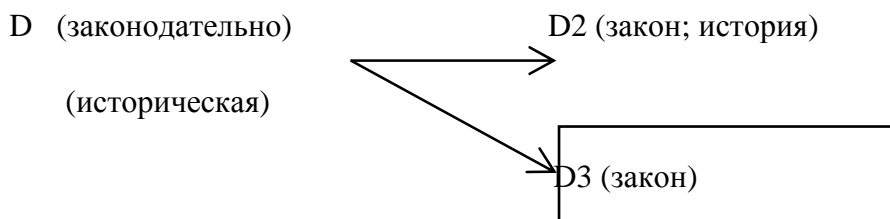

В данном случае связь D-->D1-->D2 вновь однонаправлена, однако, в отличие от дву-члена, она более сложна: D является детерминантом всего ряда, но одновременно D1, однозначно детерминированный D, и сам приобретает функции детерминанта по отношению к D2 и так далее.

Радиальная связь отличается от цепочечной своей разнонаправленностью, встречается реже и реализуется только в многочленных ЛДР, формирующихся на основе семантико-синтаксических отношений пояснения и конкретизации: *"Эту борьбу нужно оформить законодательно (D). Жизненно необходимы... закон (D1) о защите свидетелей..., закон (D2) о коррупции ..., закон (D3) о судьях..."; "Книгу поэта можно назвать исторической (D). Потому что в ней история (D1) его жизни переплетается с историей (D2) жизни страны."*

Схема детерминационной связи в подобных ЛДР следующая:

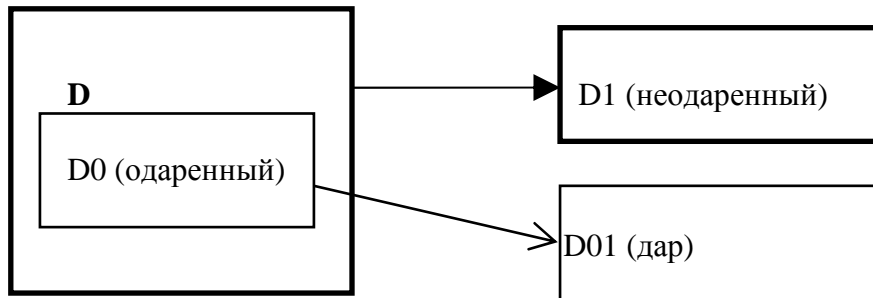

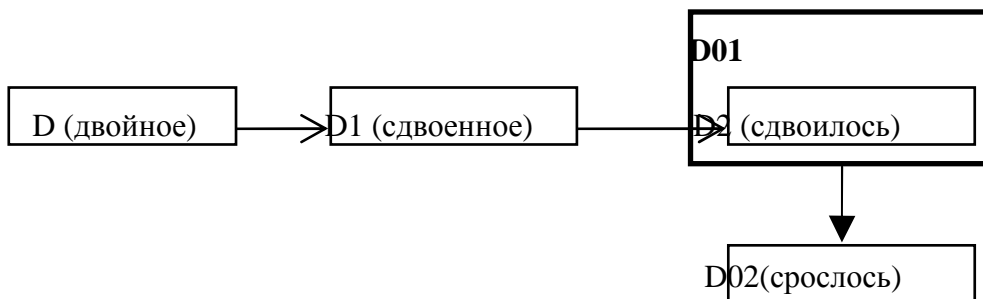
Радиальный тип детерминационной связи, так же, как и радиальная словообразовательная связь, характеризуется тем, что "они (словоформы) соответствуют одному и тому же смысловому расстоянию от исходной единицы, но между собой сравнительно не связаны." [97, с.520]. Образование ряда происходит путем установления нескольких связей детерминанта, постоянного компонента ряда, и его переменных компонентов - детерминатов, связи между которыми либо очень слабы (как в ЛДР "*историческая-история 1- история 2*"), либо отсутствуют вовсе (ЛДР "*законодательно- закон-...*"). Слабость связи проявляется в том, что порядок переменных компонентов ряда не фиксирован, он всегда может быть изменен, а в случае отсутствия связи один из компонентов может быть опущен без изменения смысла ряда в целом. Особенностью ЛДР с радиальной связью, объясняющей их невысокую частотность, является дублирование семантико-синтаксических отношений в каждой паре D-Dn, тогда как при цепочечной связи отношения могут меняться от детерминанта к детерминату. Это же объясняет тот факт, что в качестве детерминатов в радиальных ЛДР выступают словоформы одной лексемы, различающиеся референционным компонентом значения.

Если же дублирования отношений не наблюдается, а в детерминаты - разные лексемы, то необходимо говорить не о радиальном ряде, но о двух различных **перекрещивающихся** ЛДР: "*Отчего жалок человек **одаренный** (D) (о **неодаренных** (D1), которых, конечно, больше, не говорю), судорожно обгоняющий свой отсталый **дар** (D01)?*". Прилагательное "*одаренный*" выступает в этом контексте как детерминант двух ЛДР - ряда "*одаренный - неодаренный*", реализующего противительные отношения, и ряда "*одаренный - дар*", в основе ко-

торого отношения обусловленности. В результате перекрещивания рядов возникает вторичная детерминационная связь между двумя детерминатами:

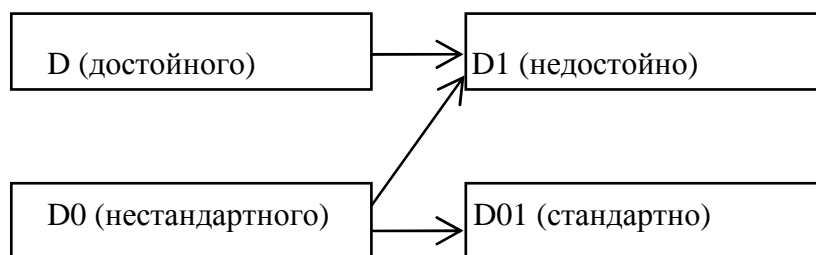

Вообще **перекрестные** ЛДР, наряду с цепочечными и радиальными, являются еще одной моделью организации детерминированного формально-семантического взаимодействия. Установление добавочной детерминационной связи наблюдается в любом перекрестном ЛДР, но качество этой связи может быть различным. *"Герои ведут двойное (D) существование, а правильнее сказать, сдвоенное (D1) и оттого мучительное... Ведь то, что сдвоилось (D01), срслось (D02), того не расцепить..."* В этом контексте приставка с- в составе D1 ряда "двойное - сдвоенное - сдвоилось" становится детерминантом ряда "сдвоенное - сдвоилось - срслось", таким образом, словоформа "сдвоилось" является детерминантом сразу двух ЛДР, за счет этого вторая, добавочная, детерминационная связь возникает в паре "сдвоенное - сдвоилось":

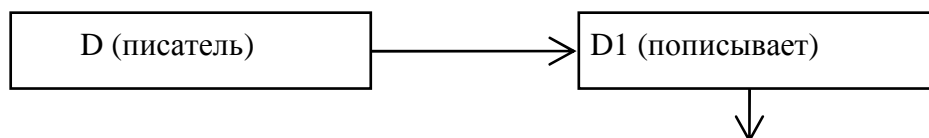

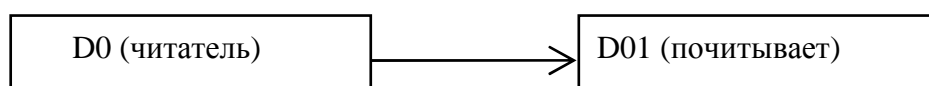
Еще одним способом организации ЛДР является их параллелизм, когда соплагаются, объединяясь, два ЛДР, имеющих одинаковую структуру и реализующих одинаковые семан-

тико-синтаксические отношения: "Власть, как обычно бывает в щепетильных ситуациях, требующих *достойного* (D) и *нестандартного* (D0) решения, поступила и *стандартно* (D01), и *недостойно* (D1)." В случае **параллельных** ЛДР между ними, во-первых, возникает внешняя по отношению к ряду синтаксическая связь, объединяющая два самостоятельных ЛДР в единый комплекс. Для двучленных ЛДР с противительными отношениями в приведенном контексте это сочинительная связь и соединительные отношения, выраженные союзом. Во-вторых, возникают добавочные детерминационные связи. В данном случае противительные отношения внутри ряда, закрепленные во внутренней форме его членов, и изменение порядка детерминатов относительно своих детерминантов приводят к тому, что D0 "*нестандартного*" начинает частично детерминировать D1 "*недостойно*", резко повышая его предсказуемость:

Внешние отношения двух параллельных ЛДР не обязательно должны быть материализованы, они могут оставаться на уровне контекстуально-конситуативной обусловленности: "Писатель (D) *пописывает* (D1), читатель (D0) *почитывает* (D01)." Два параллельных ЛДР этого контекста формируются на основании отношений обусловленности, а объединяясь в единый комплекс, реализуют альтернативные отношения. В таком случае идентичная структура рядов определяет возникновение добавочных детерминационных связей в паре D1 - D01 и соответствующую внутреннюю форму D01:

Выделенные четыре типа ЛДР (**цепочечный, радиальный, перекрестный и параллельный**) исчерпывают модели организации детерминированного формально-семантического взаимодействия. Структура ряда, определяемая направлением его внутренних детерминационных связей, является основой формирования смысла ЛДР. Однако, необходимо повторить, что это лишь один аспект описания формы ряда. Значение ЛДР как самостоятельной текстовой единицы в большей степени зависит от формальных характеристик его членов, влияющих на протекание деривационно-детерминационного процесса внутри ряда.

3.3. Функционально-детерминационная типология лексико-деривационных рядов

Типологизируя ЛДР по характеру протекания деривационно-детерминационных процессов, необходимо отталкиваться от источника формально-семантической детерминации включенных в ряд текстовых единиц. С этой точки зрения можно выделить прежде всего две основные группы: ЛДР с однонаправленной и ЛДР с расщепленной детерминацией. В первом случае источники формальной и семантической детерминации совпадают, во втором -

		ская				шан- ная	сиче- ская	синт.
				ЛСВ	лексема			
20	356	8	13	140	172	9	8	6
21	375	6	15	146	186	5	10	7
22	367	9	11	139	181	13	8	6
24	371	6	16	144	182	6	6	8
26	365	7	17	147	176	6	7	5
среднее	366	7	15	143	179	8	8	6

Подсчитав, что средний объем "Литературной газеты" составляет около 600 тыс. знаков, мы получаем возможность определить для данного издания характерную среднюю плотность употребления ЛДР: 61+2 на 100 тыс. или примерно 6 рядов на каждые 10 тыс. знаков текста. Если учесть особенности газеты, о которых мы говорили в начале главы, обосновывая выбор ее в качестве материала для анализа, можно распространить полученные результаты на любое публицистическое произведение, на публицистический стиль в целом и с определенной долей вероятности на любой русский текст, рассматривая данную среднюю плотность ЛДР как речевую норму, а регулярные отступления от нее в текстах конкретных авторов - как характеристику их индивидуального стиля.

3.3.1. Лексико-деривационные ряды с однонаправленной фонетической детерминацией

Приступая к системному описанию деривационно-детерминационных механизмов текста и лексического ряда, прежде всего в группе ЛДР с однонаправленной детерминацией, необходимо выделить ряды, детерминированные на фонетическом уровне (или фонетические ЛДР).

В процессе создания в тексте подобного лексического ряда первый член ЛДР, его детерминант, вступает в эпидигматические отношения с другими членами ряда на уровне своей формы: "**Утренний** (D) свет" - так назывался его (Н.И.Новикова) масонский журнал - это свет еще и **внутренний** (D1), идущий из душевной глубины личности...". В приведенном контексте прагматически сталкиваются схожие звуковые оболочки, таким образом, формируется экспрессивный ЛДР "утренний - внутренний". В данном случае мы наблюдаем максимальное проявление формальной детерминированности, а семантическая взаимозависимость детерминанта и детермината, возникающая при соотнесении текстовых единиц, реализует периферические системные связи слова, поэтому является субъективной и формирует экспрессивность всего контекста.

В случае ЛДР "утренний - внутренний" мы наблюдаем максимальную формальную близость, но фонетическое сходство может быть и не столь большим. Встречаются контексты, в которых оно минимально, однако, будучи акцентированным, формирует ЛДР: "**Правило** четырех "**С**" (D), если можно так выразиться: **ситуация** (D1), **состояние** (D2), **событие** (D3) - и вытекающая **структура** (D4)."; "**ЕС** работало, как правило, на основе двух "**К**" (D) - **консенсуса** (D1) и **компромиса** (D2)". В приведенных контекстах формируются радиальные ЛДР, причем детерминантом ряда является начальная буква составляющих этот ряд слов. Именно минимальное формальное сходство требует особого своего выделения, для чего используется прием лексикализации.

Фонетически детерминированные ЛДР по природе своей многочисленны, однако продолжительность ряда во многом зависит именно от степени сближения звуковых оболочек

лексических единиц: чем она больше, тем короче ряд. При минимальном формальном сходстве (как например в последних контекстах) продолжительность ряда практически не ограничена, ЛДР могут даже заполнять собой весь текст, примером чего служат произведения эквиинициальной литературы. При максимально возможном формальном сходстве ЛДР чаще всего формируется в виде двучлена, если составляющие его лексемы - многосложные слова (утренний - внутренний), в случае одно- или двусложных слов продолжительность ряда может быть большей: *"Произнося "мэр" (D), всегда вспоминаю бородатую эстрадную хохму: "Жену мою зовут **Мери** (D1), а я - ее муж, Васька-**мерин** (D2)..."*. В данном контексте возможность формирования трехчленного ЛДР (*мэр-Мери-мерин*) объясняется односложностью детерминанта ряда (*мэр*) и постепенным усложнением формы детерминатов.

Процесс лексической деривации фонетически детерминированного ЛДР в публицистическом тексте внешне осуществляется как поиск и воспроизводство готовой лексической единицы, а не производство таковой (о соотношении этих процессов в лексической деривации мы писали в гл. I). Основой для поиска и использования определенного слова и служит сходство материальной формы, от минимального ("*С*" - *ситуация-состояние-событие*) до практически полного (*утренний-внутренний*). Даже если ЛДР включает в себя фонетический окказионализм, трудно говорить о производстве этого слова в процессе деривации текста: *"В том то и дело, что **демократы** (D), даже если они "**дерьмократы**" (D1) и "**демокрады**" (D2)..., стараются придерживаться цивилизованных правил игры..."*. В этот контекст новообразования "*дерьмократы*" и "*демокрады*" включаются, на наш взгляд, именно как готовые единицы, функционирующие в разговорной речи.

Необходимо заметить, что фонетически детерминированные ЛДР в чистом виде встречаются в публицистике крайне редко. В основном же звуковое сходство слов поддерживает иные типы детерминированности, усиливая формальную соотнесенность членов лексико-деривационного ряда и, соответственно, экспрессивность ЛДР в целом. Во-первых, фоникой

обязательно подкрепляются экспрессивные ЛДР, детерминированные на уровне лексики: "*Назвать* (D) - значит *вызвать* (D1).", "*чужой* (D) и *чуждый* (D1) мир", "*горе, победившее* (D) *Победу* (D1)" и так далее. Во всех этих примерах именно сходство звуковой оболочки создает ту основу, на которой явственно проявляется значимость различающихся формальных элементов и значимость семантических со- и противопоставлений. Во-вторых, звуковое сближение может сопровождать и подчеркивать морфемную детерминацию (подробно - п. 3.2.2.).

Однако, фонетическая детерминированность - самостоятельный текстовый процесс, не зависящий от других форм детерминации. Достаточно часто прагматическое сближение звуковой оболочки, стилистически оправданная рифмовка становится основой лексической деривации, а структурное сходство функционирует лишь как неизбежное следствие более общего формального сходства. Названный процесс реализуется, например, в следующем контексте: "*Слово тождественно действию. Перечислить - воскресить. Унять заклинанием тоску неведомую... - по отрывному календарю* (D), *по казенному тропарю* (D1), *по школьному букварю* (D2), *по товарному словарю* (D3), *к окиян-морю, к бел-горюч камню алатырю* (D4)". В данном случае ЛДР "*календарю-тропарю-букварю-словарю-алатырю*" формируется только на фонической основе. Присутствующий в четырех словах ряда суффикс *-арь* не акцентирует, не продляет сему отношения предмета к предмету, названному мотивирующим словом, то есть функционирует в контексте не как морфема, наделенная собственным словообразовательным значением (это значение, несомненно, присутствует в словах, но остается на далекой периферии семантики контекста в целом), безударный суффикс вместе с ударным окончанием создает формирующее ЛДР звуковое сходство. Самодовлеющий характер фонетической детерминации подчеркивается введением в состав ряда слова "*алатырю*", названного суффикса не имеющего, но рифмующегося с остальными членами ряда.

Таким образом, процесс фонетической детерминации является самостоятельным процессом лексической деривации текста, который может взаимодействовать с другими деривационными процессами, но имеет самостоятельный характер. Целью и результатом фонетической детерминации является формальное взаимодействие текстовых единиц, взаимодействие же их смыслов сопровождает основной процесс, является его следствием.

3.3.2. Лексико-деривационные ряды с однонаправленной морфемной детерминацией

Следующим типом детерминированности является уже упоминавшаяся выше морфемная детерминированность, когда в процесс лексической деривации вовлекаются аффиксальные морфемы и акцентируется их словообразовательное значение: "*Россию **выбрасывают** (D) из развития, **выталкивают** (D1) из мирового процесса*". Детерминирующей единицей ряда "*выбрасывают - выталкивают*" в данном случае является приставка **вы-** со значением "удалить, выделить из чего-нибудь, направить наружу посредством действия, названного мотивирующим глаголом" [156, т.I, с.358]. Использование в тексте глагола с такой приставкой влечет за собой для усиления экспрессии использование еще одного одноструктурного глагола, таким образом, именно приставка формально и семантически детерминирует выбор и употребление в контексте второго глагола.

Детерминантом ряда часто становится суффикс: "*Не Советский Союз для нас важен, а державность (D), государственность (D1), стабильность (D2)*". Формируемый в контексте ЛДР, акцентирующий совмещение присущего прилагательному значение признака со значением существительного как части речи, продляет присущее суффиксу **-ость** отвлеченное значение признака и тем самым подчеркивает на уровне смысла контекста переход абстрактного качества в объективную реальность (или желательность такого перехода). Ряды, детерминированные на морфемном уровне, относятся к ЛДР с единым источником детерми-

нации, так как формально-семантическая близость осуществляется на уровне приставки или суффикса.

Детерминированные на морфемном уровне ЛДР потенциально многочленны, всякий конкретный ряд может быть продолжен до бесконечности в пределах словарных возможностей и ограничивается только экстралингвистически, рамками реальной действительности и прагматическим намерением автора выстраивать ряд определенной длины. Так в контексте *"К утру он прятал написанное - зашивал (D) в одежду, заклеивал (D1) в книги, запечатывал (D2) в пайку хлеба."* ЛДР представляет из себя трехчлен (*зашивал - заклеивал - запечатывал*), который ограничен перечислением конкретных действий человека в конкретных жизненных условиях, но который потенциально может быть расширен (*засовывал в щели, закапывал в землю* и так далее).

Морфемная детерминация выстраиваемого в тексте ЛДР в большей степени, чем фонетическая, позволяет осуществлять лексическую деривацию этого текста именно как производство, а не воспроизводство, слова. Вернемся к последнему нашему контексту с ЛДР *"зашивал-заклеивал-запечатывал"*. Детерминирующей единицей ряда является приставка **за-** глагола "зашивал", имеющая значение "с помощью действия, названного мотивирующим глаголом, поместить, переместить за что-нибудь, в какое-нибудь место" [156, т.I, с.360] и определяющая возможность синтаксической сочетаемости глагола, имеющего ее в своем составе, с обстоятельством места, выраженным существительным в косвенном падеже с предлогом (в нашем случае - "в одежду"). Данный глагол является узуальным, значение его "упаковать во что-нибудь, сшив концы" зафиксировано, например, в "Словаре русского языка" С.И.Ожегова [143, с.185]¹, Детерминированные же члены ряда *"заклеивал"* и *"запечатывал"*

¹ В дальнейшем все значения слов по данному словарю будут даваться без ссылок.

вал" являются окказиональными образованиями, поскольку зафиксированные в словарях глаголы "заклеивать" и "запечатывать" реализуют в своей семантике иные значения приставки, а именно: "покрыть, закрыть чем-либо с помощью действия, названного мотивирующим глаголом" [156, т.І, с.360] и "совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом" [156, т.І, с.361], кроме того, эти глаголы не сочетаются с обстоятельством места. Образование в ходе деривации текста новых глаголов обусловлено существованием продуктивной словообразовательной модели и использованием глагола соответствующей структуры, реализующего необходимое значение. Более того, продуктивность модели позволяет автору вводить в текст, а читателю воспринимать новообразования как факт системы языка, а не как непосредственно окказионализм.

Однако морфемная детерминированность дает возможность субъекту речи реализовать и прагматическую установку на создание нового слова: *"Мы считаем, что уже создана **НООСФЕРА** (D), планетарная оболочка разума и сознания. А есть ли у нас **НООЛОГИЯ** (D1), позволяющая по правилам жить в этой оболочке?"*. Детерминантом ряда в этом контексте является префиксоид **ноо-**, узואльно функционирующий только в составе существительного "ноосфера", являющегося первым членом ряда. Собственная семантика префиксоида позволяет реализовывать ее в одноструктурном исходному окказиональному существительном, окказиональность которого воспринимается тем ярче, поскольку исходное слово само возникло в языке как окказионализм и до сих пор не является общеупотребительным. Кроме того, восприятию экспрессивности морфемно детерминированного ЛДР помогает его графическая выделенность в тексте.

Мы уже упоминали о том, что морфемная детерминированность может поддерживаться определенными текстовыми процессами на фонетическом уровне и даже акцентироваться ими. Подобное явление наблюдается в следующем контексте: *"Одни считают Дмитрия Якубовского **авантюристом** (D), другие - неплохим **экономистом** (D1), третьи - серьезным*

юристом (D2)". В данном случае одно только наличие у трех существительных единого суффикса **-ист**, называющего лицо, "характеризующееся свойством, взглядами или сферой занятий, которые названы мотивирующим прилагательным" [156, т.I, с. 289], не позволяет объединить их в лексический ряд, так как спорным является сам факт формально-семантического взаимодействия, мы не наблюдаем здесь необходимого для формирования ряда "продления семы", о котором мы уже говорили (исходя из системы целого текста, который здесь по понятным причинам не приводится, мы считаем вполне адекватной такую, например, замену: "считают искателем приключений, ... серьезным экономистом, ... неплохим адвокатом); но с другой стороны, рассматривать отношения существительных *авантюрист-экономист-юрист* в этом контексте как парадигматические невозможно, этому препятствует падающее каждый раз на суффикс ударение и внутренний ритм контекста. Именно фонетическое выделение суффикса (вместе с окончанием) при линейном развертывании ряда акцентирует его словообразовательное значение и подкрепляет ЛДР. Однако подобные процессы в реальных контекстах не слишком частотны, звуковое сходство одноструктурных слов не акцентируется, поскольку протяженность морфемы в основном незначительна в общей длине слова.

Таким образом, морфемная детерминация, по сравнению с детерминацией фонетической, является более сложным текстовым процессом, в котором задействованы не просто формальные элементы, звуковые оболочки, но значимые части слова. Целью и результатом этого процесса является уже непосредственно формально-семантическое взаимодействие внутри текста, продление определенной семы, сопоставление минимальных смыслов составляющих текст лексических единиц.

3.3.3. Лексико-derivационные ряды с однонаправленной лексической детерминацией

Формально-семантическое взаимодействие текстовых единиц во всем объеме их лексического значения создает ЛДР с детерминантом - словом. Этот тип детерминации, в силу структурной и семантической сложности и неоднородности взаимодействующих элементов, достаточно неоднороден, внутри его может быть выделено несколько подтипов в зависимости от системного соотношения детерминанта и детермината.

3.3.3.1. Детерминант и детерминат ряда - один лексико-семантический вариант

Детерминант и детерминат (детерминаты) лексико-derivационного ряда могут представлять собой один и тот же ЛСВ, однако сопряжение их в тексте не будет являться повтором, а будет формировать самостоятельный ЛДР. Формально-семантическое взаимодействие текстовых единиц с одинаковым лексическим значением возможно, во-первых, потому, что всякое слово как языковой знак есть единство понятия и акустического образа, а в речи эти две стороны знака могут реализоваться не симметрично. Во-вторых, всякое системное лексическое значение существует в языке в единстве различных семантических макро- и микрокомпонентов. В.В.Виноградов писал: "Если бы структура слова была только двусторонней, состояла лишь из звука и значения, то в языке для всякого нового понятия и представления,

для всякого нового оттенка в мыслях и в чувствованиях должны были бы существовать или возникать особые, отдельные слова." [33, с.20]. В конкретном речевом употреблении реально обнаруживается не все содержание значения языковой единицы. Существующий "резерв" позволяет варьировать в рамках единого лексического значения набор реализованных семантических компонентов. В-третьих, "слово функционирует в языке только как часть высказывания, но от этого оно не лишается своей качественной определенности и номинативной самостоятельности" [172, с.11], однако в речи на лексическое значение слова, главным образом глагола, обязательно накладывается значение модальное, "выражающее отношение говорящего к содержанию высказываемого и его достоверности" [16, с.238]. И наконец, всякое конкретное словоупотребление имеет свой референт, "отраженный в сознании элемент объективной реальности" [16,с.384], идентичность референтов разных словоупотреблений или их различие как факт реальной действительности также определяют процессы порождения текста в целом и процесс лексической деривации в частности. Таким образом, изменения значения слова в рамках ЛСВ, создающие коммуникативно значимые оттенки смысла, связаны с функционированием знака как несимметричного, с варьированием референции лексической единицы, ее модальности и соотношения семантических компонентов, в основном макрокомпонентов - денотативного, сигнификативного, коннотативного, грамматического. В принципе, все слова языка должны иметь равные вариативные возможности, но реализующиеся в речи семантические сдвиги и, соответственно, особенности формально-семантического взаимодействия зависят от принадлежности слова к определенной части речи.

Итак, основой формирования ЛДР становится, во-первых, несимметричность используемых в качестве текстовых единиц знаков языка. *"А вот еще одно слово, зафиксированное Далем вспоминается мне уже по другому поводу. Это глагол "французить" (D), означающий "делать все на французский (D1) лад, обычаем, подражая". Детерминантом ряда в этом*

контексте является устаревшее слово, существующее сейчас для воспринимающего только как звуковая оболочка, не наполненное содержанием. Понятие существует отдельно, его объяснение, в том числе и через двустороннюю языковую единицу, которая, соответственно, в этом контексте становится детерминатом, является ближайшим коммуникативным намерением автора. Намерение пояснения смысла сопровождается и следующий ЛДР: *"Это было нарушение, я бы сказал, нарушение формы, нарушение вкуса (D). У меня, может быть, некоторое помешательство на этом слове "вкус" (D1). Я называю им соответствие форме."* Но в этом случае слово сначала используется в определенном значении, а затем возникает потребность объяснить его. Поэтому детерминант этого ряда - двусторонний языковой знак, знак, выражающий понятие и обладающий акустическим образом, а детерминат ряда понятия не выражает. Субъект речи подчеркивает звуковую оболочку, акцентирует на ней внимание воспринимающих, намеренно лишает ее содержания, чтобы дальше в тексте объяснить тот индивидуальный смысл, который он соотносит с этим акустическим образом.

Коммуникативное намерение может быть и противоположным. *"Среднему человеку несколько лет кряду говорят о монетаризме (D). Что такое "монетаризм" (D1)?! Почему надо умничать?!"* Здесь вновь мы видим использование двусторонней единицы в качестве детерминанта и ее звуковой оболочки как детермината ряда. Однако разделение звука и смысла необходимо для того, чтобы подчеркнуть принципиальную несимметричность знака для большинства воспринимающих, которые не знакомы с понятием вообще, и, следовательно, поставить под сомнение корректность употребления слова.

Таким образом, формальное взаимодействие членов ЛДР, включающих несимметричные языковые единицы, осуществляется на уровне звуковой оболочки (что сближает подобные ЛДР с рядами, детерминированными на фонетическом уровне), семантическое же взаимодействие наблюдается между смыслом слова и значимым его отсутствием.

Вторым типом реализации ЛДР в рамках одного ЛСВ является использование в качестве его членов слов, различающихся макрокомпонентами значения: *"Именно у него, первого, состоялся **бенефис** (D) в Доме журналистов. Кстати, может быть у газетчика **бенефис** (D1)? Сомневаюсь."* В данном случае детерминантом ряда становится слово "**бенефис**" (D), имеющее денотативный компонент значения и соотносящееся с конкретным явлением реальной действительности. Детерминат, "**бенефис**" (D1), по своему значению связан только с обозначаемым этим словом понятием, значит, данное словоупотребление реализует только сигнификативный компонент значения. ЛДР такого типа бывают только двучленными, поскольку их составляющие, соотносясь как частное и общее или наоборот, представляют собой лексическую бинарную оппозицию комплементарного типа.

При образовании подобных ЛДР субъект речи, реализуя системно закрепленное возможное различие макрокомпонентов, осуществляет деривацию текста на уровне воспроизводства языковых единиц. Противоположные возможности дают языковые единицы, в принципе лишенные понятийного компонента значения, - имена собственные: *"И с чего это я вдруг по частному поводу выхода книги журналиста Виктора **Гущина** (D) разразился статьей? Да потому, что **гущинных** (D1) я вижу часто. В своем завершенном виде это позиция фрондерства, "вечного диссидентства"... Это неизбежное стремление к эпатажу... это и негативная реакция на коренную ломку нашей прежней жизни, ... и неуверенность в самих себе..."*. В этом контексте фамилия журналиста Гущина приобретает окказиональное понятийное содержание. Существительное, имеющее даже не денотативное, а референционное значение, дополняется до господствующей в системе языка предметно-понятийной оппозиции, которая и становится основой ЛДР. Мы привели здесь расширенный контекст, чтобы показать зафиксированный в нем процесс расширения значения. Качественные характеристики мировосприятия конкретной личности становятся основой формирования нового

понятия, определяющего в целом данный тип мировосприятия, по мнению автора текста, широко сейчас распространенный.

Названная возможность различий в функционировании лексических единиц характеризуется в основном, если исходить из данных нашего материала, имена существительные. Кроме того, есть несколько глагольных контекстов такого типа, хотя представленные в них оппозиции не так ярки. Это объясняется тем, что именно у существительных четко разграничиваются предметно-понятийный (денотативный) и понятийный (сигнификативный) компоненты значения. В значении глаголов, прилагательных и наречий обозначение конкретного действия или признака более тесно связано с понятием. Разделение этих макрокомпонентов в речи не носит выраженного характера, однако большая или меньшая значимость одного из них в значении слова (глагола) может становиться основой формирования ЛДР. Это можно наблюдать, например, в таком контексте: "*Постоянно **писал** (D)... **Писать** (D1) там можно было только жалобы.*". Детерминант ряда, глагол "*писал*" в значении "составлять какой-нибудь текст, сочинять, создавать какое-либо словесное произведение", обозначает действия, реально производимые человеком, о котором идет речь, значит, реализует денотативный компонент значения. Детерминант ряда, глагол "*писать*" в том же значении, обозначает не конкретное действие, а процесс создания текста как таковой, следовательно, основным компонентом значения становится сигнификативный. Но модальность детермината подчеркивает возможность именно определенного процесса, таким образом, денотативный компонент значения глагола тоже присутствует, хотя не столь значим, как понятийный. Последнее обстоятельство делает невозможным существование комплементарной оппозиции значений глагола в речи в чистом виде и объясняет ограниченное употребление глагольных ЛДР этого типа в текстах.

ЛДР с D и Dn - прилагательными и наречиями, реализующие семантическое взаимодействие членов на уровне взаимодействия макрокомпонентов значения, в анализируемом

материале не представлены, что объясняется, на наш взгляд, слабой возможностью разграничения в значении признака предметно-понятийного и чисто понятийного компонентов. В целом же описываемый тип ЛДР не частотен, так как практически не дает возможности осуществлять деривацию текста как производство составляющих его единиц.

Следующий тип, наиболее употребительный, включает ЛДР, члены которых, употребляясь в одинаковом значении, имеют разную референцию. Прежде всего, референционные различия могут становиться основой формирования ЛДР, D и D_n которых - имена существительные. В простейшем случае составляющие ЛДР конкретные существительные соотносятся с разными референтами, как в выражении "*журналист (D) для журналиста (D1)*", где детерминант и детерминат именуют двух представителей одной профессии. Мы привели пример ЛДР с конкретными существительными, но материалы анализа показывают, что возможность формирования ЛДР на основе референционных различий не зависит от лексико-грамматического разряда существительного: "*Остроумие (D) автора афоризма рождает остроумие (D_n) понимания.*". Детерминант и детерминат ряда в данном случае, являясь абстрактными существительными, называют определенное качество лица, но соотносят это качество с разными субъектами.

Подобные ЛДР наблюдаются в текстах чаще всего в виде двучлена, но являются потенциально многочленными, поскольку множество референтов всякой лексической единицы неограниченно. Детерминант и детерминаты ЛДР могут соотноситься с равноправными, равнозначными, сосуществующими референтами, тогда в структуре высказывания они занимают одинаковые синтаксические позиции: "*Маленькие человеки не могут найти себе нишу (D) дуальной комфортности, нишу (D1) соперничества, нишу (D2) зеркальности, нишу (D3) противоположности и т.д.*" (D и D_n - позиция объекта); "*наша молодежь (D), как и молодежь (D1) Украины ...*" (D и D1 - позиция субъекта). Если же референты в реальной

действительности находятся в определенных иерархических отношениях (отношение части и целого, общего и частного и других), это отражается и на отношениях синтаксических: "... *история* (D) *его жизни переплетается с историей* (D1) *жизни страны*" (D - позиция субъекта, D1 - позиция объекта); если же синтаксические позиции совпадают, отношение может быть выражено через разницу падежных значений: "у *преемников* (D) *его преемников* (D1) *будет еще много противников*" (D - позиция объекта, родительный объекта; D1 - позиция объекта, родительный отношения).

С референционными различиями (и частично со связанным с ними варьированием грамматического компонента, у имен прилагательных) связаны частичные изменения семантики имен прилагательных, числительных и наречий при формировании ЛДР описываемого типа. Следует отметить, что мы наблюдаем у лексических единиц, имеющих значение не-процессуального признака, наименьшее количество реализованных вариационных возможностей при включении их в ЛДР. Частеречное значение членов ЛДР влияет на возникающий в тексте смысл целого ряда. Большинство подобных ЛДР служат только для продления, акцентирования определенной семантики: "*Лихая* (D) *газета "Московский комсомолец"*. *Лихой* (D1) *журналист Александр Минкин.*", "*чистейшей* (D) *классики чистейший* (D1) *образец*", "*абсолютное* (D) *доверие и абсолютная* (D1) *одержимость*". Составляющие ЛДР в этих контекстах прилагательные, относящиеся к разным существительным, экспрессивно подчеркивают называемый ими признак, следовательно, выявляют сходство и объединяют различные объекты и явления реальной действительности в единое целое.

Однако при формировании ЛДР описываемого типа наблюдается и совершенно обратный семантический процесс: "...*против этого выступают и непримиримые* (D) *демократы, и непримиримые* (D1) *оппозиционеры*", "*два* (D) *суда - два* (D1) *решения*". Формируемые в этих контекстах ЛДР, членами которых являются прилагательные и числительные с различной референцией, акцентируя сходность признака (количества), помогают показать расчле-

ненность реальной действительности, разобщенность и даже противопоставленность ее элементов.

Референционные различия единиц текста адекватны и при образовании глагольных ЛДР. В отличие от имен существительных, глаголы имеют развернутую систему возможных референционных изменений, которая зависит прежде всего от пропозициональных характеристик каждого глагола в отдельности. Так, если глагол является предикативным центром пропозиции, имеющей в своем составе субъект и объект действия, изменения могут быть связаны с обеими этими позициями. *"Обо мне начнут писать - и **наврнут** (D) с три короба. Лучшие я сам **наврну** (D1)."* Здесь детерминант и детерминат ряда, называя одинаковые действия, обозначают ситуации, различающиеся только субъектами данного действия (неопределенный субъект, любое пишущее лицо - в случае действия, обозначаемого детерминантом, главным членом неопределенно-личной конструкции; сам субъект речи - во втором случае). *"Если мы, журналисты, дадим **задушить** (D) Российское телевидение и радио, завтра **задушат** (D1) всех нас."* Этот контекст - пример различной референции, связанной с объектом действия (объект действия D - телевидение, объект сходного действия D1 - "мы"). Референционные различия так же реализуются и у причастий: *"Если **нарушена** (D) связь с миром, то **нарушено** (D1) и ощущение формы."* Две пропозиции этого контекста с предикативным центром - страдательным причастием (и нулевой связкой) вновь различаются объектами, на которые направлено действие.

В последнем контексте референционные различия связаны еще и с грамматической вариативностью членов ЛДР, а именно, с различием детерминанта и детермината по роду (D - ж.р., D1 - ср.р.). Вообще особенностью глагольных ЛДР описываемого типа является активное участие грамматического компонента значения при формировании ряда, это вторая особенность глагольных рядов по сравнению с ЛДР, членами которых являются существительные.

Чаще всего в процессе лексической деривации текста активно участвуют грамматическая категория времени и связанные с ней вариации значений: "*В этом отношении ничего не изменилось: и раньше **не пускали** (D), и теперь **не пускают** (D1).*" - в этом контексте два одинаковых действия, обозначаемых одним и тем же глаголом, различаются только временной отнесенностью, гипотетическое субъектное и объектное различие ситуаций в данном случае не значимо.

Многочисленность грамматических категорий глагола и разветвленность глагольной парадигмы позволяют включать в ЛДР различные глагольные формы, как неизменяемые, так и спрягаемые и склоняемые. "*Кухня - одна из вещей, наиболее **обесцененных** (D) в наш век. Эмоции в равной степени **обесценились** (D1) и вышли из игры.*". Детерминантом ряда в этом контексте является причастие, склоняемая форма глагола, детерминантом - его спрягаемая форма. Референционные различия связаны с объектом действия.

Таким образом, особенности глагольной парадигмы и центральное положение глагола в высказывании определяют его наиболее широкие возможности, связанные с референционными изменениями, по сравнению с другими частями речи. В целом референционно взаимодействующие ЛДР составляют значительную часть нашей выборки, а значит, активно используются носителями языка в процессе порождения текста.

Формирование ЛДР на основе смены модальности лексемы связано преимущественно с глаголом. Это объясняется тем, что модальность как грамматико-семантическая категория, выражающая отношение говорящего к высказываемому, его оценку отношения сообщаемого к объективной действительности, характеризует в основном не отдельную номинативную единицу, а высказывание в целом, поэтому соотносится с грамматическим значением предикативного центра высказывания, которым чаще всего является глагол. Формирующаяся на основе признака соотнесенности/несоотнесенности действия с реальной действительностью

грамматическая категория наклонения - один из возможных способов выражения модальности в русском языке. Через значение наклонения модальность включается в систему грамматических значений глагола, образуя вместе с грамматическими значениями времени и лица категорию предикативности. Таким образом, именно у глагола модальность выражается, наряду с лексическими, и грамматическими средствами при образовании форм сослагательного и повелительного наклонений. Другие части речи грамматическим значением модальности не обладают, модальность отдельных единиц текста может быть выражена только лексически.

Основой семантического взаимодействия членов ЛДР может становиться варьирование объективной модальности действия и ситуации, выраженное через сопряжение в рамках ряда личных форм глагола с разным значением наклонения: "... *этим он доказал бы (D) свою состоятельность как юриста. Однако он считает, что давно уже все доказал (D1)*". Здесь мы видим семантическое взаимодействие глагольных форм со значением предполагаемого и реального действия. Однако чаще членами ЛДР становятся единицы, ирреальная модальность которых выражается лексически, с помощью модальных слов и частиц: "*Ах, как хорошо мы знаем (D), что делается в других странах! И совсем не знаем (D1), что делается у нас!*". ЛДР "знаем - не знаем" и является примером взаимодействия глагола со значением реального действия и того же глагола с отрицательным значением. Кстати, только подобное семантическое противопоставление может быть реализовано в ЛДР, членами которых являются и неглагольные единицы, например, существительные: "*Власть (D) должна уметь себя защитить, иначе она не власть (D1)*"., хотя в этом примере устанавливается отношение не только с действительностью, но и с содержанием понятия.

Вообще в случае формирования ЛДР на основе семантического взаимодействия реальной и ирреальной модальности, выражаемой отрицательными частицами, может происходить сопряжение разнотиповых рядов. Так, в случае ряда "власть - не власть" модальные

различия становятся основой для восприятия невыраженного различия макрокомпонентов значения, поскольку в детерминате усиливается соотнесенность с понятием, а в ряду "знаем - не знаем" модальные различия накладываются на различия референционные. В приведенном выше контексте с ЛДР "знаем - не знаем" детерминантом ряда является глагол со значением реального действия, но в других случаях детерминантом может быть и предикат, выражающий ирреальную модальность, а детерминатом, напротив, глагол с реальным значением: "*Никакой сенсации из нее не сотворишь (D). Ан сотворили (Dn)!!!*" Отрицательное значение детерминанта, взаимодействуя с реальным детерминатом, формирует смысл всего ряда: противоречие реальной ситуации здравому смыслу, норме и т.д.

Встречаются контексты, где и детерминант, и детерминат воплощают ирреальную модальность: "*Новый поэт, - иронизировал Жюль Ренар. - **Запомните (D)** хорошенько его имя, потому что больше о нем говорить не будут.*" Но, спрашиваю лениво, *стоит ли **запомнить (D1)**, если не будут?*". Детерминант ряда имеет грамматическое значение повелительного наклонения, побуждения к действию, а детерминат входит в предикативный комплекс с полусвязкой и вопросительной частицей "ли", аналитически выражающий не столько вопрос, сколько отрицание.

Последний пример показывает, что благодаря аналитически выраженной модальности высказывания в целом в подобные ЛДР вовлекаются не только личные формы глагола, но и инфинитив, не обладающий категорией наклонения. Инфинитив-детерминат в составе модального предиката мы наблюдаем и в следующем контексте: "*... относиться с подобной легкостью к святыням наш народ никогда **не позволял (D)** и **позволять (D1)** не должен.*" Несмотря на наличие при глаголе-детерминанте и инфинитиве-детерминате отрицательной частицы "не", а, точнее, благодаря этому, можно сказать, что детерминантом этого ЛДР является глагол с реальным модальным значением, а детерминат входит в состав предиката со

значением долженствования. Двойная отрицательная модальность изменяет знак восприятия, как минус на минус дает плюс при арифметическом вычислении.

Кроме инфинитива в состав ЛДР описываемого типа включаются и причастия, приобретаемая в составе ряда ярко выраженное модальное значение: "*На мой взгляд, телевидение должно **обслуживать** (D) потребителя и понимать, что оно **обслуживающий** (D1) персонал.*" В данном случае детерминант ряда, входящий в предикат со значением долженствования, взаимодействуя с детерминатом, акцентирует в нем значение действия, а не признака, и, таким образом, подчеркивает реальное значение действия, выраженного причастием.

Достаточно часто семантическое взаимодействие членов модального ЛДР связано с выражением субъективной модальности. В таком случае основой формирования ряда становится одновременное выражение объективной и субъективной модальностей, их взаимопроникновение: "*...вся беда в том, что **разогнали** (D) КГБ (**неужели разогнали** (D1)?).*" Сопряжение модальных значений детерминанта ряда, глагола со значением реального действия, и детермината, выражающего неуверенность говорящего в сообщаемом, расширяет сферу действия субъективномодального значения, распространяя его и на детерминант ряда. Содержание высказывания, содержащего детерминант, ретроспективно воспринимается не как утверждение реальности действия, а как скрытая цитата, как выражение субъективной неавторской уверенности в сказанном.

В других случаях и детерминант, и детерминат ЛДР могут выражать только субъективную модальность: "*Люди, даже очень молодые, задают себе и нам вопрос: действительно ли мы ... **верили**(D) (**и как могли верить** (D1)) в коммунизм и мировую революцию?*". Детерминант ряда в данном случае несет на себе выражение неуверенности, а детерминат - субъективное утверждение невозможности действия. Средством выражения модальности является, в первом случае, модальное слово и интонация, во втором - структура вопроса и, главным образом, интонация.

Заканчивая описание модальных ЛДР, нужно заметить, что ряды, формирующиеся на основе модального взаимодействия их членов, как и другие ЛДР, членами которых являются словоупотребления, реализующие один ЛСВ, внешне создаются по принципу воспроизводства языковой единицы. Модальные ЛДР, являясь в основном экспрессивными текстовыми комплексами, не реализуют эпидигматические связи в чистом виде.

Последнее утверждение также может быть отнесено ко всей описываемой группе ЛДР. В таких рядах мы сталкиваемся с формальным дублированием текстовых единиц, но формальное взаимодействие как таковое в них минимально. Главным при формировании подобных ЛДР становится разнонаправленное развитие семантики, поэтому ведущим типом взаимодействия является взаимодействие семантическое.

3.3.3.2. Детерминант и детерминат ряда - лексико-семантические варианты одной лексемы

Более глубокое формально-семантическое взаимодействие наблюдается внутри лексического ряда, члены которого - варианты одной лексемы. "*Нормальные человеческие лица (D) превратились в оскорбительную советскую кличку - лица (D1) кавказской национальности*". В этом контексте взаимодействуют два узусальных значения слова "*лицо*": детерминант ряда в значении "передняя часть головы человека" обуславливает появление в тексте той же лексемы в значении "человек как член общества". Формально-семантическое взаимодействие слова в общеупотребительном значении и слова-канцеляризма приводит к тому, что значение детерминанта распространяется в определенной мере на детерминат, в тексте формируется семантический алогизм (лицо как часть тела национальностью не обладает), подчеркивающий алогичность реальной ситуации. Сближение значений детерминанта и детермината

в данном контексте является тем новым смыслом, которым обладает ЛДР по сравнению со своими членами как отдельными языковыми единицами.

В контексте *"Риск - благородное дело (D), но в какой-то момент он мог стать делом N (D1)..."* детерминантом является существительное *"дело"* в значении *"поступок"*, а детерминатом - то же существительное в значении *"собрание документов, относящееся к какому-нибудь факту или лицу"*. Оба значения зафиксированы словарем и являются литературными. Но если в предыдущем контексте значения детерминанта и детермината сближались, то в данном случае смысл ряда - акцентировать разницу этих двух значений.

В рамках ЛДР такого типа взаимодействуют не только литературные, но и разговорные значения: *"Гареев может утешиться тем, что из "истории"(D) вдруг попал в **Историю** (D1)."* В ряду *"история -История"* взаимодействуют разговорное значение слова *"происшествие, преимущественно неприятное, скандал"* и литературное значение *"прошлое, сохраняющееся в памяти человечества"*, причем разговорное значение является детерминантом ряда.

В отношении детерминации в подобных ЛДР вступают ЛСВ как с прямым, так и с переносным значением: *"Неужто же у наших городских **голов** (D) своя **голова** (Dn) на плечах отсутствует?".* В контексте детерминантом является существительное *"голова"* с переносным значением *"руководитель, начальник"*, а в прямом значении *"часть тела человека"* это существительное употребляется как детерминат.

В целом ЛДР такого типа, как и ЛДР предыдущей группы основаны на семантическом взаимодействии их членов, но формальное взаимодействие проявляется в них ярче за счет разграничения значения. Взаимопроникновение значений становится основанием для установления достаточно сильных эпидигматических связей между членами ряда, поэтому подобные ЛДР потенциально экспрессивны.

3.3.3.3. Детерминант и детерминат ряда - самостоятельные лексемы

ЛДР, в рамках которых взаимодействуют самостоятельные лексемы, являются наиболее частотными среди лексически детерминированных рядов. "*Когда забастовали (D) шахтеры, Кравчук сумел выйти сухим из воды, пообещав забастовщикам (D1)...*". В этом контексте формируется двучленный тематический ЛДР "*забастовали - забастовщики*", детерминант ряда - глагол совершенного вида, детерминат - связанное с ним отношениями производности существительное, обозначающее носителя действия. Названный лексический ряд формируется как развитие темы, заданной в начальном высказывании, направление детерминации в нем совпадает с системными словообразовательными отношениями, семантика ряда полностью разлагается на семантические компоненты составляющих его членов, поэтому данный ЛДР является семантико-синтаксическим.

Детерминационные отношения совпадают со словообразовательными и в следующем контексте: "*Зачем? Чтобы теперь прозябать в **независимом** (D) одиночестве? О нашей **независимости** (D1) мы заявляем иногда очень странным образом.*". Здесь детерминант ряда - прилагательное, а детерминат - образованное от него существительное. Как и предыдущий, данный ЛДР развивает заявленную тему и является семантико-синтаксическим. Однако, семантические процессы внутри этих рядов различны. Если детерминант предыдущего ряда, предикат, обозначает основной элемент ситуации (действие), а детерминат соотносится с ситуацией в целом при инкорпорировании одного высказывания в состав последующего, то есть D и D1 соотносятся как часть и целое, то во втором ЛДР D и D1 соотносятся как общее и частное, поскольку детерминант-прилагательное обозначает понятийный признак, а детер-

минат-существительное называет этим признаком наделенное конкретное явление действительности, главным компонентом его значения становится денотативный.

Отношения словообразовательной производности лексем могут не акцентироваться в случае, если детерминантом ряда выступает причастие. "... **переселенные** (D) *инородцы образовали для тех, кто организовал **переселение** (D1), **наивыгоднейший плацдарм.***" С точки зрения синхронной системы языка детерминант семантико-синтаксического ЛДР "*переселенные*" как одна из форм глагола "переселить", а точнее основа данной словоформы, является мотивирующей единицей, а детерминат - мотивированной, однако наличие в структуре детерминанта формообразующего суффикса и передаваемое причастием значение процессуального признака препятствуют восприятию отношений непосредственной словообразовательной мотивированности.

Отношения прямой словообразовательной производности наблюдаются и между членами эпидигматического ЛДР, но только в том случае, если детерминат является окказиональным образованием: "*Правда, все теперь смешалось в одну кучу - и кони, и люди, и **барды** (D), и рок-группы, и попса... Как все лучшее создается в начале жанра, так случилось и в **бардизме** (D1), **появившемся в самое неурочное и тяжелое для него время.***" Развитие семантики ряда от частного "*барды*" к общему "*бардизм*" само по себе не акцентирует эпидигматических отношений между членами ряда. Они проявляются только в силу того, что детерминат ряда, будучи новообразованием, обуславливает функциональность формального взаимодействия.

Эпидигматические отношения внутри ЛДР еще более усиливаются, если окказиональный детерминат ряда омонимичен уже существующей языковой единице, поскольку в таком случае функциональность формального взаимодействия дополняется усложнением семантических процессов внутри ряда. "*Однако некоторые личности не останавливаются, начинают сердиться, **протестовать**(D). Один из таких наивных бунтовщиков подошел на моих*

глазах к рослому стражу порядка ... и напустился на него. Милиционер озарился улыбкой тогда, когда **протестант** (D1) ушел." Детерминат ряда в данном случае есть окказиональное производное со значением носителя действия от детерминирующего ряд глагола. Развивающее тему взаимодействие D и D1 суппозитивно осложняется взаимодействием окказионального и узуального значений слова "*протестант*".

Достаточно часто отношения детерминации внутри ряда не совпадают со словообразовательными отношениями, поскольку ЛДР как факт речи не является отражением словообразовательного уровня синхронной системы языка, а функционирует на уровне текста и строится по своим внутренним законам. При несовпадении детерминационных и словообразовательных отношений детерминантом ряда, во-первых, может быть структурно более простое слово, но детерминант и детерминат не обязательно должны быть связаны отношениями непосредственной производности. "*Сталин, однако, феномен* (D), *что было ясно всем всегда. Гораздо позже пришло понимание феноменальности* (D1) *какого-нибудь драпового пальто.*" В этом контексте формируется семантико-синтаксический ЛДР "*феномен-феноменальность*", детерминат которого по сравнению с детерминантом обладает более сложной словообразовательной структурой. В системе языка члены ЛДР включены в одну словообразовательную цепочку, но промежуточное звено этой цепочки (прилагательное) в тексте отсутствует, оно было бы излишним в составе ряда, поскольку детерминат репрезентирует значение признака. Тот же смысл, признак ("выдающийся, исключительный") ретроспективно подчеркивается и у детерминанта. Таким образом, внутренняя семантика ряда акцентирует признак, соотнося его с различными объектами действительности, значение ряда сближается со значением референционных ЛДР, сформированных на основе одного ЛСВ.

Во-вторых, формирование ЛДР может быть детерминировано структурно более сложным словом, причем словообразовательные отношения детерминанта и детермината ряда тоже могут быть различны. В контексте "*Шоковая* (D), *говорили, книга! А в чем, извините,*

шок (D1)?" члены ряда представляют собой словообразовательную пару, но детерминантом ряда является производное прилагательное, полностью включающее в себя семантику исходного существительного, выступающего в качестве детермината. Таким образом, семантика ряда замыкается, предметное значение акцентируется, а формирующийся ряд становится формальным средством поддержания модальной вариативности (утверждение - вопрос) в пределах контекста.

"Но - революционная(D) эпоха. В литературе тоже произошла революция (D1)." Формирующийся в этом контексте ЛДР сходен с предыдущим по типу формального взаимодействия его членов, но семантические процессы в них различны. В результате семантического взаимодействия детерминанта, выражающего понятийное значение, и денотативного значения детермината возникает смысловая оппозиция множественного и единичного, обозначаемое существительным-детерминатом явление действительности вычленяется как часть из целого.

"Основными приводными ремнями гонки вооружений (D) являются не политики, не генералы и адмиралы, а разработчики оружия (D1)." В данном контексте детерминант и детерминат семантико-синтаксического ряда входят в одну словообразовательную цепочку, но не связаны отношениями непосредственной производности. В результате формально-семантического взаимодействия членов ЛДР ретроспективно расширяется значение детерминанта. Кроме основного лексического значения "совокупность средств для ведения войны" в существительном "вооружение" акцентируется значение опредмеченного действия, т.е. оно приобретает значение пропущенного звена словообразовательной цепочки. Похожий процесс расширения значения мы наблюдали в ряду феномен-феноменальность, когда пропуск словообразовательного звена акцентировал значение признака у обоих членов ряда. Вообще необходимо заметить, что семантические процессы при формировании ЛДР с пропуском звена словообразовательной цепочки, независимо от того, является ли детерминант

структурно более сложным словом, как в этом ЛДР, или более простым, как в уже анализированном ряду "феномен-феноменальность", сходны с описанным И.С.Улухановым процессом расширения частеречной сочетаемости формантов, когда имеет место "совмещение "собственного" значения суффикса со значением пропущенного звена в их словообразовательных цепочках." [177, с.251] Детерминант и детерминат таких ЛДР выступают как связанные жесткой связью, а "недостающее" значение восполняется из семантическим взаимодействием. Если моделью для образований с пропущенным звеном и основой для совмещения значения служат многозвеньевые цепи со всеми заполненными звеньями, то основой для расширения значения членов ЛДР является пресуппозитивное знание говорящим словообразовательных моделей языка и реализуемых в них грамматических значений.

В-третьих, детерминантом и детерминатом ЛДР могут быть языковые единицы, совсем не связанные отношениями производности: *"Англоязычные актеры культивируют миф об осознанной (D) игре, о сознательном (D1) сотрудничестве."* Формирующийся здесь ряд включает в себя входящие в одно словообразовательное гнездо, но не мотивирующие друг друга разноструктурные прилагательные. Семантическое взаимодействие является основным для членов этого ЛДР, причем они взаимодействуют именно как лексемы, в полном объеме своего лексического значения, а семантикой ряда в данном случае становится акцентирование и продление семы "полное, ясное понимание", объединяющей детерминант и детерминат ряда. Однако, несмотря на фоновый характер формального взаимодействия, ряд этот является эпидигматическим в силу высокой степени функциональности семантического взаимодействия.

Подобные же системные отношения членов ряда можно наблюдать и в следующем контексте: *"А. Матвеева **игровое** (D) слияние слов заботит больше, чем **игривое** (D1) слияние тел его героев."* В данном случае члены эпидигматического ряда - однокоренные слова одной степени сложности, входящие в одно словообразовательное гнездо, но детерминант об-

разован от существительного "игра", а детерминат - от глагола "играть". Ведущим типом взаимодействия между членами данного ряда вновь является взаимодействие семантическое, процесс модификации семы в паре D -D1.

Вообще взаимодействие членов ЛДР, формально и семантически не выводимых друг из друга, актуализирует эпидигматические отношения между ними. Наиболее ярко это проявляется в случае формально-семантического взаимодействия омонимичных лексических единиц: "Я думаю: а не кончатся ли однажды бандитско-коммерческие **разборки** (D), а также **разборки** (D1) авиационных торпед приходом к власти очень сердитых людей..." Являясь омонимами, детерминат и детерминат ряда образованы от неомонимичных глаголов. Жаргонное "разборки"(D) - производное от "разобраться", а разговорное "разборки" (D1) - от глагола "разобрать" в значении "разъединяя части чего-нибудь, разнимая по частям, разложить". Максимальное формальное взаимодействие в этом случае подчеркивает смысловое различие членов ряда, и наоборот. Результатом формально-семантического взаимодействия становится акцентирование значения как D, так и D1. Процесс детерминации в данном контексте становится обратимым, детерминат и детерминат воспринимаются как взаимозаменяемые.

Отсутствие системных словообразовательных связей между членами ЛДР не исключает установление не только детерминационных, но и прямых деривационных связей между ними. Это может быть обусловлено использованием одного из них в окказиональном значении: "Мир лежал в развалинах, и **апокалипсические** (D) пророчества казались сбывшимися. Но в самих звуках квартета **апокалипсиса** (D1) нет." Детерминат ряда, прилагательное "апокалипсические" является единицей, производной от существительного "Апокалипсис" в его единственном, зафиксированном словарями, значении "христианская церковная книга из "Нового Завета", содержащая пророчества о конце мира". Мотивированное прилагательное в этом контексте используется в прямом значении, а детерминат названного ряда представляет

собой не закрепленное в системе языка производное от того же существительного со значением "конец света". Переосмысление субъектом речи значения существительного в данном случае скорее всего связано с незнанием узусуального значения слова эта конкретная речевая ошибка является достаточно частотной, но носит каждый раз индивидуальный характер, поэтому мы и можем говорить здесь об окказионализме. Тем не менее, окказиональное образование в данном случае можно рассматривать как новый ЛСВ языковой единицы, использование которого усиливает формальное взаимодействие внутри ЛДР, что приводит к расширению семантики детермината до семантики целого семантико-синтаксического ряда. Более того, семантический процесс внутри ЛДР обуславливает восприятие детерминационных отношений как отражение в речи системных связей языковых единиц. Данный пример, на наш взгляд, доказывает доминирующий характер семантики ряда и возможность внутрирядного смысла влиять на значение отдельной языковой единицы и в случае необходимости корректировать его.

В случае окказионального внутритекстового установления помимо детерминационных связей отношений мотивированности между D и D_n, противоречащих их системным отношениям, функциональность взаимодействия членов ЛДР снимается, как это происходит в предыдущем контексте, но чаще, наоборот, наблюдается ее усиление за счет усложнения семантических процессов внутри ряда. *"Если этот добрый гастрономический бог и вправду существует, то угостил он **поэта** (D) неспроста, а дабы ни один глагол более не сорвался с увлеченно лижущих **поэтических** (D1) уст."* Отношения D и D1 этого ряда, несомненно, являются отношениями производности и сходны с отношениями внутри разбиравшегося ранее ряда "протестовать - протестант". Разница состоит в том, что мотивационные отношения в ряду "поэт - поэтический" противоречат системным. Семантическое взаимодействие D и D1 суппозитивно осложняется взаимодействием внутритекстового значения детермината со значением прилагательного "поэтический" как факта языковой системы, производного от "по-

эзия", что обуславливает возникновение иронии как коннотативного компонента семантики ряда.

Таким образом, реализация эпидигматических отношений между единицами текста связана, в первую очередь, с усложнением их семантического взаимодействия, взаимодействие же формальное лишь создает необходимые для этого контекстные условия.

С точки зрения сложности ряда описываемый тип представлен как двучленными, рассматривавшимися до сих пор, так и многочленными ЛДР. *"Власть ... неизбежно порождает бюрократию (D). Не в последнюю очередь опасное усиление общеевропейского бюрократизма (D1) создало сложности при ратификации Маастрихского договора. Длинная бюрократическая (D2) процедура принятия решений существенно тормозит процесс."* В данном контексте формируется трехчленный ЛДР *"бюрократия - бюрократизм - бюрократическая"*. Увеличение количества членов ряда усиливает формальное взаимодействие между ними. Это отчасти усложняет квалификацию ряда как семантико-синтаксического или эпидигматического, поскольку для двучленных рядов основным критерием такого деления была высокая степень взаимодействия формы, а для многочленов становится необходимым учет семантико-словообразовательных связей входящих в ЛДР языковых единиц и особенностей протекания семантических процессов внутри ряда.

Детерминантом формирующегося в названном контексте линейного ряда *"бюрократия - бюрократизм - бюрократическая"* становится немотивированное в русском языке существительное, а детерминатами являются связанные с ним отношения непосредственной производности языковые единицы одинаковой степени сложности. По ходу развертывания контекста и формирования ряда происходит относительное формальное усложнение его членов (суффикс в составе D2 более объемнее по сравнению с суффиксом в составе D1) и поступательное развитие семантики (значение признака, передаваемое D2 в равной степени соотносится и с D1); поскольку ряд линейен, D1 начинает частично детерминировать D2. В семанти-

ке ряда в целом взаимодействуют значение детерминанта как общего и детерминатов как частных проявлений. Учитывая все это, можно утверждать, что по характеру формально-семантического взаимодействия данный ЛДР является семантико-синтаксическим.

*"Наша опора, быть может, и выход наш - так называемая вторая **реальность** (D), занявшая место первой... И **наиреальнейший** мир (D1), сотворенный, к примеру, Чеховым, - он уж по меньшей мере куда менее призрачен, чем нынешний наш; в точности как тот же Николай Чикильдеев **реальней** (D2) кого угодно - бери любое из имен, не сходящих с газетных полос. В искусстве ...это и есть то, что условно зовем **реализмом** (D3)."* В этом контексте детерминационные связи не соответствуют словообразовательным, детерминант и детерминаты данного ряда не связаны отношениями непосредственной производности. При формировании ряда не происходит постепенного формального усложнения или, наоборот, упрощения его членов. Кроме того, хотя данный ряд и линейен, детерминационные отношения между его членами усложнены: первые три члена ряда воспроизводят классическую линейную схему, когда D1, наряду с D, начинает частично детерминировать D2, а вот D3 уже семантически взаимодействует не только с D и D2, но со всеми предыдущими членами ряда. Более того, семантический процесс внутри этого ряда не является однородным. Семантическое взаимодействие D, D1 и D2 продлевает ядерную сему соответствующих единиц текста, на основе чего происходит актуализация той же семы в значении D3, подача ее как коммуникативно релевантной, входящей в актуальный смысл слова. Подобная неоднородность семантических процессов приводит к акцентированию внутренней формы D3, а значит, и к усилению формально-семантических связей между членами ряда, что, соответственно, позволяет рассматривать данный ЛДР как эпидигматический. Таким образом, сравнивая два многочлена и имея в виду результаты нашего анализа лексических ЛДР вообще, мы пришли к выводу, что для установления, с одной стороны, и для восприятия, с другой стороны, сильных эпидигматических отношений между единицами текста равно необходимо акцентировать их фор-

мальное и семантическое взаимодействие, причем последнее должно быть сложным, разнонаправленным и определять процесс формирования смысла ЛДР в целом.

Завершая разговор о ЛДР с однонаправленной лексической детерминацией, укажем, что подобные ЛДР составляют основную массу всех лексических рядов в анализируемых текстах. Большинство их является номинативными семантико-синтаксическими, развивающими микро-тему, и лишь небольшая часть реализует эпидигматические отношения, акцентируя внутреннюю форму единиц, входящих в состав ряда. Это объясняется разграничением этих речевых явлений с точки зрения нормы/антинормы, узуса/приема. Кроме того, это еще раз подтверждает доказанный уже в лингвистике тезис, что превалирующим в процессе деривации отдельных номинативных единиц и текста в целом является семантический фактор.

3.3.4. Лексико-деривационные ряды с расщепленной лексической детерминацией

Если в процессе однонаправленной детерминации и формальное, и семантическое взаимодействие имеют один и тот же источник и протекают на одном языковом уровне, так как взаимодействуют одноуровневые языковые единицы (именно языковые: слово, в том числе и его звуковая оболочка, или морфема), то говоря о расщепленной детерминации, мы подчеркиваем, что источники возникновения формального и семантического взаимодействия в контексте не совпадают, а взаимодействие является разноуровневым.

Прежде всего среди ЛДР с названным типом детерминации выделяются лексические ЛДР, D и D_n которых - самостоятельные лексемы - вовлечены в процесс формально-семантического взаимодействия на уровне составляющих их морфем. "*Вход* (D) туда для нас

открыт. Но есть ли выход (D1)?" В этом контексте детерминант ряда определяет прежде всего формальное взаимодействие членов ЛДР. Формальное сходство D и D_n, связанное с корнем, обеспечивает преемственность основного предметного значения в процессе формирования ЛДР, а семантическое взаимодействие членов ряда протекает на уровне словообразовательного значения приставок. В процессе семантического взаимодействия происходит актуализация семы направления действия в детерминанте и в детерминате, одновременно в семантике целого ряда реализуется модификация семы, тем самым акцентируется внутренняя форма слова, в данном случае детермината.

В результате формально-семантического взаимодействия может ретроспективно акцентироваться внутренняя форма детерминанта: "*Благополучие (D), впрочем, вещь славная. Но - от глагола "получать" (D1).*" Хотя мы отметили в качестве детерминанта ряда "*благополучие - получать*" лексическую единицу, источником формального взаимодействия является только часть этого сложного слова. В процессе семантического взаимодействия корней D и D₁ происходит наведение семы "получить" в значении детерминанта, отсутствующей, точнее, утраченной в системном значении слова (благополучие - "спокойная, счастливая жизнь в довольстве").

Чаще же всего внутренняя форма акцентируется у всех членов ряда, на основе чего и формируется семантика ЛДР. "*В отношениях между нашими странами период ледостава (D) сменился периодом ледохода (D1).*" Для ЛДР "*ледостав - ледоход*" источником формальной детерминированности становится корень *лед-* в составе сложного слова, предметное значение которого образует смысловой фон ряда. В процесс семантического взаимодействия включены вторые части сложных слов - членов ряда - и их значения. Подобное расчленение основ в результате формально-семантического взаимодействия актуализирует внутреннюю форму и формирует семантику ЛДР как процесс модификации семы при линейном развертывании ряда.

При актуализации внутренней формы всех составляющих ЛДР может наблюдаться значимость ноля в морфемной структуре слова: "*Исполнители делятся на высокопрофессиональных (D), профессиональных (D1) и непрофессиональных (D2).*" В процессе семантического взаимодействия членов ЛДР "*высокопрофессиональный - профессиональный - непрофессиональный*", протекающем на уровне префикса, становится значимым отсутствие приставки в структуре D1, точнее, эта структура окказионально усложняется, приобретая нулевой префикс со значением "нормальный уровень проявления признака", который и взаимодействует с приставками в структуре D и D1.

Итак, от описанных выше ЛДР с однонаправленной лексической детерминацией лексические ЛДР с расщепленной детерминацией отличается тем, что входящие в ряд единицы вовлечены в процесс формальной детерминации и семантического взаимодействия на уровне составляющих их морфем, а от ЛДР с однонаправленной морфемной детерминацией - тем, что, с одной стороны, семантически взаимодействуют структурные элементы различной формы, а с другой стороны, семантика ряда формируется на уровне взаимодействия смысла слов - членов ЛДР, который не является простой суммой значений составляющих слово морфем. При расщепленной лексической детерминации проявление внутренней формы слов - членов ряда - входит в коммуникативное намерение субъекта речи и является, по сути своей, максимально возможным проявлением нефонетической формальной детерминированности лексических единиц. При однонаправленной лексической детерминации мы наблюдаем все-таки максимальное семантическое взаимодействие, формальное сближение членов ЛДР воспринимается как неизбежное явление, сопутствующее смысловому развертыванию текста. Именно это обстоятельство позволяет выделить ЛДР описываемого типа в особый классификационный разряд, а не рассматривать их вместе с другими лексически детерминированными рядами.

3.3.5. Лексико-derivационные ряды с расщепленной лексико-синтаксической детерминацией

Кроме лексических ЛДР к группе с расщепленной детерминацией относятся ряды, детерминируемые словосочетанием, то есть ЛДР с лексико-синтаксической детерминацией, также имеющие различные опорные точки формального и семантического взаимодействия. *"Сочинители **афоризмов** (D) - странные люди. Мысль, достаточную другим писателям для создания повестей и романов, они, **афористы** (D1), укладывают в 1-2 строки."* Источником семантической детерминации в этом ЛДР является все исходное словосочетание, а формально детерминат связан общим корнем только с одним из его членов, с зависимым словом. Тем не менее мы считаем детерминантом ряда как раз словосочетание, поскольку процесс семантического взаимодействия в рамках данного ЛДР является ведущим: детерминат - окказиональное образование, функционирующее только в этом контексте, - своей внутренней формой дублирует семантику синтаксической единицы, по ходу развертывания текста определенная информация свертывается, передается более компактной формой.

Производство новой текстовой единицы, в свернутом виде передающей семантику всего словосочетания, формально связано, как правило, с зависимым словом. *"Другое дело традиционную для армянского народа русскую **ориентацию сменить** (D) на турецкую. Естественно, ничего, кроме конфуза, не могло из этого выйти, хотя авторы национальной **перероентации** (D1) то и дело ссылались ..."* В данном случае мы имеем сходный с предыдущим ЛДР, семантическое взаимодействие в котором идет на уровне словосочетание-слово, а формальное - на уровне зависимое слово словосочетания -детерминат. Разницу можно усмотреть в том, что в предыдущем ЛДР детерминат мотивирован корнем, а в данном ЛДР -

всей основой слова, однако это связано с различием словообразовательных моделей, т.е. обусловлено системой языка и не релевантно для ЛДР как факта речевой деятельности.

Свертывание информации - основной семантический процесс внутри семантико-синтаксического ряда с расщепленной детерминацией. Чаще всего подобные ЛДР формируются тогда, когда в тексте используется развернутое наименование, которое и становится детерминантом ряда. В этом случае в качестве детермината может использоваться, не подвергаясь формальным преобразованиям, главное слово номинативного словосочетания: "*Второй Баховский фестиваль (D) - фестиваль (D1)*", "*Общество защиты прав пешеходов (D) - общество (D1)*". Но в редких случаях детерминатом подобного ЛДР становится единица, мотивированная зависимым словом составного наименования-детерминанта: "*Этот человек приезжает в Главное Управление по организованной преступности (D) МВД России на крайслере... Он привозит с собой в Главк (D1) адвоката и переводчика.*" В таком случае простое дублирование формы не может быть использовано, при формировании ряда задействуются словообразовательные процессы.

Приведенные выше в качестве примера ЛДР с расщепленной лексико-синтаксической детерминацией являются семантико-синтаксическими. Эпидигматические ЛДР такого типа чрезвычайно редки, так во всей нашей выборке только в одном контексте акцентируются, на наш взгляд, эпидигматические связи: "*Я вспоминаю случай на одной научно-практической конференции, когда какого-то человека спросили: "Простите, а вы тут какие цели преследуете?" Он страшно обиделся: "Я никакие цели не преследую, я **заведую кафедрой (D)**."* Судя по всему, на ТВ порой все сводится к "**заведованию кафедрой**" (D1)." Эпидигматичность ряда возникает из особенностей формально-семантического взаимодействия. И детерминант, и детерминат ряда - словосочетания, т.е. в формальное взаимодействие вовлечены единицы одного уровня, в отличие от предыдущих ЛДР. Кроме того, отличительной чертой данного ЛДР является то, что он формируется не для повторного именованя одного и того же пред-

мета или действия, но для соположения, сопоставления в принципе различных ситуаций. Поэтому семантическое взаимодействие единиц не замыкается на членах ряда, оно возможно только на уровне всего контекста. Несоответствие реплики персонажа конкретному вопросу и ситуации в целом делает возможным использовать словосочетание как лексикализованную единицу с окказиональным значением.

В целом количество ЛДР с расщепленной детерминацией лексико-синтаксического типа в нашей выборке очень незначительно, практически все они по характеру формально-семантического взаимодействия членов являются семантико-синтаксическими. Использование подобных ЛДР, в силу их прямой номинативности, позволяет избежать прямого повтора при обозначении в тексте повторяющейся темы.

3.4. Выводы

Предпринятое описание деривационно-детерминационных механизмов формирования лексико-деривационных рядов позволяет сделать следующие выводы:

1) все ЛДР характеризуются четкой структурной оформленностью, формируясь по одной из четырех моделей, и подразделяются на цепочечные, радиальные, перекрестные и параллельные;

2) поскольку структурные свойства объекта имеют системообразующую способность, а всякий элемент языка должен характеризоваться формальной системной определенностью, то наличие структурной оформленности лексико-деривационных рядов подтверждает их языковой статус;

3) в текстовых деривационно-детерминационных процессах, даже в случае формирования эпидигматических ЛДР, характеризующихся функциональностью формы, определяющими являются процессы создания означаемого;

4) формальная типология (структурная и детерминационная) дает возможность анализировать особенности семантических процессов внутри ряда; в результате анализа выявлено, что количество смысловых вариаций внутри ряда ограничено: акцентирование семы, prolongation семы, структурирование реальности на равноправные составляющие или иерархически организованные по принципу часть-целое, общее-частное;

5) формирование ЛДР определенного детерминационного типа структурирует семантику ряда и наоборот, прагматическая установка на передачу определенного смысла требует использования ЛДР конкретного типа;

6) при установлении в тексте эпидигматических связей актуализированное формальное взаимодействие единиц текста должно подкрепляться разнонаправленностью семантических процессов внутри ряда;

7) каждый из названных типов ЛДР обладает своей степенью выраженности эпидигматических связей, которая в самом общем виде зависит от особенностей взаимодействующих текстовых единиц:

- взаимодействие между узуальной и окказиональной единицами,
- взаимодействие между узуальным и контекстуальным значениями членов ряда,
- взаимодействие между лексическими семами и компонентами значения,
- взаимодействие между нормальным и акцентированным значениями словоформ,
- возможное возникновение взаимодействия второго порядка между узуальным и окказиональным (контекстуальным) значениями в рамках одного из членов ряда;

8) лексико-деривационное функционирование лексических единиц, включенное в непрерывный процесс порождения текста, становится основой номинативного функциониро-

вания этих слов в конкретной коммуникативной ситуации; таким образом, внутренняя форма слова участвует в номинации факта действительности, причем актуализированная под влиянием контекстуальных и пресуппозитивных факторов собственная семантика составляющих слово морфем не растворяется в семантике слова, а продолжает быть актуальной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование деривационного функционирования слова в тексте, предполагающее рассмотрение последнего как динамической развертывающейся структуры, возможно только на основе функционально-динамического подхода.

Поскольку порождение текста предполагает постепенное развертывание его смысла, воплощенного в языковую форму, то установление формально-семантических связей между элементами текста является одновременно и деривационным процессом, и результатом текстовой деривации. На основе формально-семантических связей единиц возникает их формально-семантическое взаимодействие (в зависимости от качества связи в большей степени формальное или семантическое) и формируются лексические ряды. Анализ фактов формально-семантического взаимодействия текстовых единиц в динамическом аспекте еще раз подтверждает сложность и разнонаправленность деривационных процессов.

С одной стороны, порождение смысла текста есть сложный процесс в том числе и его лексической деривации, динамического создания семантики слова, лексического ряда, высказывания. В конечном итоге смысл целого текста является иерархической структурой, подчиняя себе отдельные смыслы его единиц. Наличие смысла целого, синтезирующего смыслы составляющих, и наличие определенной формы (деривационной и композиционной), более сложной по сравнению с формой составляющих, делает текст единицей высшего уровня языка.

С другой стороны, возникновение формально-семантического взаимодействия лексических единиц как результат порождения текста определяет процесс функционирования в нем лексического ряда как самостоятельной единицы, тоже обладающей более сложной, по срав-

нению с составляющими ряд словами, внутренней формой и целостным значением. Всякий лексический, особенно лексико-деривационный, ряд реализует системные связи слова, возникает как результат синтаксической и лексической деривации и поддерживается определенными синтаксическими отношениями. Все перечисленное доказывает, что необходимо рассматривать ЛДР и шире тип ФСВ лексических единиц как еще одну, неосновную, единицу текстового уровня языка, так же как, например, идиомы и фразеологизмы рассматриваются как единицы лексического уровня, а форма слова и словосочетание - синтаксического уровня языка.

Достоинством функционально-динамического деривационного подхода к анализу текста является то, что он позволяет рассматривать разнородные с точки зрения статики языко-речевые явления как результаты единого процесса текстовой деривации, реализующие различные типы формально-семантического взаимодействия единиц. Кроме того, как доказано, названный подход позволяет анализировать типы взаимодействия и лексико-деривационные ряды как единицы языка, а не как речевой прием, то есть позволяет исследовать частотные речевые факты (так называемый "повтор" или плеоназм, в частности, тавтологию) в рамках деривационной лексикологии, а не стилистики, что чаще всего делалось до сих пор.

Основными типами формирующихся в результате формально-семантического взаимодействия лексических рядов являются лексический ряд с отрицательной формальной детерминацией, семантико-синтаксический и эпидигматический лексико-деривационные ряды и тавтологический ряд. Каждый из типов обладает характерным только для него набором положительных или отрицательных текстовых признаков (детерминированность ряда, функциональность формы его членов, экспрессивность, вариативность и предсказуемость членов ряда), причем основными типологическими признаками являются детерминированность и функциональность.

Функциональность формы ряда есть ее непосредственное участие в процессе порождения текста. Под детерминированностью в работе понимается взаимозависимость формы членов ряда, закрепляющая определенные семантико-синтаксические отношения и обуславливающая процессы формирования смысла целого ряда. Именно типы детерминированного формально-семантического взаимодействия получили в работе определение лексико-деривационный ряд, хотя, как уже было сказано, всякое формально-семантическое взаимодействие единиц текста формирует лексический ряд. Термин "лексико-деривационный ряд" подчеркивает особую выводимость одного члена ряда из другого, совмещение в тексте процессов лексической и синтаксической деривации.

Комбинация двух названных основных признаков позволяет разграничивать нормированную литературную речь, экспрессивный речевой прием и произвольную ошибку говорящего. Объективные различия между ними заключены в языковом механизме деривации текста и в способах активизации внутритекстовых механизмов детерминации.

Детерминированность и функциональность как основные типологические признаки являются для каждого типа формально-семантического взаимодействия и каждого лексического ряда абсолютными, то есть определяются однозначно (положительный или отрицательный, наличие или отсутствие). Остальные признаки проявляются в разной степени в конкретных лексических рядах и являются классифицирующими при выделении подтипов формально-семантического взаимодействия, поскольку последние не представляют собой однородную массу. Однако изучение этого вопроса требует особого экспериментального анализа. Изучение степени проявления вторичных деривационных признаков лексических рядов не входило в задачи данной работы и рассматривается как возможная перспектива исследования.

Исследование формально-семантического взаимодействия единиц текста с точки зрения их функционирования в качестве самостоятельных комплексов в силу пространности

материала было намеренно ограничено в работе анализом лексико-derivационных рядов. Изучение в названном аспекте именно этих языковых моделей представляется наиболее важным, поскольку, с одной стороны, возникающие при их формировании формально-семантические связи являются системными, с другой стороны, основные типы лексико-derivационных рядов (семантико-синтаксический и эпидигматический) как раз и представляют две различные речевые стратегии (норма - экспрессия). Предпринятое в работе семиологическое исследование лексико-derivационных рядов еще раз подтверждает мысль о текстовой самостоятельности ряда и позволяет сформировать методику анализа любого лексического ряда, функционирующего как единица текстового уровня.

Созданное в результате исследования описание ЛДР как модели организации ФСС можно считать полным, но представляется необходимым формальное структурирование и описание семантических процессов для недетерминированных типов ФСВ (лексико-семантического и тавтологического).

В качестве возможного направления дальнейшего исследования явления ФСВ лексических единиц может быть выдвинуто и сравнительно-сопоставительное: с одной стороны, определение типов ФСВ, релевантных для других языков, и соответствующее сопоставление с системой русского языка; с другой - анализ учета основных моделей организации ФСС и типов ФСВ при переводе текста на другой язык.

Все названные исследовательские шаги необходимы для создания целостной модели ФСВ единиц текста, а в конечном итоге, для детального описания сферы лексико-derivационного функционирования единиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аврасин В.М. Контраст в тексте: сущность и основы типологии // Структуры языкового сознания. - М.: Наука, 1990. - С. 117-129.
2. Агамджанова В.И. Семантическая итеративность как проецирование глобального смысла высказывания на лексико-семантический вариант слова // Контекстуальная семантика: Сб. науч. трудов. - Рига, 1982. - С. 3-9.
3. Агамджанова В.И. Функции актуализирующего контекста // Контекстуально обусловленная вариативность единиц языка: Сб-к науч. трудов. - Рига, 1989. - С. 4-13.
4. Адливанкин С.Ю., Мурзин Л.Н. О предмете и задачах дериватологии // Деривация и текст. -Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1984. - С. 3-12.
5. Азнаурова Э.С. Прагматика художественного слова. - Ташкент: Фан, 1988. - 121 с.
6. Акимова Г.Н. Лексический повтор с точки зрения экспрессивного синтаксиса // Проблемы комплексного анализа языка и речи: Межвуз. сб. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. - С. 112-118.
7. Акимова Г.Н. Развитие конструкций экспрессивного синтаксиса в русском языке // Вопросы языкознания. - 1981. - № 6. - С. 109-120.
8. Аладьина А.А. Лексический повтор с синтаксическим распространением в современном русском языке: Автореф. дисс. канд. фил.наук. - Л., 1985. - 22 с.
9. Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. - М.: Высшая школа, 1984. - 211 с.
10. Алексеева С.В. Деривация текста и сбои в его образовании: Автореф. дисс. канд. фил. наук. - Пермь, 1996. - 20 с.

11. Андрианова Е.К. К вопросу о модальности текста // Семантико-стилистическая организация предложения и текста. - Грозный: Изд-во Чеч.-Инг. ун-та, 1990. - С. 3-7.
12. Аникин А.И. Употребление однокоренных слов в предложении. - М: Просвещение, 1965. - 100 с.
13. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка. - М.: Наука, 1974. - 367 с.
14. Аругюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Изв. АН СССР. СЛЯ. - 1973. - т.32, №1. - С. 84-89.
15. Астафьева И.М. Виды синтаксических повторов, их природа и стилистическое использование (на материале современного английского языка): Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. - М., 1962. - 23 с.
16. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. - 2-е изд. - М.: "Сов. энциклопедия", 1969. - 608 с.
17. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. - М: Изд. иностр. л-ры, 1955. - 416 с.
18. Барлас Л.Г. Способы выражения авторской модальности в рассказах А.П.Чехова // Язык и стиль А.П.Чехова. - Ростов: Изд-во Рост. ун-та. 1986. - С. 29-36.
19. Белявская Е.Г. Семантика слова. - М.: Наука, 1987.- 128 с.
20. Белявская Е.Г. Актуализация лексического значения: формирование коммуникативных вариантов слова в тексте // Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М.Тореза. - Вып. 312. - М., 1988. - С. 80-95.
21. Блинова О.И. Мотивационно связанные слова на газетной полосе // Номинативные единицы языка и их функционирование. - Кемерово: Изд-во Кем. гос. ун-та, 1987. - С. 66-75.

22. Блинова О.И. Эстетическая функция мотивации // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка (функциональный аспект). Тезисы докл. Всероссийской науч. конференции. - Екатеринбург, 1993. - С. 17-18.
23. Блинова О.И. Явление мотивации слов: Лексикологический аспект. - Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1984. - 192 с.
24. Болотнова Н.С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. - Томск: Изд-во Томск. пед. ин-та, 1994. - 212 с.
25. Болотов В.И. Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариативности (основы эмотивной стилистики текста). - Ташкент: "Фан", 1981. - 116 с.
26. Бондарко А.В. К теории функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики. - М.: Наука, 1985. - С. 16-29.
27. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. - М.: Наука, 1983. - 208 с.
28. Брагина А.А. Экономия и избыточность в языке // Русская речь. - 1976. - № 1. - С. 64-70.
29. Ванников Ю.В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. - М.: Русский язык, 1979. - 296 с.
30. Варина В.Г. Лексическая семантика и внутренняя форма языковых единиц // Принципы и методы семантических исследований. - М.: Наука, 1976. - С. 233-244.
31. Вейзе А.А. Проблема анализа повторов как средства текстовой связи // Проблемы преподавания иностранных языков и языкознания. Тезисы докл. VII Республиканской научно-методической конференции преподавателей иностранных языков. - Алма-Ата, 1974. - С. 44-45.

32. Вепрева И.Т. Морфемный повтор в художественном тексте // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка (функциональный аспект). Тез. докл. Всероссийской науч. конф. - Екатеринбург, 1993. - С. 29-30.
33. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). - М.: Высшая школа, 1972. - 614 с.
34. Виноградова В.Н. Лексическая сочетаемость в словаре и тексте // Слово в грамматике и в словаре. - М.: Наука, 1984. - С. 176-183.
35. Винокур Т.Г. О некоторых синтаксических особенностях диалогической речи // Исследования по грамматике русского литературного языка. - М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. - С. 342-355.
36. Гак В.Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики-1972. - М.: Наука, 1973. - С. 349-372.
37. Гак В.Г. К диалектике семантических отношений в языке // Принципы и методы семантических исследований. - М.: Наука, 1976. - С. 73-92.
38. Гак В.Г. Повторная номинация на уровне предложения // Синтаксис текста. - М.: Наука, 1979. - С. 91-102.
39. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. - М.: Наука, 1981. - 139 с.
40. Гастева Н.Н. Диалогическое единство в разговорной речи: Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. - Саратов, 1990. - 20 с.
41. Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. - М.: Просвещение, 1966. - 408 с.
42. Гиндин С.И. Внутренняя организация текста (элементы теории и семантического анализа): Автореф. дисс... канд. фил. наук. - М., 1972. - 23 с.

43. Гиндин С.И. Онтологическое единство текста и виды внутритекстовой организации // Машинный перевод и прикладная лингвистика. - Вып.14. - М., 1971. - С. 114-135.
44. Гиндин С.И. Связный текст: Формальное определение и элементы типологии. - М., 1971. - 44 с.
45. Гипотеза в современной лингвистике. - М.: Наука, 1980. - 384 с.
46. Голев Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации. - Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1989. - 252 с.
47. Голев Н.Д. О природе мотивационных ассоциаций в лексике русского языка // Известия АГУ. - 1996. - № 2. - С. 7-11.
48. Голев Н.Д. Функции эпидигматики в языке и речи (постановка проблемы) // Типы языковых парадигм: Сб. науч. трудов. - Свердловск: Изд-во Уральск. гос. ун-та, 1990. - С. 58-64.
49. Головин Б.Н. Язык и статистика. - М.: Просвещение, 1971. - 191 с.
50. Головкина Н.Т. Повтор как стилистическое средство в различных видах и жанрах речи (на мат. совр. нем. языка): Автореф. дисс... канд. фил. н. - М., 1964. - 16 с.
51. Григорьев О.П. Некоторые закономерности реализации лексического значения в контексте // Функционирование лексических единиц в контексте. - Воронеж: Изд-во Воронежск. гос. ун-та, 1982. - С. 13-40.
52. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. - М.: Прогресс, 1984. - 398 с.
53. Гурьянова М.А. Выявление внутренней формы как языковой прием в полемике направлений русского и советского языкознания 10-40 годов // Речевые приемы и ошибки: типология, деривация и функционирование: Сб. науч. трудов / Институт языкознания АН СССР; Пермский университет. - М., 1989. - С. 91-98.

54. Гучинская Н.О. Взаимодействие языковых уровней в художественном тексте // Единицы языка в коммуникативном и номинативном аспектах: Межвуз. сб. науч. трудов. - Л.: ЛГПИ, 1986. - С. 67-75.
55. Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. - М.: Наука, 1980. - 256 с.
56. Добронравова Н.Н. О функциях морфемного повтора в диалектной речи // Строение и функционирование синтаксических единиц. - Иркутск: Ир.ГПИ, 1983. - С. 135-143.
57. Добронравова Н.Н. Проблема повтора в номинативном аспекте (на диалектном материале) // Экспрессивность на разных уровнях языка: Межвуз. сб. науч. трудов. - Новосибирск: Изд-во НГУ, 1984. - С. 48-58.
58. Евгеньева А.П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII-XX вв. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. - 348 с.
59. Елфимов Г.М. Возникновение нового: Философский очерк. - М.: Мысль, 1983. - 188 с.
60. Ерасова Л.Г. Актуализация лексической семантики в тексте // Функционирование лексических единиц в контексте. - Воронеж: Изд-во Воронежск. гос. ун-та, 1985. - С. 32-48.
61. Еремина В.И. Повтор как основа построения лирической песни // Исследования по поэтике и стилистике. - М.: Наука, 1972. - С. 37-66.
62. Жинкин Н.И. Механизмы речи. - М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1958. - 370 с.
63. Журенко Н.Б. Риторика и классическая проза: О семантике рядов однокоренных слов у Ксенофонта // Античная поэтика. - М.: Наука, 1991. - С. 216-231.
64. Загоровская О.В. Эстетическая функция языка и эстетическая значимость слова в художественном тексте: Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. - Воронеж, 1977. - 20 с.

- 65.Задорожный М.И. О так называемом эпидигматическом измерении лексики // Слово в системе и тексте: Межвуз. сб-к науч. трудов. - Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1988. - С. 20-37.
- 66.Зарубина Н.Д. К вопросу о лингвистических единицах текста // Синтаксис текста. - М.: Наука, 1979. - С. 103-112.
- 67.Земская Е.А. Словообразование как деятельность. - М.: Наука, 1992. - 222 с.
- 68.Земская Е.А. Функциональный подход к изучению деривационных морфем // Морфемика. Принципы и методы системного описания: Межвуз. сб. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. - С. 65-73.
- 69.Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев В.Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. - М.: Наука, 1981. - 276 с.
- 70.Змиевская Н.А. Лингвостилистические особенности дистантного повтора и его роль в организации текста: Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. - М., 1978. - 25 с.
- 71.Иванчикова Е.А. Об изобразительных возможностях синтаксических средств в художественном тексте // Русский язык. Проблемы художественной речи. - М.: Наука, 1981. - С. 92-111.
- 72.Иванчикова Е.А. Лексический повтор как экспрессивный прием синтаксического распространения // Мысли о современном русском языке. - М.: Просвещение, 1969. - С. 126-139.
- 73.Кабинетская Т.Н. Повтор как прием экспрессивного синтаксиса в публицистике // Проблемы семантики русского языка: Межвуз. сб. науч. трудов. - Ярославль: Изд. ЯрГПИ, 1986. - С. 101-108.
- 74.Караулов Ю.Н. Текстовые преобразования в ассоциативных экспериментах // Язык: система и функционирование. - М.: Наука, 1988. - С. 108-116.

- 75.Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. - М.-Л.: Наука, 1965. - 110 с.
- 76.Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание. - Л.: Наука, 1986. - 298 с.
- 77.Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. - Л.: Наука, 1972. - 216 с.
- 78.Кендэл М.Д. Ранговые корреляции / пер. с англ. - М.: Статистика, 1975. - 214 с.
- 79.Киселева А.П. О сущности динамического присоединения // Проблемы семантики русского языка: Межвуз. сб науч. трудов - Ярославль: Изд-во ЯрГПИ, 1986. - С. 80-85.
- 80.Кисловская Е.Н. Побудительная модальность в структуре повтора: Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. - М., 1975. - 18 с.
- 81.Кияк Т.Р. Мотивированность лексических единиц: Автореф. дисс. ... докт. фил. наук. - Львов, 1988. - 40 с.
- 82.Клеменцова Н.Н. Роль производного слова в тематической организации художественного текста // Дериватология и дериватография литературной нормы и научного стиля: Сборник науч. трудов. - Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1984. - С. 135-145.
- 83.Клеменцова Н.Н. Создание, восприятие и использование производного слова в тексте: Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. - М., 1986. - 25 с.
- 84.Кобков В.П. Информационная избыточность и способы сжатия текста // В помощь преподавателям иностранных языков. - Вып. 5. - Новосибирск., 1974. - С. 14-22.
- 85.Кожевникова Н.А. О типах повтора в прозе А.Белого // Лексические единицы и организация структуры литературного текста: Сб. науч. трудов - Калинин: Изд-во КГУ, 1983. - С. 52-70.
- 86.Кожин А.Н. Лексический повтор в стихотворных текстах А.Блока // Образное слово А.Блока. -М.: Наука, 1980. - С.56-89.

87. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. - М.: Наука, 1984. - 176 с.
88. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. - М.: Наука, 1980. - 149 с.
89. Комлев Н.Г. Семантика слова в речевой реализации (к основаниям денотативной грамматики): Автореф. дисс. ... докт. фил. наук. - М., 1988. - 44 с.
90. Комлев Н.Г. Слово в речи: денотативные аспекты. - М.: Изд-во МГУ, 1992. - 216 с.
91. Корбут А.Ю. Повтор как средство структурной организации художественного прозаического текста (элементы симметрии): Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. - М., 1995. - 22 с.
92. Костомаров В.Г., Леонтьев А.А. Некоторые теоретические вопросы культуры речи. // Вопросы языкознания. - 1966. - № 5. - С. 3-16.
93. Которова М.П. Повторы как средство связи предложений в научном стиле сравнительно с художественным // Уч. записки Перм. гос. ун-та. - 1974. - Вып. 4, № 302. - С. 110-130.
94. Крадожен Е.М. Деривационный повтор в поэтическом цикле А.Ахматовой // Проблемы деривации: семантика и поэтика. - Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1991. - С. 98-105.
95. Кубрякова Е.С. Деривация, транспозиция, конверсия // Вопросы языкознания. - 1974. - № 5. - С. 64-76.
96. Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразование // Языковая номинация. Виды наименований. - М.: Наука, 1977. - С. 222-303.
97. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. - М.: Наука, 1981. - 200 с.

98. Кузнецова Р.Д. Роль повторов в сложноподчиненном предложении (на материале древнерус. и старорус. грамот) // Синтаксис предложения: Сб. науч. трудов. - Калинин: Изд-во КГУ, 1983. - С. 22-33.
99. Курилович Е. Очерки по лингвистике. - М.: Изд-во иностр. л-ры, 1962. - 456 с.
100. Левитов Ю.Л. Введение в стилистическую грамматику немецкого языка. - Калинин: Изд-во КГУ, 1984. - 168 с.
101. Левицкий В.В., Стернин И.А. Экспериментальные методы в семасиологии. - Воронеж: Изд-во Воронежск. гос. ун-та, 1989. - 155 с.
102. Левковская Н.А. Семантика и структура хиазматических построений // Лексическая и синтаксическая семантика: Межвуз. тематич. сб. - Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1980. - С. 81-88.
103. Лейкина Б.М. К вопросу об оценке связности и цельности текста // Структурная и прикладная лингвистика. - Вып. 1. - Л., 1978. - С. 67-74.
104. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. - М.: Наука, 1969. - 307 с.
105. Лепина Р.А. Роль лексического повтора в семантико-синтаксической организации предложения: Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. - Киев, 1977. - 26 с.
106. Летучева В.П. Сложноподчиненное предложение с лексико-синтаксическим повтором в русском языке: Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. - Л., 1976. - 20 с.
107. Лингвистический энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1990. - 682 с.
108. Лисоченко Л.В. Высказывания с имплицитной семантикой (логический, языковой и прагматический аспекты). - Ростов н/Д.: Изд-во Рост. гос. ун-та, 1992. - 160 с.

- 109.Лобанова Н.Н., Логинова Л.В. Особенности деривационных парадигм на словообразовательном и синтаксическом уровнях // Парадигматические отношения на разных уровнях языка. - Свердловск: Изд-во УрГУ, 1990. - С.110-119.
- 110.Лопатин В.В. О тавтологических ошибках // Русский язык в школе. - 1964. - № 3. - С. 18-21.
- 111.Лурия А.Р. Язык и сознание. - М.: Изд-во МГУ, 1979. - 319 с.
- 112.Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. - М.: Наука, 1986. - 200 с.
- 113.Макаров В.В. Риторическая организация полилогического макротекста // Текст: структура и анализ. - М.: Наука. 1989. - С. 85-88.
- 114.Малеева М.С. Лексическая и синтаксическая объективация знания в словообразовательном контексте. - Воронеж: Изд-во Вор. гос. ун-та, 1983. - 186 с.
- 115.Малинович Ю.М. Экспрессия и синтаксис художественного текста // Проблемы лингвистического анализа текста: Сб. статей. - Иркутск: Ир.ГПИ, 1980. - С. 5-14.
- 116.Мальцев В.А. Параллелизм, его взаимосвязь с повтором и роль в организации художественного текста // Романское и германское языкознание. - Вып. 6. - Минск: Вышэйшая школа, 1976. - С. 128-140 .
- 117.Мальченко А.А. Повтор в синтаксических конвергенциях: Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. - М., 1975. - 18 с.
- 118.Марков Ю.Г. Функциональный подход в современном научном познании. - Новосибирск: Наука, 1982. - 255 с.
- 119.Маслов Б.А. Проблемы лингвистического анализа связного текста (надфразовый уровень). - Таллин: Изд-во Талл. гос. ун-та, 1975. - 104 с.

- 120.Медведева Л.М. Спорное в проблеме номинации: к изучению вопроса взаимодействия синтаксиса и словообразования // НДВШ. Филологические науки. - 1988. - № 6. - С. 52-57 .
- 121.Медникова Э.М. Значение слова и методы его описания. - М.: Высшая школа, 1974. - 202 с.
- 122.Меншутина О.Н. Идеино-художественное осмысление некоторых повторов в романе Ф.М.Достоевского "Преступление и наказание" // Русская речь. - 1982. - № 3. - С. 47-51.
- 123.Милованова Н.Л. Повтор и его функция в стиле научной прозы // Проблемы функционирования языка в его разновидностях: Межвуз. сб. науч. трудов. - Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1981. - С. 17-32.
- 124.Москальчук Г.Г. Фразовый повтор в диалектной речи: Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. - М., 1990. - 16 с.
- 125.Мурзин Л.Н. Лингвистическое моделирование и деривация в речевой деятельности // Деривация в речевой деятельности: Сборник научных трудов. - Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1990. - С. 4-10.
- 126.Мурзин Л.Н. Норма, речевой прием и ошибка с динамической точки зрения // Речевые приемы и ошибки: типология, деривация и функционирование: Сборник научных трудов / Институт языкознания АН СССР; Пермский университет. - М., 1989. - С. 5-13.
- 127.Мурзин Л.Н. О динамической природе языка // Спорные вопросы русского языкознания. Теория и практика. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. - С. 61-68.
- 128.Мурзин Л.Н. Основы дериватологии. - Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1984. - 56 с.
- 129.Мурзин Л.Н. Синтаксическая деривация. - Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та. 1974. - 170 с.

130. Мурзин Л.Н. Фокализация морфемы в тексте // Морфемика. Принципы и методы системного описания: Межвуз. сб. - Л.: Изд-во ЛГУ. 1987. - С. 127-139.
131. Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. - Свердловск: Изд-во УрГУ, 1991. - 172 с.
132. Мыркин В.Я. Типы контекстов, коммуникативный контекст // НДВШ, Филологические науки. - 1978. - № 1. - С. 95-100.
133. Мышанич К.М. О стилистической роли повтора // Вестник Киевск. ун-та. Романо-германская филология. - Вып. 19. - Киев: Вища школа, 1980. - С. 67-69.
134. Мышкина Н.Л. Динамико-системное исследование смысла текста. - Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1991. - 212 с.
135. Наумов В.Г. Мотивационные отношения слов диалекта и типы их актуализации // Вопросы словообразования в индоевропейских языках (семантический аспект). - Томск: Изд. Томск. гос. ун-та, 1983. - С.64-75 .
136. Некрасов А.С. Повторная номинация как фактор композиции художественного текста: Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. - М., 1985. - 16 с.
137. Некрасова Е.А. Художественный прием как средство реализации эстетической функции языка // Русский язык. Языковые значения в функциональном и эстетическом аспектах. - М.: Наука, 1987. - С. 130-143.
138. Нестерова К.И. Стилистический прием повтора в советской прозе // НДВШ. Филологические науки. - 1988. - № 2. - С. 8-14.
139. Никитевич В.М. Основы номинативной деривации. - Минск: Вышэйшая школа, 1985. - 157 с.
140. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. - М.: Наука, 1983. - 216 с.
141. Новиков А.И., Ярославцева Е.И. Семантические расстояния в языке и тексте. - М.: Наука, 1990. - 136 с.

- 142.Новикова Н.С. Тематическая группа как семантический компонент текста // Русский язык в национальной школе. - 1985. - № 5. - С. 8-13 .
- 143.Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю.Шведовой. - 19-е изд., испр. - М.: Рус.яз., 1987. - 750 с.
- 144.Павлова Н.В. Образование поэтических парадигм. // Проблемы структурной лингвистики. 1983. - М.: Наука, 1986. - С. 74-87.
- 145.Перевозчикова Ф.Д. Тавтологические сочетания в современном русском языке // Нормы современного русского литературного словоупотребления. - М.-Л.: Наука, 1966. - С. 66-78.
- 146.Плотников Б.А. О форме и содержании в языке. - Минск: Вышэйшая школа, 1989. - 254 с.
- 147.Попова Т.В. Контекстное варьирование семантики производного слова // Функциональная семантика слова: Сб. науч. тр. - Екатеринбург: УГПИ, 1993. - С. 12-20.
- 148.Попова Т.В. Повтор как стилистическое средство выражения эмоций // Вестник Харьк. ун-та. - 1978. - Вып. 2, № 170. - С. 58-64.
- 149.Попович М.М. Номинальные повторы в тексте (на мат. франц. яз.): Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. - Минск, 1983. - 23 с.
- 150.Потапова Н.П. Отклонения от нормы в речи как следствие деривационных процессов // Речевые приемы и ошибки: типология, деривация и функционирование: Сб. науч. тр. / Институт языкознания АН СССР; Пермск. гос. ун-т. - М., 1989. - С. 44-49.
151. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 3. - М.: Просвещение, 1968. - 551 с.
- 152.Расторгуева Г.В. Повтор в неметрической структуре поэтического текста // Система языка и речевая реализация его категорий: Сб. науч. трудов. - Л.: ЛГПИ, 1978. - С. 85-87.

- 153.Резанова З.И. Функциональный аспект словообразования: Русское производное имя. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. - 219 с.
- 154.Реферовская Е.А. Лингвистические исследования структуры текста. - Л.: Наука, 1983. - 215 с.
- 155.Рогова К.А. О лексическом повторе в публицистической речи // Проблемы функционирования языка в его разновидностях: Межвуз. сб. науч. трудов - Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1981. - С. 128-134.
- 156.Рохлин А.С. Сложные синтаксические единства с повторами слов, сочетаний слов и предложений // Вопросы современного русского языка: Научн. труды Краснодар. гос. пед. ин-та. - Краснодар, 1968. - С. 122-136 .
- 157.Русская грамматика. Т.Т. I-II / под ред. Шведовой Н.Ю. - М.: Наука, 1980.
- 158.Русская разговорная речь. - М.: Наука, 1973. - 485 с.
159. Русякова З.В. Корневой повтор в синтаксических конструкциях современного английского языка: Автореф. дисс... канд. фил. наук. - М., 1981. - 16 с.
- 160.Рыбакова Г.Н. Лексический повтор в парцелированных сложноподчиненных предложениях // Единицы различных уровней в языке и речи. - Краснодар: Изд-во Краснодар. гос. пед. ин-та, 1976. - С.102-109.
- 161.Савченко Л.И. Повторы как стилистический прием художественной прозы (на материале произведений Ф.М.Достоевского) // Проблемы теории и методики языка: Межвуз. тематич. сб. - Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 1980. - С. 19-57.
- 162.Сахарный Л.В. Производное слово как тип коммуникативной номинации // Психолингвистические и социологические детерминанты речи. - М.: Наука, 1978. - С. 65-81 .

- 163.Сахарный Л.В. Словообразование в речевой деятельности (образование и функционирование производного слова в русском языке): Автореф. дисс... докт. фил. наук. - Л., 1980. - 48 с.
- 164.Сивуха Е.М. Роль повторов в создании звукового образа речи // Деривация и текст. - Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1989. - С. 163-168 .
- 165.Синкевич Е.Н. Деривационная глагольная омонимия и ее источники // Структурно-семантические исследования немецкой лексики. - Калинин: Изд-во КГУ, 1980. - С. 114-119.
- 166.Скирдач О.М. Лингвистические принципы тематической организации текста (к проблеме динамики текстовых структур): Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. - М., 1985. - 24 с.
- 167.Сковородников А.П. Позиционно-лексический повтор как стилистическое явление // Филологические науки. - 1984. - № 5. - С. 71-76.
- 168.Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. - Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1981. - 255 с.
- 169.Славин М.Б. Методы системного анализа. - М.: Медицина, 1989. - 304 с.
- 170.Соколов О.М. Вопросы морфемно-семантической соотносительности в лексике русского языка. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 1972. - 218 с.
- 171.Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. - М.: Прогресс, 1977. - 695 с.
- 172.Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. - Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1985. - 172 с.
- 173.Стрюк Л.Б. Идеино-художественная функция повтора в лирике: Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. - Киев, 1983. - 22 с.
- 174.Тимощук Л.Н. Повтор как лингвостилистический и структурно-композиционный элемент прозы В.Берхарта: Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. - Львов, 1975. - 19 с.

175. Тихомирова Т.С. О творительном тавтологическом в русском языке // Славянская филология. - Вып. V. - М.: Изд-во МГУ, 1963. - С. 242-266.
176. Торопцев И.С. Язык и речь. - Воронеж: Изд-во Воронежск. гос. ун-та, 1985. - 184 с.
177. Улуханов И.С. О грамматических свойствах мотивирующих слов // Язык: система и функционирование /отв. ред. Ю.Н. Караулов. - М.: Наука, 1988. - С. 249-257.
178. Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания: Автореф. дисс. докт. фил. наук. - М., 1975. - 48 с.
179. Устина Н.В. К функционально-смысловой спецификации субстантивных повторов в тексте // Синтаксис предложения и текста. - Пятигорск: ПгПИИЯ, 1989. - С. 18-28.
180. Ушакова Т.Н. Актуальные проблемы психологии речи // Психологические и психофизиологические исследования речи. - М.: Наука, 1985. - С. 3-13.
181. Ушакова Т.Н., Павлова Н.Д., Зачесова И.А. Психологические исследования семантики речи // Психологические и психофизиологические исследования речи. - М.: Наука, 1985. - С. 45-66.
182. Фонякова О.И. Стилистическая роль повтора в автобиографических повестях М. Горького // Вопросы стилистики. - Вып. 6. - Саратов: Сар.ГУ, 1973. - С. 59-69.
183. Храковский В.С. Проблемы деривационной синтаксической теории и вопросы синтаксиса арабского языка: Автореф. дисс. ...докт. фил. наук. - Тбилиси, 1972. - 44 с.
184. Цветкова Т.С. Понятие повтора и его классификация в лингвистической литературе // Грамматическая семантика: Республиканский сборник. - Горький, 1979. - С. 145-151.
185. Чебаевская Е.Н. Повтор как стилистический прием и как принцип выдвижения // Система языка и речевая реализация его категорий: Сб. науч. трудов. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. - С. 107-109.

186. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. - М.: Наука, 1991. - 239 с.
187. Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. - М.: Наука, 1991. - 214 с.
188. Черри К. Человек и информация. - М: Связь, 1972. - 368 с.
189. Чинчлей Г.С. Очерки по деривации в современном французском языке. - Кишинев: Штиинца, 1991. - 120 с.
190. Чинчлей Г.С. Соотношение минимальных значимых единиц языковой структуры. - Кишинев: Штиинца, 1975. - 224 с.
191. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. - М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. - 377 с.
192. Шеннон К.Э. Предсказание и энтропия печатного английского текста // Шеннон К.Э. Работы по теории информации и кибернетике. - М.: Изд-во иностр. литературы, 1963. - С. 667-686.
193. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). - М: Наука, 1973. - 280 с.
194. Янценецкая М.Н. Семантические вопросы теории словообразования. - Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1979. - 242 с.
195. Янценецкая М.Н. Мотивационные отношения в лексике и лексическое гнездо // Семантическая структура слова: Сб. науч. трудов. - Кемерово: Изд-во Кем.ГУ, 1984. - С. 3-17.

Рукописные работы

196. Голев Н.Д. Лексико-деривационное пространство русского текста: структура, семантика, прагматика. - 1996.

- 197.Голев Н.Д. Третье (эпидигматическое) измерение русской лексики в функциональном аспекте (на материале текстовых эпидигм). - 1995.
- 198.Гусар Е.Г. Роль суппозитивного фактора в деривации означаемого лексической единицы текста (на материале современного русского языка): Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. - Барнаул, 1995.
- 199.Родионова Э.М. Виды и функции лексического повтора в романе К.Федина "Города и годы": Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. - Л., 1991.